А. С. ГРИБОЕДОВ

ГОРЕ ОТ УМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А. С. Грибоедов

Акварельный портрет работы В. И. Мошкова, 1827 г. Гос. литературный музей. Москва

А. С. ГРИБОЕДОВ

ГОРЕ ОТ УМА

Второе издание, дополненное

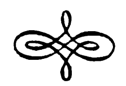
Издание подготовил Н. К. ПИКСАНОВ
при участии А. Л. ГРИШУНИНА

МОСКВА «НАУКА» 1987

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Л. Гришунин

Г $\frac{4702010100-057}{042(02)-87}$ без объявления

ГОРЕ ОТ УМА

**КОМЕДИЯ
В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ
В СТИХАХ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.

Софья Павловна, его дочь.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна, молодая дама } Горичи.
Платон Михайлович, муж ее } Горичи.

Князь Тугоуховский и

Княгиня, жена его, с шестью дочерями.

Графиня бабушка } Хрюмины.
Графиня внучка } Хрюмины.

Антон Антонович Загорецкий.

Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.

Г. Н.

Г. Д.

Репетилов.

Петрушка и несколько говорящих слуг.

Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.

Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ I

Явление 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откудова слышно фортопияно с флейтою, которые потом умолкают.

Лизанька середи комнаты спит, свесившись с кресел.

(Утро, чуть день брежжится)

Лизанька *(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)*

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказ.
«Ждем друга».— Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. сказать им...

(Стучится к Софии)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша зá ночь.
Вы глухи? — Алексей Степаноч!
Сударыня!..— И страх их не берет!

(Отходит от дверей)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюбленной!

(Опять к дверям)

Да расходитесь. Утро.— Что-с?

(Голос Софии)

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София *(из своей комнаты)*

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София *(оттуда же)*

Неправда.

Лизанька *(прочь от дверей)*

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю, будет гонка,
Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют)

Явление 2

Лиза и Фамусов

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопьяно;
Для Софьи слишком было б рано??..

Лиза

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусов

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так верно с умыслом.

(Жмется к ней и заигрывает)

Ой! зелье, баловница.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Фамусов

Скромна, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветренники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда придти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится.
И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти; разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза *(как можно громче)*

Да полноте-с!

Фамусов *(зажимает ей рот)*

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышут...

Фамусов

Всё ты лжешь.

Голос Софии

Эй Лиза!

Фамусов *(торопливо)*

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках)

Л и з а *одна*

Ушел... Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

Явление 3

Л и з а, С о ф и я со свечкою, за ней М о л ч а л и н

С о ф и я

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Л и з а

Конечно вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

С о ф и я

Ах, в самом деле рассвело!

(Тушит свечу)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Л и з а

Тужите знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала,
Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

С о ф и я

Счастливые часов не наблюдают.

Л и з а

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

С о ф и я *(Молчалину)*

Идите; целый день еще потерпим скуку.

Л и з а

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым)

Явление 4

С о ф и я, Л и з а, М о л ч а л и н, Ф а м у с о в

Ф а м у с о в

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

М о л ч а л и н

Я-с.

Ф а м у с о в

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

С о ф и я

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! —

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.—

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София *(сквозь слезы)*

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем;
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь...

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по летам.
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки!

Берем же побродяг, и в дом и по билетам.
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин ассесора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содейство;
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть!
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.—

София

Вот в чем однако случай весь:
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног...

Фамусов

Пожалуй на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог!—

София

По смутном сне безделица тревожит.
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.
(Садится)

София

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен,
Но робок... знаете, кто в бедности рожден...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса.—
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол — и вы оттуда
Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери
Нас врозь — и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему — вы тащите с собой:

Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!..—
Проснулась.— Кто-то говорит:
Ваш голос был; что, думаю, так рано?
Бегу сюда, и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон, как погляжу
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, за чем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!

(Встает)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;

Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу.—
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для докладу,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед)

Явление 5

София, Лиза

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

С о ф и я

Что мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор...
Ты можешь посудить...

Л и з а

Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас; — добро еще со мной;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

С о ф и я

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум нейдет;
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла.

Л и з а

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я! в любви не будет в этой прока
Ни во веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами, да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну разумеется к тому б

И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он балы;
Вот например полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду,—
Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать речист, а больно не хитер;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится . . .

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? — Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался.—
Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь —
А он в ответ: — «Недаром, Лиза, плачу,
«Кому известно, что найду я воротясь?
«И сколько может быть утрачу!»—
Бедняжка будто знал, что года через три...

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено быть может поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изменила?
Кому? чтоб укорять неверностью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!!..
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко...
Охота странствовать напала на него,
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать, и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он водах,
Не от болезни чай, от скуки,— повольнее.

София

И верно счастлив там, где люди посмешнее.
Кого люблю я, не таќов:
Молчалин, за других себя забыть готов,
Враг дерзости, всегда застенчиво, несмело
Ночь целую, с кем можно так провесть!
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,
Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.—
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому!

Лиза

Мне-с?.. ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить,
И через три дни поседела.

(*Продолжает хохотать*)

София (*с огорчением*)

Вот так же обо мне потом заговорят.—

Лиза

Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

Явление 6

София, Лиза, Слуга, за ним Чацкий

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.

(*Уходит*)

Явление 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног.

(*С жаром целует руку*)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели;
Ни на волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся, ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы ради? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется этак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут,
Сударыня, скажите сами.—

София

Всегда, не только что теперь.—
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен кто верует, тепло ему на свете! —
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда бывало в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом;
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик, дверь...

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В семнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,

Не знаю как его зовут,
Куда ни сунься: тут, как тут,
В столовых и в гостиных.
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,

Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то, чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и географом!
Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья! —
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще? —

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж? он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме!..—Здесь нынче тон каков
На съездах, на больших, по праздникам приходским?
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским? —

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

София

Не мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере не надутый.
Вот новости! — я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристает: пожалуйте списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных*.

София (*в сторону*)

Не человек, змея! (*Громко и принужденно*)
Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве может быть.

Чацкий

Когда всё мягко так? и нежно, и незрело?
На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.

И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки!.. —
И всё-таки я вас без памяти люблю.—

(*Минутное молчание*)

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо сгорите, если ж нет?

Явление 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов

Фамусов

Вот и другий.

София

Ах, батюшка, сон в руку.

(*Уходит*)

Фамусов (*ей вслед вполголоса*)

Проклятый сон.

Явление 9

Ф а м у с о в, Ч а ц к и й (*смотрит на дверь, в которую София вышла*)

Ф а м у с о в

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

(*Обнимаются*)

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

(*Садятся*)

Ч а ц к и й (*рассеянно*)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Ф а м у с о в

Вам людям молодым, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай надеждами занесся, заколдован.

Ч а ц к и й

Ах! нет: надеждами я мало избалован.

Ф а м у с о в

«Сон в руку» — мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Ч а ц к и й

Я? Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Что б было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё свое. Да расскажи подробно,
Где был? скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях)

Как хороша!

(Уходит)

Явление 10

Фамусов *(один)*

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом! —

(Уходит)

Конец 1 действия

ДЕЙСТВИЕ II

Явление 1

Фамусов, Слуга

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же.— На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат, и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;
Скончался; все о нем прискорбно поминают.

Кузьма Петрович! Мир ему! —
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши в четверг, одно уж к одному,
А может в пятницу, а может и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторше, крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.—

Явление 2

Фамусов, Слуга, Чацкий

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов *(Слуге)*

Поди.

(Слуга уходит)

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди.—

Чацкий

Вы что-то не веселы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне в присядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только, что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся, тупеем не кивнут.
Вельможа в случае, тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный прав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкий;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь — уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по вашему? по нашему смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
За то бывало в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?

Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние,— нутка!—

Чацкий

И точно начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом;
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Всё под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю;
Его не возмутим мы праха:
Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок,
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: Ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.—

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет...

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам...

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам...

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам впридачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю,

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.—

Фамусов *(скороговоркой)*

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди,

Чацкий

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье! —

Явление 3

Слуга *входит*

Полковник Скалозуб.

Фамусов *(ничего не видит и не слышит)*

Тебя уж упекут.
Под суд, как пить дадут.

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд! под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов *(оборачивается)*

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Фамусов *(встает)*

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

(Слуга уходит)

Пожало-ста, сударь, при нем остерегись:
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал;
Не по летам, и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожало-ста при нем веди себя скромненько.
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько;
Я всякому, ты знаешь, рад;
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!
Он может быть и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Ведь Софья молода. А впрочем власть господня.
Пожало-сто при нем не спорь ты вкривь и вкось;
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит)

Явление 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!
А Софья? — Нет ли впрямь тут жениха какого?
С которых пор меня дичатся как чужого!
Как здесь бы ей не быть!!..
Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,
А может быть не только, что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

Явление 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничик отвернем поскорее.

Скалозуб *(густым басом)*

Зачем же лазить например
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Сергей Сергеич дорогой!
Кладите шляпу, сденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

(Садятся все трое, Чацкий поодаль)

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно,
Спасибо научил двоюродный ваш брат;
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служащие чужие очень редки;
Всё больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье у кого есть эдакий сынок;
Имеет, кажется, в петличке орденок? —

Скалозуб

За третье августа, засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть — так хват;
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!..— читать!.. а после хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого господь поищет, вознесет!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале,

Фамусов

Помилуйте, а вам чего недостает?

Скалозуб

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.—

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу;
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;
На всё свои законы есть:
Вот например у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохинький, да если наберется
Душ тысячки две родовых,—
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в семью не включат. На нас не подиви.
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать,— изволь;
Дверь отперта для званных и незванных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и внучат,
Журим мы их, а если разберешь,
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор,—
Ведь столбовые все, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их... беда!
Не то, чтоб новизны вводили,— никогда,

Спаси нас боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке — по уму!
Я вам скажу, знать время не приспело,
Но что без них не обойдется дело.—
А дамы? — сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение, ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, всяк голову повесь,
Его величество король был прусский здесь;
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой;
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью
Пожар способствовал ей много к украшенью,

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли крехтят!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов *(Чацкому)*

Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услуга.

(Скалозубу)

Позвольте, батюшка. Вот-с Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти: так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой;
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все также осуждают.

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времён Очаковских и покоренья Крыма;

Всегда готовые к журьбе,
Поют все песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где? укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли, вы к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот еще, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы по одиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,

Из молодых людей, найдется: враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,—
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!! —
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали:
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов *(про себя)*

Уж втянет он меня в беду.

(Громко)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит)

Явление 6

Скалозуб, Чацкий

Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы

К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам;
Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!
А в первой армии когда отстали? в чем?
Всё так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтём
Что даже говорят, иные, по-французски.—

Явление 7

Скалозуб, Чацкий, Софья, Лиза

София *(бежит к окну)*

Ах! боже мой! упал, убился! —
(Теряет чувства)

Чацкий

Кто?
Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза *(хлопочет около барышни)*

Кому назначено-с: не миновать судьбы,
Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул, ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он, грудью или в бок?

(Уходит)

Явление 8

Те же без Скалозуба

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

(Чацкий бежит и приносит. Всё следующее вполголоса, до того, как Софья очнется)

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит.
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,

Опрыскивай водой. Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно,
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав.
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София *(с глубоким вздохом)*

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды для вас забавы,
Отец родной убейся, все равно.

(Лизе)

Пойдем туда, бежим.

Лиза *(отводит ее в сторону)*

Опомнитесь! куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

(София в окошко высовывается)

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.—

Чацкий

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

Явление 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин (*с подвязанною рукою*)

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И впрочем все фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрометью вбежали.—
Мы вздрогнули! — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София (*не глядя ни на кого*)

Ах! очень вижу, из пустого,
А вся еще теперь дрожу.

Ч а ц к и й *(про себя)*

С Молчалиным ни слова!

С о ф и я

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так бывает,
Карета свалится, подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но всё малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того
Хоть незнакомый мне, до этого нет дела.

Ч а ц к и й *(про себя)*

Прощенья просит у него.
Что раз о ком-то пожалела!

С к а л о з у б

Позвольте расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух;
Жоке не поддержал, считал он видно мух.—
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

С о ф и я

Ах, Александр Андреич, вот,
Явитесь, вы вполне великодушны,
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил,
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем,
Не знаю для кого, но вас я воскресил.

(Берет шляпу и уходит)

Явление 10

Те же кроме Чацкого

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

Пораньше; съедутся домашние друзья,
Потанцовать под фортопияно,
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб *(жмет руку Молчалину)*

Ваш слуга.

(Уходит)

Явление 11

С о ф и я, Л и з а, М о л ч а л и н

С о ф и я

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

М о л ч а л и н

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Л и з а

Ударюсь об заклад, что вздор;
И если б не к лицу, не нужно перевязки;
А то не вздор, что вам не и бежать огласки:
На смех того гляди подымет Чацкий вас;
И Скалозуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

С о ф и я

А кем из них я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу.
Молчалин! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.—

М о л ч а л и н

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко, к вам прыгнуть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? — пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кобы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим,
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах,
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен, на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку)

С о ф и я

Хотите вы?.. Пойду любезничить сквозь слез;
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чацкого принес!

(Уходит)

Явление 12

М о л ч а л и н, Л и з а

М о л ч а л и н

Веселое созданье ты! живое!

Л и з а

Прошу пустить, и без меня вас двое.

М о л ч а л и н

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Л и з а

А барышню?

М о л ч а л и н

Ее
По должности, тебя...

Л и з а

От скуки.
Прошу подальше руки.

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа;
Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,
Кругом всё прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор:
Игольничик и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ, и для других причин,
С духами сткляночки: резеда и жасмин.—

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горничной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною;
Я правду всю тебе открою.

(Уходит в боковую дверь)

Явление 13

София, Лиза

София

Была у батюшки, там нету никого.
Сегодня я больна, и не пойду обедать,
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(Уходит к себе)

Явление 14

Л и з а

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу.—
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

Конец II действия

ДЕЙСТВИЕ III

Явление 1

Чацкий, потом София

Чацкий

Дождусь ее, и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие маневров и мазурки!
Судьба любви, играть ей в жмурки,
А мне...

(Входит София)

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

София *(про себя)*

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нет,
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин например...

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий *(держит ее)*

Постойте же. *(В сторону)* Раз в жизни
притворюсь.
(Громко)
Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может он не то, что три года назад;
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иный по армии, иный плохим поэтом,
Иный... Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый;
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?

Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем, и всем его делам
Душою — вы? вам угожденье?..
Сам это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно смирен, все такие не резвы;
Бог знает в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее;
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос;
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по свету, забыться и развлечься.

София (*про себя*)

Вот нехотя с ума свела!

(*Вслух*)

Что притворяться?
Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла;
А вы, случась на эту пору,

Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но может истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так нескрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет!—

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий *(с жаром)*

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел;
При батюшке три года служит,
Тот часто без толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит;
И между прочим

Веселостей искать бы мог;
Ничуть; от старичков не ступит за порог;
Мы резвимся, хохочим,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону)

Она его не уважает.

София

Конечно нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль, смысл этого всего?

(В сторону)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких;
Чужих и вкривь и вкось не рубит,—
Вот я за что его люблю.

Чацкий *(в сторону)*

Шалит, она его не любит.

(Вслух)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

Явление 2

Чацкий, София, Лиза

Лиза *(шопотом)*

Сударыня, за мной, сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

С о ф и я

Щипцы простудит.

Ч а ц к и й

Пускай себе...

С о ф и я

Нельзя, ждем на вечер гостей.

Ч а ц к и й

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух, всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

(София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза)

Явление 3

Ч а ц к и й, потом М о л ч а л и н

Ч а ц к и й

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

(Входит Молчалин)

Вон он на цыпочках, и не богат словами,
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов,
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положенный час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются;
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это полно та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная,— притом
Чиновные и должностные
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче,
От рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах, я от веселий прячусь,
Когда дурачиться: дурачусь;
А смешивать два эти ремесла —
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Переведен сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец,
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты;
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий *(почти громко)*

С такими чувствами! с такой душою
Любим!.. Обманщица, смеялась надо мною!

Явление 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат, слуги суетятся; один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей!

(Стучится к Софии в дверь)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

(Расходятся, остается один Чацкий)

Явление 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна, молодая дама

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу...
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужли так меня три года изменили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далеко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится
Однако, кто смотря на вас не подивится?
Полнее прежнего, похорошели страх;
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж, прелестный муж, вот он сейчас войдет.
Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите!

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлыч мой единственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

Явление 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна,
Платон Михайлович

Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлоч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

Платон любезный, славно.
Похвальный лист тебе, ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятья:
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус! в мужьях всего дороже.

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь!
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлоч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь; к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлоч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлоч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город.... Ты чудак!
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Дмитриевна

Ох! мой дружочик!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь, и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Послушайся разочик,
Мой милый, застегнись скорей,

Платон Михайлович *(хладнокровно)*

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, бога ради
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович *(глаза к небу)*

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди;
Уж точно стал не тот в короткое ты время;
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй, хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович *(со вздохом)*

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

Явление 7

Те же, Князь Тугоуховский и Княгиня с шестью дочерьми

Наталья Дмитриевна *(тоненьким голоском)*

Князь Петр Ильич, княгиня, боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

(Громкие лобызания, потом усаживаются и осматривают одна другую с головы до ног)

1-я княжна

Какой фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

1-я княжна

Обшито бахрамой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели, мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна

Какой эшарп cousin мне подарил!

4-я княжна

Ах! да, барежевый.

5-я княжна

Ах прелесть!

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! — Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий Чацкий.

Княгиня

От-став-ный?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стый?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда.— Живее.

Князь *(к ней оборачивает слуховую трубку)*

О! хм!

Княгиня

К нам на вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вон он!

Князь

И-хм! *(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает)*

Княгиня

Вот то-то детки;
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Дмитриевна

Нет.

Княгиня

Бо-гат?

Наталья Дмитриевна

О! Нет!

Княгиня *(громко, что есть мочи)*

Князь, князь! Назад!

Явление 8

Те же и Графини Хрюмины: бабушка и внучка

Графиня внучка

Ах! grand'maman! Ну, кто так рано приезжает?
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату)

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая, и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка *(вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет)*

Мсьё Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся, и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

Явление 9

Т е ж е и множество других гостей. Между прочим З а г о р е ц к и й. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. С о ф и я от себя выходит, все к ней навстречу.

Г р а ф и н я в н у ч к а

Eh! bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente *.

З а г о р е ц к и й

На завтрашний спектакль имеете билет?

С о ф и я

Нет.

З а г о р е ц к и й

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — всё взято,
К директору — он мне приятель,—
С зарей в шестом часу, и кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног;
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед;
Пусть дома просидит в покое.

---

* А; добрый вечер! Наконец-то вы! Вы не спешите и доставляете нам удовольствие ожидания (*франц.*).— *Ред.*

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какие, тем временем Загорецкий отходит к мужчинам)

Загорецкий

Платон Михайлоч...

Платон Михайлович

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им, и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат *(Чацкому)*, рекомендую!
Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее?— человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоноч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить горазд;
И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец, у нас ругают
Везде, а всюду принимают.

(Загорецкий мешается в толпу)

Явление 10

Те же и Хлёстова

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница, мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — светапреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку.—
Вели их накормить, ужо, дружочик мой;
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! *(Села)* Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Чорт сущий; в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с; в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят напоказ...
Я слышала, там... город есть турецкий...
А знаешь ли, кто мне припас?
Антон Антоноч Загорецкий.

(Загорецкий выставляется вперед)

Лгунишка он, картежник, вор.

(Загорецкий исчезает)

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих арапченков на ярмарке достал;
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай бог ему здоровье!

Чацкий *(с хохотом Платону Михайловичу)*

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцевала,
Я за уши его дирала, только мало.

Явление 11

Те же и Фамусов

Фамусов *(громогласно)*

Ждем князя Петра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился там в портретной,

Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет; кажется, что нет.— Он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлёстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб!

Явление 12

Те же и Скалозуб, потом Молчалин

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова *(сидя)*

Вы прежде были здесь... в полку... в том...
в гренадерском?

Скалозуб *(басом)*

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетерском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу.—

(Его и князя уводит с собою)

Хлёстова *(Софии)*

Ух! я точнехонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец;
Дался ему трех сажень удалец,
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин *(подает ей карту)*

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(Встает)

Молчалин

Ваш шпиц, прелестный шпиц; не более наперстка;
Я гладил всё его; как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие)

Явление 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин!— Кто другой так мирно всё уладит!
Там моську во-время погладит,
Тут в пору карточку вотрет,
В нем Загорецкий не умрет!..
Вы давиче его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли?— Да?

(*Уходит*)

Явление 14

С о ф и я, потом Г. Н.

С о ф и я (*про себя*)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!

Г. Н. (*подходит*)

Вы в размышленьи.

С о ф и я

Об Чацком.

Г. Н.

Как его нашли, по возвращеньи?

С о ф и я

Он не в своем уме.

Г. Н.

Ужли с ума сошел?

С о ф и я (*помолчавши*)

Не то, чтобы совсем...

Г. Н.

Однако есть приметы?

С о ф и я (*смотрит на него пристально*)
Мне кажется.

Г. Н.

Как можно в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону)

Готов он верить!
А, Чацкий! любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит)

Явление 15

Г. Н., потом Г. Д.

Г. Н.

С ума сошел!.. Ей кажется, вот на!
Недаром? Стало быть... с чего б взяла она!
Ты слышал?

Г. Д.

Что?

Г. Н.

Об Чацком?

Г. Д.

Что такое?

Г. Н.

С ума сошел!

Г. Д.

Пустое.

Г. Н.

Не я сказал, другие говорят.

Г. Д.

А ты расславить это рад?

Г. Н.

Пойду, осведомлюсь; чай кто-нибудь да знает.

(Уходит)

Явление 16

Г. Д., потом Загорецкий

Г. Д.

Верь болтуну!
Услышит вздор, и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г. Д.

С ума сошел!

Загорецкий

А! знаю, помню, слышал.
Как мне не знать? примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут;
Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили.

Г. Д.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи стало быть спустили.

Г. Д.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако чур! секрет.

Явление 17

Загорецкий, потом Графиня внучка

Загорецкий

Который Чацкий тут?— Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком.—
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком?—

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю.

Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума!

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

Явление 18

Те же и Графиня бабушка

Графиня внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!..

Графиня бабушка

Мой *т*руг, мне уши зало*ш*ило;
Ска*ш*и по*к*ромче...

Графиня внучка

Время нет!
Il vous dira toute l'histoire...*
Пойду, спрошу...

(Уходит)

Явление 19

Загорецкий, Графиня бабушка

Графиня бабушка

Что? что? уж нет ли здесь по*ш*ара?

* Он расскажет вам всю историю (*франц.*).— *Ред.*

Загорецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как, Чацкого? Кто свел в тюрьму?

Загорецкий

В горах изранен в лоб, сошел с ума от раны.

Графиня бабушка

Что? к фармазонам в клоб? Пошел он в *п*усурманы!

Загорецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит)

Графиня бабушка

Антон Антоныч! Ах!
И он *пеш*ит, все в страхе, впопыхах.

Явление 20

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский

Графиня бабушка

Князь, князь! ох, этот князь, по *п*алам, сам чуть *т*ышит!
Князь, слышали?—

Князь

А! хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть мо*ш*ет видели, здесь полицмейстер *п*ыл?

Князь

Э, хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И, хм?

Графиня бабушка

Тесак ему, да ранец,
В со*лт*аты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм?

Графиня бабушка

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

Явление 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом Фамусов и многие другие

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов *(входя)*

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и невесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я: он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай пил не по летам.

Княгиня

О! верно...

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий *(с жаром)*

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их;
Да от ланкартачных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи,
Профессоры!! у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь.

Загорецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а всё-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль,
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин,
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, сударь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Х л ё с т о в а

Всё врут календари.

Ф а м у с о в

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Х л ё с т о в а

Нет! триста, уж чужих имений мне не знать!

Ф а м у с о в

Четыреста, прошу понять.

Х л ё с т о в а

Нет! триста, триста, триста.

Явление 22

Т е ж е в с е и Ч а ц к и й

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а

Вот он.

Г р а ф и н я в н у ч к а

Шш!

В с е

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону)

Х л ё с т о в а

Ну как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

Фамусов

О господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва вишь виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знаки Софии)

Гм, Софья!— Не глядит!

София *(Чацкому)*

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначущая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча,

И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал, и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция.— Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон:
Ах! Франция! Нет в мире лучше края!—
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен.
Куда деваться от княжен!—
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою возжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен, на новый лад,
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..

Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев;
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
«С национальным, странно что-то!
«Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
«Ужли сударыня!!» — забормотал мне кто-то...
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!» —
Я рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня.—
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург, во всей России то,
Что человек из города Бордо;
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжен вселять участье;
И в Петербурге и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей по несчастью голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,
Глядь...

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам)

Конец III действия

ДЕЙСТВИЕ IV

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

Явление 1

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка *(покуда ее укутывают)*

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцовать.

Графиня бабушка

По*ет*ем, матушка, мне пра*ф*о не под силу,
Когда-нибу*ть* я с *п*ала *т*а в могилу.

(Обе уезжают)

Явление 2

Платон Михайлович
и Наталья Дмитриевна.
Один Лакей около их хлопочет,
другой у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попошь, что так уныло?
(Целует мужа в лоб)
Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на балах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем)

Платон Михайлович *(хладнокровно)*

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж иному на роду...

Лакей *(с крыльца)*

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович *(со вздохом)*

Иду, иду.

(Уезжает)

Явление 3

Чацкий и Лакей его впереди

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

(Лакей уходит)

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! — Пустое;
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый, вот резво
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь, и степь, и пусто и мертво;
Досадно мочи нет, чем больше думать станешь.

(Лакей возвращается)

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде вишь не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

(Лакей опять уходит)

Явление 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется)

Репетилов

Тьфу! оплошал.— Ах, мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher! *
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою,
И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня господь...

* Мой милый (*франц.*).— *Ред.*

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье! —

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час? —

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье придти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! — всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче например?

Репетилов

Что ночь одна, не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.

Пожалосто молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество, и тайные собранья,
По четвергам. Секретнейший союз...

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взашеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;
Поедем-ка сейчас; мы, благо на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!.. уж на меня нисколько не похожи,
Что за люди, mon cher! Сок умной молодежи! —

Чацкий

Бог с ними, и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы! у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим, подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг;
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со смеху морит!
Век с англичанами, вся английская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой Воркулов Евдоким,
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но» *.

---

* «A! non lasciar mi, no, no, no» — «Ах, не оставь меня, нет нет, нет!» (*итал.*).— *Ред.*

Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелоч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты однако отыскать
Его *отрывок*, *взгляд* и *нечто*.
Об чем бишь нечто? — обо всем;
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд,
Ну, между ими я конечно зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу,
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером глядь водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.

Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру, простят.—

Лакей *(у подъезда)*

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

Явление 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы

Репетилов *(к нему навстречу)*

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую)

Репетилов *(Скалозубу)*

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу.
Знакомы вы? *(Ищет Чацкого глазами)* Упрямец! ускакал!
Нет нужды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,

Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых напоят шампанским на убой,
А во-вторых таким вещам научат,
Каких конечно нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.

Репетилов

Всё служба на уме! Mon cher, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как может быть никто и никогда,
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку? —
Боялся видишь он упреку
За слабость будто бы к родне!

Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты души мытарства.
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал)

Явление 6

Репетилов, Загорецкий

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы, ужасный либерал!
И от того, что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял!..

Репетилов *(с досадой)*

Все врозь, не говоря ни слова;
Чуть из виду один, гляди уж нет другова.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,
И дельный разговор зашел про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

А кстати вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

Явление 7

Репетилов, Загорецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах

Загорецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы.—

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов, что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов *(затыкает себе уши)*

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий!!!.. Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова *(с лестницы)*

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Все *(друг другу)*

Прощайте.

(Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий тоже)

Явление 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Изволил во время явиться! —
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, господь с тобой.

(Молчалин уходит к себе в комнату)

Прощайте, батюшка, пора перебеситься.

(Уезжает)

Явление 9

Репетилов с своим лакеем

Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает)

Явление 10

(Последняя лампа гаснет)

Чацкий *(выходит из швейцарской)*

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!

И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье!
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют,
И вот общественное мненье!
И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? — Конечно рассказали,
Она не то, чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет
Ей всё равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок? беспамятство откуда?? —
Нерв избалованность, причуда,
Возбудит малость их, и малость утишит,
Я признаком почел живых страстей.— Ни крошки,
Она конечно бы лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София *(над лестницей во втором этаже, со свечкою)*

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет ее! неужели в виденьи?
Не впрямь ли я сошел с ума?
К необычайности я точно приготовлен;

Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его

Лакей его *(с крыльца)*

Каре...

Чацкий

Сс!.. *(Выталкивает его вон)*
Буду здесь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется. *(Прячется за колонну)*

Явление 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой

Лиза

Ах! мочи нет! робею:
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то, здесь внизу.

(Осматривается)

Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он чай давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

Явление 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает). София (крадется сверху)

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто не доест
И не доспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволочим.

Лиза

Что вы, сударь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянёт!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его,
Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь и простыну.

София *(в сторону)*

Какие низости!

Чацкий *(за колонною)*

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых угождать всем людям без изъятья;
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, сударь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай, обниму тебя от сердца полноты.

(Лиза не дается)

Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает)

София *(почти шопотом, вся сцена вполголоса)*

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь,

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради бога,
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин *(бросается на колена, София отталкивает его)*

Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне,
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин *(ползает у ног ее)*

Помилуйте...

София

Не подличайте, встаньте.
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете...

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нег. Нет.

За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что чай уж всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, Министрам, Государю.

Чацкий (после некоторого молчания)

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю:
Как будто все еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(К Софии)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко,
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили в смех?!

«Горе от ума»
Музейный автограф, лист 32.
Гос. Исторический музей. Москва

Горе от Уму

Комедия в стихах в 4-х актах

(Происходит в Москве, в доме Павла Афанасьевича Фамусова)

Акт 1

Гостиная комната, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откуда слышно фортепиано с флейтой, которые потом умолкают. Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел.

(Утро, чуть день брезжится)

Лизанька

(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах, как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказ.
«Ждем друга». — Нужен глаз да глаз,
Не спи, покуда не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. Сказать им,

(стучится к Софии)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда.

«Горе от ума»
Жандровская рукопись, стр. 240,
Гос. Исторический музей. Москва

Альманах «Русская Талия на 1825 год».
Титульный лист

Первая страница Булгаринского списка «Горя от ума» с надписью А. С. Грибоедова

Молчалин

Шутил и не сказал я ничего, окроме...

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме,
И погублю себя и вас.

(Молчалин встает)

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. — Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днем, и при людях, и в яве,
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала.
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давиче, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был...

Чацкий *(бросается между ими)*

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!..

(Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату)

Явление 13

Те же кроме Молчалина

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд:
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София *(вся в слезах)*

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом.
Ваш батюшка, вот будет благодарен.

Явление 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать, ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало я с дражайшей половиной
Чуть врозь: — уж где-нибудь с мужчиной!
Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий *(Софии)*

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся, я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас:
За грош продать меня готовы.

Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в избу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,
Еще дни два терпение возьми,
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что ча́й ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Ч а ц к и й *(после некоторого молчания)*

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(С жаром)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избрали?

Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки, всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек,
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо)

Вы помиритесь с ним, по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом,
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей.—
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду

На дочь и на отца
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вот из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок! —
Карету мне, карету!

(Уезжает)

Явление 15

Кроме Чацкого

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

ДОПОЛНЕНИЯ

«ГОРЕ ОТ УМА»

РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ КОМЕДИИ

Рукопись Государственного Исторического музея в Москве

ГОРЕ ОТ УМА [1]

Комедия в стихах в 4-х актах

(Происходит в Москве, в доме Павла Петровича Фамусова).

АКТ I-Й

Гостиная [2], в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, оттудова [3] слышно фортепияно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька середи комнаты спит свесившись с кресел.

(Утро. Чуть день брежжется)

Лизанька [4]

(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах, как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать: — отказ [5].
«Ждем друга».— Нужен глаз, да глаз,
Не спи [6], покудова покатишься со стула.
Теперь вот только, что вздремнула,
Уж день!.. Сказать им,

---

[1] *Заглавие сначала было*: Горе Уму. [2] *Было*: Гостиная комната [3] *Было*: откудова [4] *Было*: Лизынька [5] *Было*: Жизнь! жизнь! вчера просилась спать:— отказ. [6] *а.* Крауль. *б.* Не спи

(стучится к Софье)

Господа,
Эй Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша зá ночь.
Вы глухи? Алексей Степаночь.
Сударыня!.. — И страх их не берет!

(отходит от дверей)

Ну гость неприглашенный,
Быть может батюшка войдет,
Прошу служить у барышне влюбленной!

(опять к дверям)

Да расходитесь. Утро.— Что-с?

Голос Софьи

Который час?

Лизынька

Все в доме поднялось.

София (*из своей комнаты*)

Который час?

Лизанька

Седьмый, осьмый, девятый.

София (*оттудова же*)

Неправда.

Лизанька (*прочь от дверей*)

Ах! Амур проклятый!
Ни верить не хотят, ни слышать, ни видать.

Ну что бы ставни им отнять? [1]
Переведу часы, заставлю бить их звонко,
И музыку пущу.

(*лезет на стул, передвигает стрелку* [2],
часы бьют и играют)

Сцена 2-ая [3]

Лиза, Фамусов

Лиза

Ах! барин.

Фамусов

Барин, да.

(*останавливает часовую музыку*)

Ведь экая шалунья ды девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта, слышится, то будто фортопияно;
Для Софии слишком было бы рано??..

Лиза

Нет сударь, я... лишь невзначай

Фамусов

Вот то-то невзначай за вами примечай
Так верно с умыслом. (*Жмется к ней и заигрывает.*)
Ох! зельи, баловницы:

---

[1] *а.* Хоть ставни бы на ум пришло отнять. *б. Как в тексте.*
[2] *а.* часовую стрелку. *б.* стрелку [3] *См. прим.* 2 *на стр.* 145.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лицы!

Фмсв

Скромны, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветренники сами,
Опомнитесь вы старики...

Фмсв

Почти.

Лиза

Ну кто придет, куда мы с вами?

Фмсв

Кому сюда придти?
Ведь София спит?

Лиза

Сей час започивала.

Фмсв

Сей час! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала

Фмсв

Вишь прихоти какие завелись!

Лиза

Все по-французски вслух, читает запершись.

Фмсв

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-та невелик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет доложусь,
Извольте же идти, разбудите боюсь.

Фмсв

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза (*как можно громче*)

Да полноте-с.

Фамусов (*зажимает ей рот*)

Помилуй как кричишь
С ума ты сходишь,

Лиза

Боюсь чтобы не вышло из того...

Фмсв

Чего?

Лиза

Пора сударь вам знать, вы не ребёнок,
У девушек сон утренний как тонок,
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь:
Все слышут.

Ф м с в

Все ты лжешь.

Голос Софии

Эй Лиза!

Фамсв *торопливо*

Тс! (*Крадется вон из комнаты на цыпочках*)

Л и з а *одна*

Ушел... Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь

Сцена 3-ья

Л и з а, С о ф и я со свечкой за ней М о л ч а л и н

С о ф и я

Ну что ж ты Лиза хлопотала?

Л и з а

Конечно вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется все мало?

С о ф и я

Ах! в самом деле рассвело!

(*тушит свечу*)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Л и з а

Тужите знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла,
Вертелась перед ним, не помню что врала,
Насилу вынес бог. Для нашей, сударь чести,
Ступайте, сердце не на месте,
Смотрите на часы, повыгляньте в окно
Валит народ по улицам давно
А в доме стук, ходня метут и убирают

С о ф и я

Щастливые часов не наблюдают

Л и з а

Не наблюдайте, ваша власть,
А что в ответ за вас конечно мне попасть.

С о ф и я (*Молчалину*)

Идите целый день еще потерпим скуку

Л и з а

Бог с вами-с, прочь возьмите руку.

(*разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамуссвым*)

Сцена 4-ая

С о ф и я, Л и з а, М о л ч а л и н, Ф а м у с о в

Ф а м у с о в

Что за оказия! Молчалин, ты брат?

Молчалин

Я-с

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

София

Он только, что теперь вошел.

Молчалин

Сей час — с прогулки.

Фамусов

Брат Молчалин,
Гуляешь возле женских спален!
А ты сударыня, чуть из постели прыг,
С мущиной! с молодым! — Занятье для девицы,
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А все Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам и авторы и музы.
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас Творец
От шляпок их, чепцов и шпилек, и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! —

София

Позвольте батюшка, кружится голова,
Я от испугу дух перевожу едва,
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалася я.—

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я Софья Павловна, и сам встревожен очень,
И без того уж многим озабочен:
По должности, по службе хлопотня,
Друг, недруг ли, всем дело до меня,
Но ждал ли худшего? Чтоб был тобой обманут...

София (*сквозь слезы*)

Как батюшка?

Фамсв

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плач я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели,
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем
Однако бодр и свеж и дожил до седин
Свободен, вдов себе я господин:—
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я сударь

Фмсв

Молчать:
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились неполетам.
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки
Берем же побродяг и в дом и по билетам
Чтоб наших дочерей всему учить, всему
И танцам и пенью, и нежностям и вздохам,
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты посетитель что? Ты, сударь, здесь к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство
Дал чин ассесора, и взял в секретари,
В Москву переведен через мое содейство,
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть.
Шел в комнату, попал в другую.

Фмсв

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя чтобы случайно.—

София

Вот в чем однако случай весь.
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно
И бросилась сюда я со всех ног...

Фмсв

Пожалуй на меня вину еще всю сложит.
Не впору голос мой наделал им тревог!—

София

По смутном сне безделица тревожит,
Сказать вам сон: поймете вы тогда

Фмсв

Что за история?

София

Вам сказать [1]?

Фмсв

Ну да [2].

(*Фамусов садится*)

София

В саду была, цветы бесщетно там пестрели,
Искала я, мне чудилось, траву
Какую-то, не вспомню на еву.
В ирисах, в бархатцах, в левкоях и в синели,
Да где их всех назвать?
Из сил я выбилась и бросила искать,
Приподнялась: Вдруг кем-то по неволе,
Из саду выхвачена в поле.
Передо мной откуда ни взялся

---

[1] *Очевидная ошибка переписчика, потому что в наполовину отрезанном листе в об. рукой Грибоедова написано*: расказать.

[2] *Текст*: Сцена 2-ая ∾ Ну да.— *первоначально был записан рукой Грибоедова на лл. 15, 16, 17 и 6 и затем срезан наполовину поперек текста и заменен публикуемым. Сохранившийся текст обрезанных листов см. в примечаниях (стр. 470—476).*

Премилый человек: один из тех кого мы
Увидим будто век знакомы.
Был робок он сперва, потом в любви клялся,
Потом... невзвидела я света.

Фмсв

Какая небылица эта!
И милый человек, кто он?

София

Я вам докладываю: сон.
Вот после этого: сад, поле, все пропало.
Мы в комнате, в пустой, вдвоем,
Нам очень грустно [1], горько стало,
Тужили мы, бог ведает о чем,
И тут [2] к приумноженью скуки,
От фортопиян и флейты издали
Печальные к нам прорывались звуки,
От них унынье...

Фмсв

Неужли?
Я тоже слышал, и как ярко, (*указывает на Лизу*)
К рассвету, я не спал, а все она штукарка.

София

Так [3] будто бы середь тюрьмы,
И я, и друг мой новый,
Грустили долго, долго мы.
Он все роптал, на жребий свой суровый,
Что не к добру любовь его манит,
Что [4] небогат, и вам не угодит.

---

[1] *а.* И будто смерть нам грустно *б.* Нам очень грустно
[2] *а.* И тут еще *б.* И тут [3] *а.* И *б.* Так [4] *а.* Он *б.* Что

Ф м с в

Ах! матушка, не довершай удара,
Кто беден, тот тебе не пара.

С о ф и я

Все это сон. Дослушайте каков.
Как между дум, и между слов,
Забылись мы, и шли часы покуда:
Пол вскрылся, встали вы оттуда
Смерть на щеках, и дыбом волоса.
Тут разное смешенье! чудеса!
Полк всяких лиц, раздался шум побоищ.
Свирепые друг друга рвали, жгли,
Вы в пропасть за собой меня влекли,
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!..—
Проснулась.— Вот здесь кто-то говорит:
Прислушалась:— ваш голос, что так рано!
Бегу сюда, и вас обеих нахожу.

Ф м с в

Да. Дурен сон; как погляжу
Тут все есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь и флейты, и цветы.
Ну, сударь мой а ты?

М о л ч а л и н

Я слышал голос ваш.

Ф м с в

Забавно!
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил за чем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да, их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным [1] делам!

(*встает*)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а на яву страннее,
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее.
Повыкинь вздор из головы,
Не занимайся этим чадом.
Поди-ка, ляг, усни опять.

(*Молчалину*)

Идем [2] бумаги разбирать.

Молчалин

Я только к вам их нес с докладом,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое недельно,

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множества не накоплялось их.
Дай волю вам, оно бы и засело.
А у меня, что дело, что неделло,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(*уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед*[3])

[1] *а.* тяжебным *б.* письменным [2] *а.* Идем, сударь *б.* Идем
[3] *а.* прежде себя *б.* вперед

Сцена 5-ая

София П-вна, Лиза

Лиза

Ушли они. Тоскуйте на досуге,
Вот вам и друг, толкуйте-ка об друге:
В глазах темно и замерла душа,
Грех не беда, молва нехороша [1].

София

Предвижу я, достанется терпеть!
Мне не страшна людская слава,
Да как теперь успеть [2]
Укрыть себя от батюшкина нрава??
Несправедлив и недоверчив, скор,
Таков всегда, и с этих пор
Ты можешь посудить, уже будут нам гоненья [3]

---

[1] *Было*:

Ушли они. Ах! всю меня коробит!
В глазах темно и замерла душа,
История вам ваша не пособит,
Грех не беда, молва нехороша.

[2] *а.* суметь *б.* успеть [3] *Первоначально было*:

Ты можешь посудить...

Лиза

Охти-с не по рассказам:
2 1
Изволит вас он запереть со мной,
Молчалина же разом
С двора долой.

София

Меня к монастырю скорее заохотят,
Ах нет! куда его, и я за ним же вслед.

Лиза

А ежели-с поймают, да воротят!

София

Да полно Лизынька. Какой несносный бред!
Знать мне не от тебя дождаться утешенья.

Лиза

Вот то-то-с моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я в любви не будет в этой прока
Ни во веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков;
Желал бы он звезду на зяте,
А кто в звездах не все богате,
Так видитель к тому б
Доходцы были чтоб не малы.
Вот например полковник Скалазуб,
И золотый мешок, и метит в генералы.

София

Куда хорош! Толкует все про честь,
Про шпаги и кресты, крестов не перечесть,
А слова умного не выговорил с роду,
Мне все равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, правду молвить нехитер.
Но будь военный, будь он статский,
Кто ж весел и умен, и ловок и остер,
Как Александр Андреич Чадский?
Теперь другий вам больше мил,
А помнится он непротивен был.

София

Не потому ли, что так славно
Зло говорить умеет обо всех?
А мне оно забавно?
Делить со всяким можно смех.

Л и з а

А чем был плох ваш прежний вкус-то?

С о ф и я

Чем? Прежде я не знала никого,
С кем сердце не бывает пусто.
Теперь... Молчалин мой! как не любить его?
Как будто свыклись с малолетства.—
Грустна: — он без ума помочь мне ищет средства
Смеюсь, тужу непочему:
Посмотришь в том и жизнь и смерть ему.
Беспечна я: он за меня боится,
Задумаюсь: — он прослезится.

Л и з а

Чтож? Александр Андреич, нет?
Не таж любовь, хоть разного покроя?
Вот с ним-то прямо с малых лет
Росли, резвились, вечно двое.

С о ф и я

Спроси его, привязан он к чему,
Окроме шутки, вздора?
Всех в прихоть жертвует уму,
Что встреча с ним у нас, то ссора.

Л и з а

Где носится, из края в край?
Лечился на водах от груди,
От скуки чай...

С о ф и я

И верно рад где посмешнее люди.
Кого люблю я не таков,

Не оскорбит, враг острых слов,
Без хитрости. Он промолчит день целый,
И словно девушка несмелый.
Мы ночи с ним, как ни на есть,
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Проходит час, другой проходит,
Чуть слова два произнесет,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.—
Смеешься ты? с ума сошла?
Пора ли хохоту такому!

Лиза

Мне-с ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить,
И через три дни поседела.

(*продолжает хохотать*)

София (*с огорчением*)

Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза

Простите, право как бог свят,
Пыталась [1] я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

Сцена 6-ая

София Пав-вна, Лиза, Слуга,
за ним Чадский

Слуга

К вам-с Александр Андреич Чадский.

(*уходит*)

Сцена 7-ая

София П-вна, Лиза, Чадский

Чадский

Чуть свет уж [2] на ногах! и я у ваших ног.

(*с жаром целует руку*)

Вы от меня не ждали этой прыти?
Что ж раде? Нет? В лице мне посмотрите,
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто бы не далее недели,
Как будто бы вчера, вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели,
Ни на волос любви! страх милы! хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,

---

[1] *а.* Хотела *б.* Пыталась [2] *а.* Так рано *б.* Чуть свет уж

Я сорок пять часов глаз мигом не прищуря,
Чрез седмь сот верст, пронесся, ветер, буря,
И растерялся весь, и падал сколько раз,
И вот за подвиги награда.

София

Ах! Чадский, я вам очень рада.

Чадский

Вы раде? В добрый час.
Однако[1] искренно, кто ж радуется эдок,
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей зноби,
Я только тешил сам себя.

Лизынька

Вот, сударь, естли бы вы были за дверями,
Ей богу! нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут,
Сударыня, скажите сами.

София

Не только, что теперь,
Я никогда не стоила упрёка.
Кто только в дверь
Являлся к нам заезжий из далека:
С вопросом я тотчас, будь он моряк,
Что не встречал ли где вас в почтовой карете?

Чадский

Положемте, что так.
Блажен кто верует, тепло ему на свете... —

---

[1] *а.* Однакож *б.* Однако

Ах! Боже мой! уж ли я здесь опять
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда бывало в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там.
Играем и шумим по стульям и столам.
Или ваш батюшка с мадамой за пикетом,
Мы [1] в темном уголке, и кажется, что в этом
Вы помните? вздрогнем, чуть скрипнет столик, дверь

София

Ребячество.

Чадский

Да-с, а теперь
В седмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, чуть смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ
Без думы, полноте смущаться.

София

Как не смутиться мне? От вас нет оборон,
Вы обзираете меня со всех сторон.

Чадский

Помилуйте, не вам чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался: успел, а тот дал промах.
Все тот же толк; и те ж стихи в альбомах.

---

[1] *а.* Я *б.* Мы

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет [1].
Где ж лучше?

Чадский

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? все Английского Клуба
Миритель спорщиков, и спорит так, что любо?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек,
Известен всем, живет на рынках?
Князь? или граф? Кто он таков? [2]
Опустошитель [3] всех столов
На свадьбах и поминках?
А трое из бульварных лиц?
Которые с полвека молодятся,
Родных миллион у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, наш клад [4];
На лбу написано: Театр и Маскерад,
Дом зеленью раскрашен в виде рощи [5],
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами в одной из комнат
Был спрятан человек, и щолкал соловьем,
В знак, что зимою лето помнят.
А тот чахоточный родня [6] вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился,

[1] *а.* Знаком вам прочий свет *б.* Что значит видеть свет
[2] *а.* Кто он таков? *б.* Князь? или граф? Кто он таков?
[3] *а.* Распорядитель *б.* Опустошитель [4] *а.* А толстый жизни друг? для нас бывало клад *б.* А наше солнышко, наш клад
[5] *Последние два стиха переставлены.* [6] *а.* знак⟨омый⟩ *б.* родня

И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой.
Жить с ними надоест, и в ком не сищем [1] пятен?
Когда ж постранствуем, воротимся домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чадский

А тетушка? все девушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем,
Что нынче также, как издревле
Хлопочат набирать учителей полки
Числом поболее [2], ценою подешевле?
В своей земле истопники
В России под великим штрафом
Нам [3] каждого признать велят
Историком и географом.
Я не могу забыть учительский халат,
Перст указательный, сияние гуменца,
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы
Что ничего нет выше немца [4].

---

[1] *а.* сищут *б.* сищем [2] *а.* побольше бы *б.* поболее
[3] *а.* Нам *б.* В них [4] *Текст*: Воспитанниц и мосек полон дом ∾ Что ничего нет выше немца.— *вписан. Вместо него было*:

С ней доктор Фациус? он вам не рассказал?
Его прилипчивой болезнью я пугал,
Что будто бы Смоленск опустошает,

А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще? [1]

София

На ком?

Чацкий [2]

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий [2]

Ну он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме, куда глаза ни обратит,
Кто против легкости волшебной устоит?
Живем мы так давно, так дружно, так семейно
Со всяким вертуном залетным из-за Рейна [3].
Чтоб не забыть. Здесь ныньче тон каков?

Мы в Вязьме съехались, вот он и рассуждает;
Хотелось бы в Бреслау, да вряд ли попадет,
Когда на полпути умрет,
Сюда назад давай бог ноги.

София

Смеялись мы, хоть мнимую чуму
Другой дорогою объехать бы ему.

Чадский

Как будто есть у немца две дороги!

[1] *а.* не женился ли? *б.* не женат еще? [2] *а.* Чадский *б.* Чацкий
[3] *Первоначально было:*

А Гильоме куда глаза ни кинь;
На наших дам, госпож княгинь,
Под пару все ему подделаться успели,
Мадам достойнейших питомицы, мамзели.

На съездах на больших по праздникам приходским
Господствует еще смешенье языков
Французского с нижегородским?

София

Смесь языков?

Чацкий[1]

Да двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий[1]

По крайней мере не надутый.
Вот новости! — Я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив, а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее. Где он кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало песенок где новеньких тетрать
Увидит, скажет тут: «пожалуйте списать»
А впрочем быть ему у нас в людях известных,
Ведь ныньче любят бессловесных.

София (*в сторону*)

Не человек! змея!

(*громко и принужденно*)

Хочу у вас спросить
Случалось ли, чтоб вы смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве может быть,
Когда пора была безвреднейшим забавам?

[1] *а.* Чадский *б.* Чацкий

Чацкий[1]

На что же так давно? Вот доброты черта вам:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лице святейшей богомолки!..—
И все-таки[2] я вас без памяти люблю.

(минутное молчание)

Послушайте: ужли мои слова все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но естли так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо сгорите, естли ж нет?

Сцена 8-ая

София П-вна, Лиза, Чацкий[1],
Фамусов

Фамусов

Вот и другий.

София

Ах! батюшка! сон в руку.

(уходит)

[1] *а.* Чадский *б.* Чацкий [2] *а.* все *б.* все-таки

Фамусов (*ей вслед в полголоса*)

Проклятый сон.

Сцена 9-ая

Фамусов, Чацкий[1] (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фмсв

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

(*обнимаются*)

Здорово друг, здорово брат, здорово.
Рассказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

(*садятся*)

Чацкий[1] (*рассеянно*)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фмсв

Вам молодым людям другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты
Ечай надеждами занесся, заколдован!

Чацкий[1]

Ах! нет: надеждами я мало избалован.

[1] *а.* Чадский *б.* Чацкий

Ф а м у с о в

«Сон в руку» мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Ч а ц к и й [1]

Я? ничуть.

Ф м с в.

О ком ей снилось? что такое?

Ч ц к. [2]

Я не отгадчик снов.

Ф м с в.

Не верь ей, все пустое.

Ч а ц к и й [1]

Я верю собственным глазам,
Век не встречал подписку дам,
Чтоб было ей хоть несколько подобно!

Ф м с в

Он все свое. Да расскажи подробно
Где был? Скитался столько [3] лет!
Откудова теперь?

Ч а ц к и й [1]

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(*встает поспешно*).

---

[1] *а.* Чадский *б.* Чацкий [2] *а.* Чдск. *б.* Чцк. [3] *а.* сколько *б.* столько

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте. Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(*в дверях*)

Как хороша!

(*уход:*)

Сцена 10-ая

Фамусов *один*

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну виноват. Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня.
Тот нищий, этот франт-приятель
Отъявлен мотом, сорванцом.
Что за комиссия, Создатель,
Быть взрослой дочери отцом!

(*уход.*)

Конец первого акта

АКТ II

Сцена 1-ая

Фамусов, Слуга

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь,
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Пожди-ка. На листе черкни на записном
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится,
Великий пост и вдруг обед!
Ешь три часа, и в три дни не сварится!
Грибки, да кисельки, щи, кашки в ста горшках!
Отметь: *в четверг я зван на погребенье,*
А вынос у Николы в сапожках.
Ох род людской! Пришло у нас в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, что ни стать, ни сесть.
Но хочет кто пути[1] пред господом исправить,
Вот благочестия пример
Покойник был. Почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить,

---

[1] *а.* пути свои *б.* пути

Богат, и на богатой был женат,
Переженил детей, внучат,
Скончался: все о нем прискорбно [1] поминают,
Кузьма Петрович! Мир ему,—
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши в четверг, одно уж к одному,
А может в пятницу, а может и в субботу,
Я должен у вдове у докторше крестить.
Она не родила, но по моему ращоту
Должна родить.

Сцена 2-я

Фамусов, Слуга, Чадский

Фамусов

А! Александр Андреич просим,
Садитесь-ка.

Чадский

Вы заняты?

Фамус: (*слуге*)

Поди. (*Слуга уход.*)
Да разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди.

Чадск:

Вы что-то невеселы стали,
Скажите, от чего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

---

[1] *а.* с прискорбьем *б.* прискорбно

Фамус:

Ах! батюшка нашел загадку:
Невесел я!.. в мои лета,
Не можно же пускаться мне в присядку?

Чадский

Никто не приглашает вас.
Я только, что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова.

Фамус:

Тьфу Господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна,
Скажи тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чадский

А вам на что?

Фамус:

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни,
По крайней мере искони
Отцом меня недаром называли.

Чадск:

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамус.

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем брат не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи!

Чадск.

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамус.

Вот то-то все вы гордецы!
Спросили бы как делали отцы?
Учились бы на старших глядя,
Мы например, или покойник дядя
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал, сто человек к услугам,
Весь в орденах, езжал-то вечно цугом,
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине!
А в те поры все важный люд,
Раскланяйся, тупеем не кивнут.
Вельможа-господин тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя, что твой князь? что граф?
Сурьозный взгляд, надменный нрав,
Когда же надо подслужиться,
Сгибался в перегиб.
На куртаге ему случилось обступиться,
Упал, да так, что чуть затылка не прошиб,
Старик заохал, голос хрипкой;
Был Высочайшею пожалован улыбкой,
Изволили смеяться, как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон
Упал в другореть — уж нарочно —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? Как по-вашему? по нашему смышлён.
Упал он больно, встал здорово.
За то бывало в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?

Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович. Шутка!
В чины выводит кто? и пенсии дает?
Максим Петрович. Да. Вы нынешние нут-ка! —

Чадский

И точно начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши,
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший;
Свежо́ предание, а верится с трудом,
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея,
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: — тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше лесть как кружево плели.
Прямой был век любви и страха,
Когда все красилось усердием к царю,
Я не об дядюшке об вашем говорю,
Не возмутим его мы праха.
Однако кто теперь дворцовый Донкишот
Хоть в раболепстве самом пылком
Решится, чтоб смешить народ,
Отважно жертвовать затылком!
А сверстники, а старички,
Глядя на смелые скачки,
Уж разрушаясь в ветхой коже,
Чай молвили еще: ах естли бы нам тоже!
Хоть есть охотнички поподличить везде,
Да ныньче смех страшит, и держит стыд в узде,
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамус.

Ах! Боже мой! он карбонари!

Ч а д с к.

Нет! ныньче дурно для дворов.

Ф а м у с.

Опасный человек!

Ч а д с к.

Вольнее всякий дышет,
И не торопится вписаться в полк шутов.

Ф а м у с.

Что говорит! и говорит, как пишет!

Ч а д с к.

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Ф а м у с.

Он вольность хочет проповедать!

Ч а д с к.

Теперь кто странствует, в деревне кто живет.

Ф а м у с.

Властей не признает!

Ч а д с к.

Кто служит делу а не лицам.

Ф а м у с.

Строжайше б запретил я этим языкам
На выстрел подъезжать к столицам.

Ч а д с к.

Я наконец вам отдых дам.

Ф а м у с.

Не слушаю, терпенья нет, досадно.

Ч а д с к.

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу,
Уж так и быть я не поплачу.

Ф а м у с.

Знать не хочу, разврата не терплю.

Ч а д с к.

Я досказал.

Ф а м у с.

Добро заткнул я уши.

Ч а д с к.

На что ж? Я их не оскорблю.

Ф а м у с.

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них тут толку жди.

Ч а д с к.

Я перестал...

Ф а м у с.

Пожалуй пощади.

Ч а д с к.

Длить споры не мое желанье...

Ф а м у с.

Хоть душу отпусти на покаянье! —

Сцена 3-ья

С л у г а *входит.*

Полковник Скалазуб.

Ф а м у с о в (*ничего не видит и не слышит*)

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Ч а д с к.

Пожаловал к вам кто-то на дом.

Ф а м у с.

Не слушаю, под суд!

Ч а д с к.

К вам человек с докладом.

Ф а м у с.

Не слушаю, под суд, под суд.

Ч а д с к.

Да обернитесь вас зовут.

Фамус. (*оборачивается* [1])

А? бунт? я так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалазуб. Прикажете принять?

Фамус.

Ослы! Сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же торопись

(*Слуга уходит*)

Пожалуйста, сударь, при нем остерегись.
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал,
Не по летам, и чин завидный,
Не ныньче, завтра генерал.
Пожалуйсто при нем веди себя скромненько,
Эх! Александр Андреич, дурно брат!
Кто мне он жалует частенько,
Я всякому, ты знаешь, рад.
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое.
Об этом он молчит со мной,
Мне тоже нет нужды большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня,
Ведь Софья молода. А впрочем власть господня.
Пожалуйсто при нем не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральные идеи эти брось,
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать ко мне пошел в другую половину.

(*поспешно ух.*)

[1] *а. оборачиваясь б. оборачивается*

Сцена 4-ая

Чадский

Как суетится! Что за прыть!
А Софья? видно нездорова [1],
С которых пор меня дичатся как чужова!
Как здесь бы ей не быть!!.. [2].
Кто этот Скалазуб? Отец им сильно бредит,
А может быть не только что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года в даль уедет.

Сцена 5-ая

Чадский, Фамусов, Скалазуб

Фамус.

Сергей Сергеич, к нам сюда-с,
Прошу покорно, здесь теплее,
Прозябли вы, согреем вас,
Отдушничик отвернем поскорее.

Скалаз. (*густым бассом*)

Зачем же лазить например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер

Фамус.

Неужто для друзей не делать мне ни шагу
Сергей Сергеич дорогой,

---

[1] *Вместо этого стиха было*:
А дочь его? Как здесь бы ей не быть?
⟨*нрзб.*⟩ давиче была она здорова,

[2] *Этот стих вписан.*

Кладите шляпу, сденьте шпагу,
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалаз.

Куда прикажете, лишь только бы [1] усесться.

Фмсв.

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть,
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальными, наследства не делить,
Я сам узнал недавно,
И то уж научил двоюродный [2] ваш брат,
Как вам доводится Настасья Николавна?

Склзб.

Не знаю-с виноват,
Мы с нею вместе не служили.

Фмсв.

Сергей Сергеич это вы ли!
А я так дорожу родством,
Сыщу его на дне морском,
При мне служащие чужие очень редки,
Все больше сестрины, своячиницы детки,
Один Молчалин мне несвой,
И то за тем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг, и говорил [3],
Что вами выгод тьму по службе получил!

---

[1] *а.* Где ни на есть, лишь бы *б.* Куда прикажете, лишь только бы [2] *а.* троюродный *б.* двоюродный [3] *а.* мне тоже говорил *б.* мне друг, и говорил

Склзб.

В тринадцатом году мы отличались с братом
В 30-м Егерьском, а после в 45-том.

Фмсв.

Да, щастье у кого есть эдакий сынок [1].
Имеет кажется [2] в петличке орденок?

Склзб.

За 3-тье августа, мы брали батарею,
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фмсв

Любезный человек, и посмотреть так хват,
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Склзб.

Но крепко заражен теперешним [3] столетьем,
Представьте капитан по списку был он [4] третьим,
В отставку вышел вдруг [5] и книги стал читать.

Фмсв.

Вот молодость!.. все вздор, а после хвать!.. [6]
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Склзб.

Иным и моего щастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале [7].

---

[1] *Этот стих вписан.* [2] *а.* Имеет он *б.* Имеет кажется [3] *с.* он нынешним *б.* теперешним [4] *а.* по полку был *б.* капитан по списку был он [5] *а.* Вдруг вышел вон *б.* В отставку вышел вдруг [6] *а.* Что значит молодость терять, *б.* Вот молодость! .. все вздор, а после хвать!.. [7] *Слова:* У нас в пятнадцатой ∾ бригадном генерале.— *вписаны.*

Фмсв.

Помилосердуйте! в крестах ли недочет?

Склзб.

Шесть, седмь их[1] у меня, да естли б было десять,
Нехудо бы еще один привесить.

Фмсв.

В погонь ли за одним крестом?
Зато конечно в чём другом,
За вами далеко тянуться.

Склзб.

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
Я с 809-го служу,
Да ищет кто чинов, отроет к ним каналы,
Об них как истинный философ я сужу,
Мне только бы досталось в генералы.

Фмсв.

И славно судите, дай бог здоровье вам,
И генеральский чин, а там,
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше.

Склзб.

Жениться? я ничуть не прочь.

Фмсв.

Чтож? у кого сестра, племянница есть, дочь,
В Москве ведь нет невестам перевода,
Чего? плодятся год от года,

---

[1] *а.* Их девять *б.* Шесть, седмь их

А батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица как Москва.

С к л з б.

Дистанции огромного размера [1].

Ф м с в.

Вкус, батюшка, отменная манера,
На все свои законы есть:
Вот например у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохинький, да естли наберется
Душ тысячки, две родовых,
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый книжным чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в семью не включат, на нас не подиви,
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.—
Да это ли одно? [2] возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать, — изволь,
Дверь отперта для званых и незванных,
Особенно из иностранных,
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько [3], про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть [4] особый отпечаток,
Извольте посмотреть на нашу молодёжь,
На юношей — сынков и внучат,
Журим мы их, а естли разберешь,

[1] *а.* Огромного размера *б.* Дистанции огромного размера
[2] *а.* Теперь *б.* Да это ли еще? *в.* Да это ли одно? [3] *а.* равны *б.* равнёхонько [4] *а.* На москвичах *б.* На всех московских есть

В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово: — приговор, —
Ведь столбовые все, в ус никого не дуют,
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что естли б кто подслушал их:... беда.
Не то, чтоб новизны вводили,— никогда.
Спаси нас боже от крамол, но
Когда к словцу, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... полно.
Прямые канцлеры в отставке по уму,
Я вам скажу, знать время не приспело,
А что без них не обойдется дело.
— А наши дамы, а-сь? речистее мужей,
Судьи всему, везде, над ними нет судей,
За картами к таким способны бунтам.
Мущины все от них дрожат,
Скомандовать заставьте перед фрунтом,
Присудствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна! [1]
Настасья Юрьевна [2]! Пульхерия Андревна! —
— А дочки? Кто видал всяк голову повесь,
Его величество король был прусский здесь,
Дивился непутем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно [3] можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, все с ужимкой,
Французские романсы вам поют,
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,

[1] *а.* Лукерья Апраксевна! *б.* Татьяна Алексевна! *в.* Лукерья Алексевна! [2] *а.* Дмитревна *б.* Юрьевна [3] *а.* И *б.* И точно

А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица как Москва.

Склзб.

По моему сужденью
Пожар как на заказ пылал.
Способствовал к градскому[1] украшенью,
И образ жизни лучше стал.

Фмсв.

Ох! от пожара нам пришлося было туго.

Чдск. (*не обращаясь ни к кому*)

Да, был нам черный год, не послужило в прок[2]

---

[1] *а.* ей много к *б.* к градскому

[2] *Было*:

а. Чдск. (*не обращаясь ни к кому*)
Не послужило в прок.
Фмсв.
Позвольте-с... Чадского мне друга
Андрея Ильича покойного сынок,
Он в путешествиях покуда вкус находит
И славно пишет, переводит.
Чдск.
Вы правы, что в Москве всему своя печать
Есть добродетели, которые хоть стары,
А продолжают вековать,
Преодолев и моды и пожары.
Чтоб не трудить себе ума,
Мы скажемте: все ныньче как бывало,
И прежде были те ж открытые дома,
Входило все что ни попало
Есть, пить и предавать на суд
Столов убранство, роскошь блюд,
А путешественник не раз середь обеда,
Тишком разгадывал на лбу

Ф а м с. (*Чацкому*)

Эй, завяжи на память, узелок,
О чём тебя просил?..
(*полковнику*) Вот-с: Чадского, мне друга
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти: — так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой,
И славно пишет, переводит,
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Ч а ц к и й

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
С меня уж будет.

Иного земляка-соседа,
Что был привинчен он к позорному столбу.
И прежде им плелись победные венки
Патрициев дворянские сынки,
В заслуги ставили им души родовые,
Любили их, ласкали их,
И причитались к ним в родные.—
Коли теперь соборы всех седых
Бранят чего не разумеют,
А редко путное затеют
Всегда готовые к журьбе:
Певали прежде песню ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Теперь гром сабель, шпор, султан,
Военная броня красавицам прельщенье,
И камер-юнкерский узорчатый кафтан,
Не то ли ж было искушенье,
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали;
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали.
б. Ч д с к. (*не обращаясь ни к кому*)
Да, был нам черный год, не послужило в прок

Ф а м с.

Не я один, а всякий так же судит.

Ч а ц к и й

А судьи кто!? — За древностию лет
В отставке, вечный толк их о придворных штатах,
Сужденья черпают из забытых газет
Годов семьсот осмидесятых,
Всегда готовые к журьбе,

Ф м с в.

Позвольте-с... Чадского мне друга
Андрея Ильича покойного сынок,
На месте не сидит, все по миру он бродит
И славно пишет, переводит.

Ч д с к.

Как истинно в Москве всему своя печать.
Есть добродетели, которые хоть стары,
А продолжают вековать,
Преодолев и моды и пожары.
Чтоб не трудить себе ума,
Мы скажемте: все нынче как бывало,
И прежде были те ж открытые дома,
Входило все что ни попало
Есть, пить и предавать на суд
Столов убранство, роскошь блюд,
А путешественник не раз середь обеда,
Тишком разгадывал на лбу
Иного земляка-соседа,
Что был привинчен он к позорному столбу.
Вам нравится в сынках отцовское наследство
И прежде им плелись победные венки
Людьми щитались с малолетства
Патрициев дворянские сынки,
В заслуги ставили им души родовые,
Любили их, ласкали их,
И причитались к ним в родные.—
Коли теперь соборы всех седых
Бранят чего не разумеют,

Поют все песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Нам укажите: где отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не этот ли? грабительством богатый,
Защиту от суда в друзьях нашел, в родстве,
Великолепные соорудил палаты,
Где разливается в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
(Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?)
Не тот ли? вы к кому меня еще с пелён
Дитёй возили на поклон;
Тот Нестор негодяев старых,
Туда же в самых знатных барах,
И повелитель многих слуг:
Они нещастные в часы вина и драки,
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг

А редко путное затеют
Всегда готовые к журьбе;
Певали прежде песню ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Теперь гром сабель, шпор, султан,
И камер-юнкерский кафтан
Узорчатый красавицам прельщенье,
Не то ли ж было искушенье,
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали;
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали.

в. Чацкий

Да, был нам черный год, и приходилось туго:
Не послужило в прок.

далее — как в тексте.

На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот еще? который для затей
На крепостный балет согнал толпы детей,
От матерей, отцов отторженных и сирых!!
Сам погружен умом в Амурах и Зефирах
Заставил и Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке: —
Амуры и Зефиры все
Распроданы по одиночке!!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши старики! взъискательные судьи!
Теперь пускай из нас один
Из молодых людей найдется неслужащий,
И независимый от повышенья в чин
От мест и должностей, иным огнем горящий,
В науки ум вперит, иль воспитает жар
В душе к высокому, к искусствам благородным.—
Они тотчас: — разбой! Пожар!
И прокричат его мальчишкою негодным...
Мундир! один мундир! в летах он молодых
Когда-то прикрывал пристойно и красиво
Ничтожность, пустоту, пороки, глупость их,
И нам за ними путь щастливой,
И в женах, дочерях, к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?![1]
Теперь в ту суетность мне более не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали,
Кричали женщины: Ура!
И в воздух чепчики бросали?

[1] *Над этим стихом, оставленным в неприкосновенности, приписано:* Ах!

Ф м с в: (*про себя*)

Уж втянет он меня в беду [1].

(*громко*)

Сергей Сергеич я пойду,
И буду ждать вас в кабинете.

(*ух.*)

Сцена 6-ая

С к а л а з у б, Ч а д с к и й

С к а л а з у б

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к Гвардии, к Гвардейским,
к Гвардионцам,
Ведь согреваются шитьем их будто солнцем!
А в первой Армии как выправлен солдат!
Мундиры пригнаны по тальям, все в обхват,
И платья нижние облеплены, так узки,
В шагу доходят как ни в чём,
И офицеров вам начтём,
Что даже говорят иные по-французски.

Сцена 7-ая

С к а л а з у б, Ч а д с к и й, С о ф ь я П а в л о в н а, Л и з а

С о ф и я (*бежит к окну*)

Ах! Боже мой! упал! убился!

(*теряет чувства*)

---

[1] *а.* Терпеть нет мочи, как в бреду. *б. Как в тексте.*

Чадский

Кто?

Кто это?

Склзб:

С кем беда?

Чдск:

Она мертва со страху!

Склзб.

Да кто? откудова?

Чдск:

Ушибся обо что?

Склзб.

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза (*хлопочет около барышни*)

Кому назначено-с: не миновать судьбы,
Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалазуб

Поводья затянул. Ну жалкий же ездок [1].
Взглянуть, как треснулся он грудью или в бок.

(*уходит*)

[1] *а*. Знать затянул поводья. Плох ездок. *б*. *Как в тексте*.

Сцена 8-ая

Т е ж е без Скалазуба

Ч а д с к и й

Помочь ей чем [1]? Скажи скорее.

Л и з а

Там в комнате вода стоит

(*Чацкий бежит и приносит*)

(*Все следующее вполголоса до того* [2], *как Софья очнется*)
Стакан налейте.

Ч д с к:

Уж налит,
Дай грудь ей распущу вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. Смотри,
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Л и з а

Вот опахало.

Ч д с к.

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Л и з а

Да-с, барышнин нещастен нрав,
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав

---

[1] *а.* как *б.* чем [2] *а.* покуда *б.* до того

Чдск.

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София (*с глубоким вздохом*)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(*торопко и громко*)

Где он? Что с ним? Скажите мне.

Чадск.

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чдск.

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чдск.

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да правда не свои беды для вас забавы.
Отец родной убейся, все равно.

(*Лизе*)

Пойдем туда, бежим.

Л и з а (*отводит ее в сторону*)

Опомнитесь куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

(*София в окошко*[1] *высозывается*)

Ч а д с к.

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

С о ф и я

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Ч а д с к:

Желал бы с ним убиться...

Л и з а

Для компаньи? [2]

С о ф и я

Нет, оставайтесь при желаньи.

Сцена 9-ая

С о ф и я П а в л о в н а, Л и з а, Ч а д с к и й, п о л к о в н и к С к а л а з у б, М о л ч а л и н (*с подвязанною рукою*)

П л к. С к а л а з у б

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И впрочем все фамильная [3] тревога.

[1] *а.* окно *б.* окошко [2] *Вместо последних двух реплик было*:

Ч а д с к.

Желал бы с ним убиться для компаньи.

[3] *а.* фальшивая *б.* фамильная

Молчалин[1]

Я вас перепугал. Простите, ради бога[2],

П. Скалаз.

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрометью вбежали. —
Мы вздрогнули. — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София (*не глядя ни на кого*[3])

Я чувствую, что из пустова,
А вся еще теперь дрожу.

Чадский (*про себя*)

С Молчалиным ни слова![4]

София (*по-прежнему*)[5]

Я просто вам скажу,
За самоё себя не трушу, лошадь скинет
Убьюсь ли: раз со мной и было, я опять

---

[1] *Зачеркнуто*: (*Софии*) [2] *а.* Простите, ради бога *б.* Я вас перепугал. Простите, ради бога, *Далее зачеркнуто*: *а.* Что я причиной был вам стольких беспокойств.

Лиза (*на ухо Софье*)

Не бросьтесь вы к нему на шею.

София (*по некотором молчании обращается к Скалазубу*)

Стыжусь моих трусливых свойств
Преодолеть их не умею

б. Простите, ради бога,
Причиной был я стольких беспокойств.— *И далее как в а.*

[3] *а. к нему же б. не глядя ни на кого* [4] *а.* С ним говорит, а с тем ни слова! *б.* С Молчалиным ни слова!
[5] *а.* (*к Скалаз.*) *б.* (*по прежнему*)

Потом отважилась скакать.
Но за других во мне души нет,
Из ничего,
И приключится что хоть вовсе мне [1] чужому [2].

Чадск. (*про себя*)

Прощенья просит у него,
Что раз добра была к другому.

П. Скалазуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова, какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух, —
Жоке не поддержал, щитал он видно мух. —
И без того она, как слышно неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

---

[1] *а.* хотя совсем *б.* хоть вовсе мне [2] *Вместо текста:* Я просто вам скажу ∾ И приключится что хоть вовсе мне чужому.— *было:*

Вам странность об себе скажу,
По дням и по часам, по прихоти я словно,
То с страхом вижу все, то слишком хладнокровно.
Сама не берегусь верьхом,
Скачу, лечу, мой конь с огнём.
Раз в сторону ударился с разбегу,
Долой я под гору, по снегу,
Не охнула, привстала и опять
На нем отважилась скакать.
В другий же раз во мне души нет,
Кого-нибудь, как лошадь скинет,
И не случится ничего,
Готова я бежать из дому.

София

Ах! Александр Андреич вот,
К ея искателям, кобы себя причли вы? —
Ведь вы на помощь торопливы

Чадск.

Да-с, опыт давича я показал на вас:
Смиренник погубил [1], а я от смерти спас.

(*берет шляпу и уход.*)

Сцена 10-ая

Те же кроме Чадского

София

Вы вечером к нам будете?

П. Скалаз.

Как рано?

София

Пораньше: съедутся домашние друзья,
Потанцовать [2] под фортопияно,
Мы в трауре [3], так балу дать нельзя.

П. Скалаз.

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался [4]
Откланяюсь.

---

[1] *а.* Эндимион сгубил *б.* Смиренник погубил [2] *а.* Мы станем танцовать *б.* Потанцовать [3] *а.* Великий пост. *б.* Дом не велик *в.* Мы в трауре. [4] *Вместо этого стиха было:*

Явлюсь, а между тем забыл я в эту смуту,
Что к батюшке зайти был должен на минуту;

София

Прощайте.

П. Скалаз. (*жмет руку Молчалину*)

Ваш слуга

(*уходит*)

Сцена 11-я

София, Лиза, Молчалин

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался! [1]
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть и [2] так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать недолжно [3].

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор,
И естли б не к лицу не нужно перевязки,
А то не вздор, что вам не избежать огласки
На смех того гляди подъимет Чадский вас,

---

[1] *Вместо этого стиха было*:
Ушли. Ах! скучные, лепечут, как сороки.
Молчалин, вы ко мне жестоки!

[2] *а*. Зачем играть ей *б*. Зачем же ей играть и [3] *а*. неможно *б*. недолжно

И Скалазуб как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок прибавит сто прикрас
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит! [1]

София

А кем из них я дорожу? [2]
Хочу люблю, хочу скажу.
Молчалин будто я себя не принуждала?
Вошли вы слова не сказала,
При них не смела я дохнуть [3],
У вас спросить, на вас взглянуть. —

Молчал.

Нет! Софья Павловна, вы слишком откровенны

София

Откуда скрытность почерпнуть!?
Готова я была в окошко, к вам прыгнуть
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молч.

Чтоб дорого не заплатить за это.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотять?

---

[1] *Вместо текста:* А то не вздор ∾ ведь нынче кто не шутит! *было:*

А вот не вздор, что вас лукавый помутил,
Был здесь полковник, Чадский был,
Не побоялись вы огласки.

[2] *а.* Ни на кого я не гляжу *б.* А кем из них я дорожу?

[3] *а.* Не смела я при них дохнуть *б. Как в тексте.*

Молчал.

Ах! злые языки страшнее пистолета [1].

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кобы вы порхнули в дверь
С лицем веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим [2],
Куда как верится охотно!
Таков и Чадский, вы бы [3] с ним
Особнячком подсели: между
Невинных ласок [4], милых слов:...

---

[1] *Вместо текста*: Молчал. Нет! Софья Павловна ∾ страшнее пистолета.— *было*:

И что же, наконец, в моей любви худова?
Кому я неверна? кому давала слово?

Лиза

И в нашем говорят быту,
Одна вина, сто оправданий.
Мою простите-с простоту,
Да только бы без дальных разбираний,
На смех не поднял Чадский вас,
А Скалазуб как ус закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас,
Шутить и он горазд, ведь ныньче, кто не шутит?
Дойдет до батюшки, который вдруг, в жару...
Припомните, что было по утру.

София

Уж разувериться теперь их не принудим,
Да что за дело нам, что Чадский говорит?
Смешно? пусть шутит он, досадно?— пусть бранит,
А мы мой друг смотреть на них не будем.

[2] *а.* Когда нам скажут то, что именно хотим *б.* Когда нам скажут, что хотим [3] *а.* кабы *б.* вы бы [4] *а.* шуток *б.* ласок

Ему бы подали надежду [1],
А кто влюблен, на все готов [2].

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(*целует ея руку*)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничить сквозь слёз,
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чадского принес!

(*уходит*)

Сцена 12-ая

Молчалин, Лиза

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

---

[1] *а.* Подайте вы влюбленному надежду *б.* Ему бы подали надежду
[2] *а.* Топиться он за вас готов. *б.* А кто влюблен, на все готов. *Далее зачеркнуто*:

София

Не стану лгать, не уважаю света.—

Молчалин

Чтоб дорого не заплатить за это.

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее

По должности, тебя...

Лиза

От скуки.

Прошу подальше руки.

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа:
Снаружи зеркальце, и зеркальце внутри,
Кругом все прорезь, позолота,
Подушечка из бисера узор,
И перламутровый прибор:
Игольничик и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ, и для других причин,
С духами сткляночки: резеда и жасмин.

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интерессы,
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не съиму,
Приди в обед, побудь со мною,
Я тайну всю тебе открою.

(*уход. в боковую дверь*)

Сцена 13-ая

Софья, Лиза

София

Была у батюшке, там нету никого,
Сегодня я больна, и не пойду обедать,
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(уход. к себе)

Сцена последняя

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу. —
А как не полюбить буфетчика Петрушу! —

Конец 2-го акта

АКТ III

Сцена 1-ая

Чацкий потом София

Чацк.

Дождусь ее, и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалазуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки.
Судьба любви, играть ей в жмурки,
А мне...

(*вход. София*)

Вы здесь? Я очень рад,
Я этого желал.

София (*про себя*)

И очень не в попад,

Чацк.

Конечно не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати нужды нет,
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацк.

Кто более вам мил?

София

Вот спросы пречудные.

Чацк.

Все более меня?

София

Иные.

Чацк.

И я чего хочу когда все решено?
Мне в петлю лезть а ей смешно.

София

Хотите ли знать истинны два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша нескромна,
У вас тотчас уж острота готова,
А сами вы...

Чацк.

Я сам? не правда ли смешон?

София

Да, грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна,
А за собой смотреть куда небесполезно.

Чацк.

Я странен, а нестранен ктож?
Тот, кто на всех глупцев похож,
Молчалин например.

София

Примеры мне не новы,
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы,
А я, чтоб не мешать отсюда уклонюсь.

Чацк.

(*держит ее*)

Постойте же (*в сторон.*) Раз в жизни притворюсь.

(*громко*)

Оставемте мы эти пренья,
С Молчалиным мирюсь я, виноват,
Быть может он не то, что три года назад:
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов и умов,
Есть люди важные, слыли за простяков,
Известных по газетам,
Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны, хоть куда,
Не в этом подлежит Молчалин укоризне: —
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?

Чтоб кроме вас ему всё в жизни
Казалось прах и смех? дым, мелочь и тщета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем и всем его делам
Душою вы? вам угожденье?..
Я это чувствую, сказать вам не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Я б не желал и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно смирен, тих, безгласнее травы,
Бог знает в нем какая мудрость скрыта,
Бог знает за него, что выдумали вы,
Чем голова его в век не была набита,
Быть может качеств ваших тьму
Любуясь им, вы придали ему
Не на его душе, весь грех на вашей шее...
Нет! нет! пускай умен час от часу умнее,
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос,
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату
Мне дайте убедиться в том,
Потом [1]
От сумашествия могу я остеречься,
По прежнему пущусь во все края глядеть [2],
Искать хоть нелюбви, но буду я уметь
Теряться пó свету [3], забыться и развлечься

София (*про себя*)

Вот нехотя с ума свела. (*вслух*)

---

[1] *а.* Потом подумайте *б.* Потом глядеть *б.* во все края глядеть

[2] *а.* слоняться в свет,

[3] *а.* Теряться в новизнах *б.* Теряться пó свету

Что притворяться?
Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла,
А вы случась на эту пору
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору.
Но может истинна в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту.
Зачем же быть? скажу вам на прямик,
Так не воздержну на язык?
В презреньи к людям так не скрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. Чего?
Нельзя назвать его:
Тотчас град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет!

Чацк.

Ах! Боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

Соф.

Напрасно. Это все относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацк. (*с жаром*)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите дружбу всех он в доме приобрёл.
При батюшке три года служит,

Тот часто без толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочем
Веселостей искать бы мог;
Ничуть от старичков [1] не ступит за порог.
Мы резвимся, хохочем,
Он с нами целый день засядет, рад нерад,
Играет...

Чацк.

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(в стор.)

Она его не уважает.

Соф.

Конечно нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ, и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал,
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацк.

Сатира и мораль [2], смысл этого всего?

(в стор.)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец, уступчив, скромен, тих,

[1] *а.* стариков *б.* старичков [2] *а.* Мораль и сатира? *б.* Сатира и мораль

В лице ни тени беспокойства,
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит,
Вот я за что его люблю.

Чацк. (*в сторон.*)

Шалит, она его не любит.

(*вслух*)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье,
Оставьте мне на попеченье.
Но Скалазуб? вот человек с душой,
Люблю я рост его большой,
Геройский голос — бас, звучнее барабана.

София

Герой!.. не моего романа.

Чацк.

Не вашего? кто разгадает вас?

Сцена 2-ая

Чацкий, София, Лиза

Лиза (*шопотом*)

Сударыня, за мной, сей час
К вам Алексей Степаноч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацк.

Куда?

Соф.

К прихмахеру.

Чацк.

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацк.

Пусть студит их.

София

Нельзя, ждем на вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой,
Однако дайте мне зайти хотя украдкой
К вам в комнату на несколько минут,
Там стены, воздух все приятно.
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания, об том, что не возвратно!
Взойду, не засижусь, вздохну минуты две,
Потом подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалазуба.

(*София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза*)

Сцена 3-ья

Чацкий потом Молчалин

Чацкий

Ах! Софья!.. Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? — Ума в нем только мало,
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

(*входит Молчалин*)

Вон он на ципочках, и небогат словами,
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(*обращается к нему*)

Нам Алексей Степаноч с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя ныньче? без печали?

Молчал.

По прежнему-с.

Чацк.

А прежде как живали?

Молчал.

День за день, ныньче как вчера.

Чацк.

К перу от карт? и к картам от пера?

Молчалин

Могу назвать себя щастливым
По мере ревности и сил,
С тех пор, как числюсь[1] по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчал.

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчал.

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацк.

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молч.

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацк.

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчал.

Как удивлялись мы!

---

[1] *а.* занят *б.* числюсь

Чацк.

Какое ж диво тут?

Молчал.

Жалели вас.

Чацк.

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Дмитревна рассказывала что-то
Из Петербурга воротясь
С министрами про вашу связь
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота!

Молчал.

Татьяне Дмитревне!

Чацкий

Я с нею незнаком.

Молчал.

С Татьяной Дмитревной!!

Чацк.

С ней век мы не встречались,
Слыхал что вздорная.

Молчал.

Да это полно та ли-с?
Татьяна Дмитревна!!! — Ее известен дом,
Живет по старине, и рождена в боярстве,
Муж занимает пост из первых в государстве,
Любезен, лакомка до вкусных блюд и вин,
Притом отличный семьянин:
С женой в ладу, по службе ею дышет,
Она прикажет, он подпишет.
К Татьяне Дмитревне вы съездите.

Чацк.

За чем!

Молчал.

За тем,
Что часто пользу мы находим, где не метим.

Чацк.

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчал.

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.
Ну право что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацк.

Когда в делах, я от веселий прячусь,
Когда дурачиться: дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

М о л ч а л.

По-нашему тут нету преступленья,
Вот вам Фома Фомич известен верно?

Ч а ц к.

Чтож?

М о л ч а л.

При трех министрах был начальник отделенья
Сюда же перешел.

Ч а ц к.

Хорош!
Ничтожный человек, из самых бестолковых.

М о л ч а л.

Как можно! слог его здесь ставят в образец,
Читали вы?

Ч а ц к.

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

М о л ч а л.

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Ч а ц к.

Да; по всему заметно.

М о л ч а л.

Не смею в слух мое сужденье произнесть.

Ч а ц к.

Зачем же так секретно?

Молчал.

В мои лета, недолжно сметь
Свое суждение иметь.

Чацк.

Помилуйте мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молч.

Ведь надобно ж зависеть от других,

Чацк.

Зачем же надобно?

Молчал.

В чинах мы небольших.

Чацкий (*почти громко*)

С такими чувствами! с такой душой дренною!
Любим!.. обманщица смеялась надо мною!

Сцена 4-ая

Вечер

Раскрывается в перспективе ряд освещенных комнат, Слуги суетятся, один из них главный говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей,
Столы для карт, мел, щёток и свечей.

(*стучится к Софие в дверь)*

Скажите, барышне[1] скорее, Лизавета:
Наталья Юрьевна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

(*Расходятся, остается один Чацкий*)

Сцена 5-ая

Чацкий, Наталья Юрьевна

Нат. Юрь.

Не ошибаюсь ли!.. он точно по лицу.
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацк.

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужто так меня три года изменили?

Нат. Юрь.

Я полагала вас далеко от Москвы
Давно ли?

Чацк.

Ныньче лишь...

Нат. Юрьв.

На долго?

Чацк.

Как случится,
Однако кто смотря на вас не подивится!
Полнее прежнего, помолодели страх.
Как свежи! как здоровы!
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

[1] *а.* барышня *б.* барышне

Н а т л. Ю р ь в.

Я замужем.

Ч а ц к.

Сказали бы давно вы.

Н а т. Ю р ь в.

Мой муж, прелестный муж, вот он сей час войдет,
Я познакомлю вас, хотите ль?

Ч а ц к.

Прошу.

Н а т. Ю р ь.

Он не спесив, а как себя ведет!
Супружних должностей строжайший исполнитель.

Ч а ц к.

Иных особенно, да с вами было б грех.

Н а т л. Ю р ь в.

Нет-с, не особенно, а всех, всегда и всех.
Платон Михайлоч мой единственный, бесценный,
Теперь в отставке, был военный,
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

Сцена 6-ая

Ч а ц к и й, Н а т а л. Ю р ь в. П л а т о н М и х а й л о в и ч

Н а т. Ю р ь в.

Вот мой Платон Михайлоч.

Ч а ц к.

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба.

П л а т. М и х.

Здорово, Чацкий брат

Ч а ц к.

Платон любезный, славно
Похвальный лист тебе, ведешь себя исправно.

П л а т. М и х.

Как видишь брат:
Московский житель и женат.

Ч а ц к.

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

П л а т. М и х.

Нет, есть-таки занятья,
На флейте я твержу дуэт
Амольный...

Ч а ц к.

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус! в мужьях всего дороже.

П л а т. М и х.

Брат, женишься, тогда меня вспомянь,
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Ч а ц к.

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Н а т. Ю р ь е в н. [1]

Платон Михайлоч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь, к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Ч а ц к.

А кто любезный друг велит тебе быть праздным?
Во фрунт. Ступай. Охота лишь была б.

Н а т. Ю р ь е в н.

Платон Михайлоч мой здоровьем очень слаб.

Ч а ц к.

Здоровьем слаб! давно ли?

Н а т. Ю р ь е в.

Все рюматизм, и головные боли.

Ч а ц к.

Движенье более. В деревню, в теплый край.
Почаще на конь. Мчись, порскай.

Н а т. Ю р ь е в н.

Платон Михайлоч город любит,
Москву, за что в глуши, он дни свои погубит.

Ч а ц к.

Москву и город... Ты чудак,
А помнишь прежнее?

П л а т. М и х а й л.

Да, брат, теперь не так.

---

[1] *а.* П л а т М и х. *б.* Н а т. Ю р ь е в н.

Натал. Юрьев

Ах! мой дружочик,
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь, и расстегнул жилет.

Плат. Мих.

Теперь брат, я не тот.

Натал. Юрьевн.

Послушайся разочик
Мой милой застегнись скорей.

Плат. Мих. (*хладнокровно*)

Сей час.

Натал. Юрь.

Да отойди подальше от дверей
Сквозной там ветер дует сзади.

Плат. Мих.

Теперь брат я не тот.

Натл. Юрьев.

Мой Ангел, бога ради
От двери дальше отойди.

Плат. Мих. (*глаза к небу*)

Ах! матушка!

Чацк.

Ну бог тебя суди.
Уж точно стал не тот в короткое ты время,
Не в прошлом ли году, в конце

В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй, хоть спереди, хоть с тыла.

Плат. Михайл. (*со вздохом*)

Эх! братец! славное тогда житьё-то было.

Сцена 7-ая

Те же и князь и княгиня Тугоуховские с 6-тью дочерьми

Натал. Юрьевн. (*тоненьким голоском*)

Князь Петр Ильич, княгиня, боже мой!
Княжна Зизи! Княжна Наталья!

(*громкие лобызания, потом усаживаются.*)

1-ая княжна

Ах! что это на вас?

2-ая княжна

Прелестнейший покрой!

Натал. Юрьев.

Нет, естли б видели, себе купила шаль я.

3-ая княжна

Какой эшарп cousin мне подарил!

4-ая княжна

Ах! да, барежевый.

5-ая княжна

Ах! прелесть!

6-ая княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! Кто это в углу? взошли мы, поклонился.

Натал. Юрьевн.

Приезжий, Чадский.

Княгиня

Отставный?

Натал. Юрьевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И холостый?

Нат. Юрьев.

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда пожалуй.

Князь (*к ней обращает слуховую трубку*)

О! хм!

Княгиня

Пошел бы ты, да пригласил бы к балу
Натальи Юрьевны знакомого: вон он.

Князь

И хм! (*отправляется, вьется около Чацкого и покашливает*)

Княгиня

Вот то-то детки,
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
— Он камер-юнкер?

Нат. Юрьев.

Нет.

Княгиня

Богат?

Нат. Юрьев.

О! нет!

Княгиня (*громко, что есть мочи*)

Князь. Князь. Назад.

Сцена 8-ая

Те же и графини Хрюмины
бабушка и внучка

Графиня внучка

Ах! grand'maman ну кто так рано приезжает!
Мы первые! (*пропадает в боковую комнату*)

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая и нас за никого щитает!
Зла в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка (*вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет*)

Мсьё Чацкий! вы опять в России?

Чацк.

Как видите.

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком!
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Нещастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

Сцена 9-ая

Т е ж е и множество других гостей. Между прочим З а г а р е ц к и й. Мущины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и пр. С о ф и я от себя выходит. Все к ней навстречу.

Г р а ф и н я в н у ч к а (*к ней же*)

Eh! bon soir! comment vont les rubans? les guirlandes?
Toujours le déséspoir de ceux, qui Vous attendent!

З а г а р е ц к и й

На завтрашний спектакль имеете билет?

С о ф и я

Нет.

З а г а р е ц к и й

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я не кидался!
К контору — все взято.
К директору, он мне приятель,
С зарей в седьмом часу, и! кстатель!
Уж с вечера никто достать не мог,
К тому, к сему, всех сбил я с ног,
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он милой,
Мне друг, известный домосед,
Пусть дома посидит в покое.

С о ф и я

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

(*Являются еще кое-какие, тем временем Загорецкий отходит*)

З а г а р е ц к и й

Платон Михайлоч.

П л а т о н М и х а й л.

Прочь.
Поди ты к женщинам, им лги, и их морочь.
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот брат

(*Чадскому*)

Рекомендую

Как эдаких людей зовут?
Помягче-то? по-светски?
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоноч Загарецкий.
При нем остерегись, переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

З а г а р е ц к и й

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы

Ч а ц к и й

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

П л а т. М и х.

Ох нет! братец, Москва! ругают
Везде, а всюду принимают.

(*Загарецкий мешается в толпу*)

Сцена 10-ая

Те же и Хлёстова

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе? племянница, мученье
Час битый ехала с Покровки, силы нет.
Ночь: — светопредставленье.
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку, да собачку.
Вели их накормить, ужо́ дружочик мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня здравствуйте (*села*). Ну, Софьюшка мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошечьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Там в девичей она
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят на показ,
Я слышала в земле Турецкой,
А знаешь ли, кто мне припас? —
— Антон Антоноч Загарецкий,

(*Он выставляется вперед*)

Лгунишка он, картежник, вор.

(*Загарецкий исчезает.*)

Я от него было и двери на запор,
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих арапченков на ярмонке достал,
Купил он говорит, чай в карты сплутовал,
А мне подарочик, дай бог ему здоровье.

Чацкий (*с хохотом Платону Михайловичу*)

Не[1] поздоровится от эдаких похвал,
И Загарецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? из звания какого?

София

Вон этот? — Чадский.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? какой тут смех?
Над старостью смеяться грех,
Я помню ты дитей с ним часто танцовала,
Я за уши его трепала, только мало.

Сцена 11-ая

Те же и Фамусов

Фамусов

Ждем князя Петра Ильича,
А князь уж здесь! а я забился там в портретной.
Где Скалазуб Сергей Сергеич? а?

---

[1] *а.* Да, *б.* Не

Нет, кажется, что нет, он человек заметный
Сергей Сергеич Скалазуб.

Х л ё с т о в а

Ах! батюшка, да ты отправился к нему б.

Сцена 12-ая

Т е ж е и С к а л а з у б, потом М о л ч а л и н

Ф а м у с о в

Сергей Сергеич, запоздали,
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(*подводит к Хлёстовой*)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Х л ё с т о в а (*сидя*)

Вы прежде были здесь... в полку... в том...
в Гренадерском?

С к а л а з у б (*басом*)

В Его Высочества, хотите вы сказать,
Ново-Землянском Мушкетерском.

Х л ё с т о в а

Не мастерица я полки-та различать.

С к а л а з у б

А форменные есть отлички
В мундирах выпушки, погончики, петлички

Фамусов

Пойдемте батюшка, там ожидают вас
Мой брат и многие. Прошу покорно. Князь.

(*уводит их с собою*)

Хлёстова (*Софии*)

Ух! я точнёхонько избавилась от петли,
Ведь полоумный твой отец,
Дался ему трех сажен удалец,
Знакомит, не спросясь приятно ли нам? нет ли?

Молчалин (*подает ей карту*)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо мой дружок.

(*встает*)

Молчалин

Ваш шпиц, прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил все его, как шелковая шерстка.

Хлёстова

Спасибо мой родной.

(*уходит, за ней Молчалин и многие другие*)

Сцена 13-ая

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацк.

Чем вас я испугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью
Хотел я похвалить,

София

А кончили бы злостью.

Чацк.

Сказать вам, что я думал? — Вот:
Старушки часто ведь сердиты,
Кобы всегда такой услужник знаменитый
Тут был, как громовый отвод.
Как он искусно всё уладил!
Рушитель ссор, смиритель гроз [1],
Как кстати карточку поднёс!
Как моську во время погладил!
В нем Загарецкий не умрёт,
Чего не ожидать при этом нраве кротком,
При свойстве угождать племянницам и тёткам,

(*ей на ухо*) [2]

О! давишнее вам так даром не пройдет.

(*уходит*)

[1] *Этот стих вписан.* [2] *Вписано.*

Сцена 14-ая

София, потом г. N*

София

Грозит и тешится, и рад бы что есть силы
Молчалина при всех унизить, как он зол!

Г. N * (*подходит*)

Вы в размышлении.

София

Об Чацком.

Г. N *

Он премилый.

София

Он не в своем уме.

Г. N *

Ужли с ума сошёл!

София

Не то, чтобы совсем.

Г. N *

Однако есть приметы?

София (*смотрит на него пристально*)

Мне кажется.

Г. N *

Как можно в эти леты!

София

Как быть?

(*в стор.*)

Готов он верить!
А! Чадский любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(*уходит*)

Сцена 15-ая

Г. N. * потом г. Д *

N *

С ума сошёл!.. Ей кажется!.. вот на!
Не даром?.. Повод есть, с чего б взяла она!
Ты слышал?

Д *

Что?

N *

Об Чацком?

Д *

Что такое?

N *

С ума сошёл

Д *

Пустое...

N *

Не я сказал, другие говорят.

Д *

А ты расславить это рад?

N *

Пойду, осведомлюсь, чай кто-нибудь да знает.

(*уходит*)

Сцена 16-ая

Г. Д. * потом Загарецкий

Д*

Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загарецкий

Ну?

Д*

С ума сошёл.

Загарецкий

А знаю, помню, слышал.
Как мне не знать? примерный случай вышел,
Его в безумные упрятал дядя, плут,
Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили.

Д*

Помилуй, он сей час здесь в комнате был, тут.

Загарецкий

Так с цепи стало быть спустили.

Д*

Ну милый друг, с тобой не надобно Газет,
Известен обо всём, да жаль, что веры нет,
Пойду к другим. Авось поменьше знают.

(*уходит*)

Сцена 17-ая

Загарецкий потом Графиня внучка

Загарцк.

Которого ж они тут Чацким называют!
С каким-то Чацким я когда-то был знаком,
Вы слышали об нём?

Графня внучк.

Об ком?

Згрцк.

Об Чацком, он сей час здесь в комнате был...

Грфн. внучка

Знаю

Я говорила с ним.

Згрцк.

Так я вас поздравляю
Он сумасшедший...

Гр-ня внучка

Что?

Згрцк.

Да, он сошёл с ума.

Грфня внучка

Представьте я заметила сама
Была пари держать готова.

Сцена 18-ая

Те же и графиня бабушка

Грф-ня внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!

Грф-ня бабушка

Мой *т*руг, мне уши зало*ш*ило.
Ска*ш*и погромче...

Грф-ня внучка

Время нет,
Il vous dira toute l'histoire,
Пойду спрошу.

(уходит)

Сцена 19-ая

Загарецкий, Графиня бабушка

Граф-ня бабушка

Что? Что? уж нет ли здесь по*ш*ара?

Загарецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Граф-ня баб.

Как Чацкого? кто свёл в тюрьму?

Загарецк.

Чтоб не свели его, сошел с ума заране.

Грфн. баб.

Пошел он в бусурмане!

Згрцк.

Ее не вразумишь.

(*уходит*)

Грфня баб.

Антон Антоноч. Ах!
И он бежит, все в страхе, в попыхах.

Сцена 20-ая

Графиня бабушка и князь Тугоуховский

Грфня б.

Князь. Князь. Ох! этот князь, по балам сам чуть дышет.
Князь слышали?

Князь

А! хм.

Графня б.

Он ничего не слышит.
Хоть мо*ш*ет [1] видели, здесь полицмейстер *п*ыл?

---

[1] *а.* может *б.* мошет. *Вариант а не зачеркнут.*

К н я з ь

Э хм!

Г р а ф и н я б.

В тюрьму-та князь, кто Чацкого схватил?

К н я з ь

И хм!

Г р а ф и н я б.

Ечай ему на*т*енут[1] лямку, ранец,
Да ничто, шутка ли переменил закон!

К н я з ь

У хм!

Г р а ф и н я б.

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окоянный волтерьянец!
Что? а? глух мой отец, достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

Сцена 21-ая

Т е ж е и Х л ё с т о в а, С о ф и я, М о л ч а л и н, П л а т о н М и х а й л о в и ч, Н а т а л ь я Ю р ь е в н а, Г р а ф и н я в н у ч к а, к н я г и н я с д о ч е р я м и, З а г а р е ц к и й, С к а л а з у б, потом Ф а м у с о в и многие другие

Х л ё с т о в а

С ума сошёл! Прошу покорно!
Да невзначай! Да как проворно!
Ты Софья слышала?

---

[1] *а.* наденут *б.* на*т*енут. *Вариант а не зачеркнут.*

П л а т. М и х а й л.

Кто первый разгласил?

Н а т а л. Ю р ь е в н.

Ах! друг мой, все.

П л а т. М и х.

Ну все, так верить по неволи,
А мне сомнительно.

Ф а м у с о в (*входя*)

О чём? О Чацком что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл,
Давно дивлюсь я: как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и ни весть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцём,
Хоть пред Монаршиим лицём,
Так назовет он подлецём!..

Х л ё с т о в а

Туда же из смешливых,
Сказала что-то я: он начал хохотать.

М о л ч а л и н

Мне отсоветал в Москве служить в Архивах!

Г р а ф и н я в н у ч к а

Меня модисткою изволил величать!

Н а т а л. Ю р ь е в н.

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загарецк.

Безумный по всему.

Графн. внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне,
Покойница с ума сходила осемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай пил не по летам.

Княгиня

О! верно.

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул

Натал. Юрьевн.

Бутылками-с, мы замечали сами.

Загарецк. (*с жаром*)

Наталья Юрьевна [1], ведрами, да-с ведрами.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мущина!

[1] *а.* Дмитриевна *б.* Юрьевна

Ученье,— вот чума, ученость,— вот причина,
Что нынче пуще, чем когда
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический [1], так кажется зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! у них учился наш родня,
И вышел! хоть сей час в аптеку в подмастерьи,
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор мой племянник.

Скалазуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэкт на щет лицеев, школ, гимназий,
Там будут лишь учить по-нашему: Раз. Два.
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич нет. Уж коли зло пресечь
Забрать все книги бы да сжечь.

Загарецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А естли б между нами
Был ценсором назначен я,

---

[1] *а.* педа-го-гический *б.* Пе-да-го-гический .

На басни бы налег, ох! басни смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:—
Хотя животные, а всё-таки Цари.

Х л ё с т о в а

Отцы мои, уж кто в уме расстроен.
Так всё равно, от книг ли, от питья ль,
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин,
Был острый человек, имел душ сотни три.

Ф а м у с о в

Четыре.

Х л ё с т о в а

Три, сударь.

Ф а м у с о в

Четыреста.

Х л ё с т о в а

Нет! триста

Ф а м у с о в

В моем календаре.

Х л ё с т о в а

Все врут календари.

Ф а м у с о в

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Х л ё с т о в а

Нет! триста уж чужих имений мне не знать.

Фамусов

Вместе bis { Четыреста и... сорок пять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста. }

Сцена последняя

Те же все и Чацкий

Нат. Юрь.

Вон он.

Графиня внуч.

Шш!

Все

Шш!

(*пятятся от него в противную сторону*)

Хлёстова

Ну, как с безумных глаз
Он драться вздумает, ведь с ним плохи разделки.

Фам.

О Господи! помилуй грешных нас!

(*опасливо*)

Любезнейший. Ты не в своей тарелке,
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: милльон терзаний
Груди от дружеских тисков,

Ногам от шарканья, ушам от восклицаний
А пуще голове от всяких пустяков.

(*подходит к Софье*)

Душа здесь у меня какой-то скорбью сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой,
Нет! не ужиться мне с Москвой.

Хлёстова

Москва вишь виновата.

Фамусов

Подальше от него

(*делает знак Софии*)

Гм, Софья! Не глядит!

София. *Чацкому*

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате, простейший случай;
Французик из Бордо, был окружен зевак
И слушательниц кучей:
К своим приравнивал он нас, что точно так
На все готовы мы, нет дела до последствий,
Все только бы шутя, резвясь,
От наших гладиньких он фраз,
От наших круглиньких приветствий
Воображает быть в отечестве своем,
И прочее... — утих, и тут по нем
Об южной Франции, о берегах Гароны
Заохали, урок из детства натвержен,
Особенно две, три княжны пускали стоны,

(Куда деваться от княжён!)
Я к небу воссылал смиренные желанья,
Однако в слух,
Чтоб удалил Господь нечистый этот дух,
Слепого, жалкого, пустого подражанья,
Чтоб воздержал нас крепкою возжой,
От слез и тошноты по стороне чужой.
Неужли у себя для наших нет желаний
Семейных прелестей, родных воспоминаний!
И чем наш Север лучше стал,
Что все заветное наследье променял?
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду, на другую —
По шутовскому образцу,
Хвост сзади; спереди какой-то чудный выем!
Короткополые на перекор стихиям,
Рассудку смех, и не краса лицу.
Как платья и умы коротки,
Смешные, бритые, седые подбородки...
Ах! естли рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Их отверженья иноземцев,
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ,
Хотя по языку нас не считал за немцев.
— «Помилуйте, как ставить в паралель,
Национальное с французским, вот охота!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
Ужли *сударыня*!!» — пробормотал мне кто-то...
Представьте тут у всех,
На мой же щет поднялся смех.
«*Сударыня*! Ха! Ха! Ха! Ха! прекрасно
Сударыня! Хю! Хю! Хю! Хю! ужасно!!» —
Я рассердясь и жизнь кленя

Готовил им ответ громовый,
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый,
Москва, столичное в России место; то,
Где человек из города Бордо,
Лишь рот раскрыл имеет щастье,
Во всех княжон вселять участье,
И в этой же Москве,
Когда воспитан кто в отечественных нравах,
В чьей голове
Пять, шесть, найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять:
Глядь...

(*оглядывается, все в вальсе кружатся
с величайшим усердием.
Старики разбрелись к карточным столам*)

Конец 3-его акта

АКТ IV

У Фамусова в доме парадные сени, большая лестница из второго жилья [1], к которой примыкают многие побочные из антресолей [2], внизу справа (от действующих) выход на крыльцо и швейцарская ложа, слева на одном же плане комната Молчалина
Ночь.
Лакеи иные в движении, иные спят в ожидании господ своих

Сцена 1-ая

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка (*покуда ее укутывают*)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцовать.

Графиня баб.

Пое*т*ем матушка, мне пра*ф*о не под силу,
Когда-нибудь я с *п*ала *т*а в могилу [3].

(*обе уезжают*)

---

[1] *а.* этажа *б.* жилья [2] *а.* верьхних антресолей *б.* антресолей
[3] *а.* Поедем матушка, мне право не под силу,
Когда нибудь я с бала да в могилу.
б. Как в тексте. Вариант а не зачеркнут.

Сцена 2-ая

Платон Михайлович и Наталья Юрьевна (Один Лакей около их хлопочет, другой у подъезда кричит:)

Карета Горича.

Натал. Юрьевн.

Мой Ангел, жизнь моя
Бесценый, душечка, мой милой

(*целует мужа в лоб*)

Признайся весело у Фамусовых было

Платон Мих.

Наташа-матушка, дремлю на балах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за полночь, под час
Тебе [в] угодно, с рожей постной
Пускаюсь по команде в пляс.

Натал. Юрьевн.

Ах! миленький, ты пренесносный,
Охота смертная прослыть за старика [1].

(*уходит с лакеем*)

Плат. Михайл. (*хладнокровно*)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька,
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж иному на роду,

---

[1] *а*. Педанствуешь, и корчишь старика. *б*. Охота смертная прослыть за старика

Л а к е й (*с крыльца*)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

П л а т. М и х. (*со вздохом*)

Иду, иду.

(*уезжает*)

Сцена 3-ья

Ч а ц к и й и Л а к е й его впереди

Ч а ц к.

Кричи, чтобы скорее подавали.

(*Лакей уходит.*)

Ну вот и день прошел, и с ним
Весь этот чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? Что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! свиделись!? — Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно,
И едешь час, и два, и день, вот начало́
Темнеть, час отдыха, ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь и степь, и пусто и голо!..—
Досадно мочи нет, чем больше думать станешь

(*Лакей возвращается*)

Готово?

Л а к е й

Кучера-с нигде вишь не найдут.

Чацк.

Пошел, ищи. Не ночевать же тут.

(*Лакей опять уходит*)

Сцена 4-ая

Чацкий, Репетилов (*вбегает с крыльца при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется*)

Репетилов

Тьфу! оплошал.— Ах! мой Создатель!
Дай протереть глаза; откудова? Приятель! — —
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher!
Ну вот мне часто было пето,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на все предчувствие, примета;
Сей час... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать об порог задел ногою,
И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Какая-то любовь и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей, ей,
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
Пусть разразит меня Господь.

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело;
Я жалок, я смешен, я неуч, я дурак.

Чацк.

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю как время убивал!
Скажи, который час?

Чацк.

Час ехать спать ложиться,
Коли явился ты на бал,
То можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где все, всю ночь до бела дня
В приличьях скованы, не вырвутся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацк.

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня Вандалом.
Я это заслужил
Беспутно век свой погубил! [1]
Пустых людей любил!
По ресторациям! по балам!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят Указом!
Танцовщицу держал! и не одну
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Все отвергал: законы! совесть! веру!

Чацк.

Послушай, ври, да знай же меру
Есть от чего в отчаянье придти.

Репетилов

Постой, поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими, всю ночь не шляюсь на пролёт.

Чацк.

Вот нынче например.

Репетилов

Что? ночь одна не в щёт,
За то спроси, где был? [2]

---

[1] *Далее зачеркнут стих*: Я это заслужил,

[2] *а.* За то спроси, где был? чем нынче занимаюсь? *б.* За то спроси, где был? *Далее зачеркнуто*:

Чацк.

Неужли книгами?

Чацк.

И сам я догадаюсь
Чай в Клубе?

Репетилов

В Английском. Что от тебя скрывать?
Сей час из заседанья,
Пожалосто молчи, я слово дал молчать,
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз.

Репетилов

Да, накупил сот шесть
Вчера еще, ты можешь их прочесть,
Я сам что раз прочту, то повторяю с жаром,
Сто раз везде и всем, поверь
Минуты не теряю даром.
Вот отгадай, откуда я теперь?

Чацк.

Из клуба может статься.

Репетилов

Из Английского? Да, а что я там творил?

Чацк.

Играл, и ел, и пил.

Репетилов

Ты умный человек, а сроден ошибаться:
Играл, по маленькой играл,
Пил, жажду запивал,
Съел, три куска чего-то,
Я знаю у тебя, всё на щету я мота.
[Повесы] Обжоры, игрока, повесы... виноват;
С друзьями в воду рад,
За то грехи свои всем выскажу свободно
Кому угодно.
Сюда однако же был должен опоздать
[Не от игры мой друг,] сей час из заседанья,

Чацк.

Ах! я братец, боюсь.
Как? в Клубе?

Репетилов

Имянно.

Чацк.

Вот способ чрезвычайный,
Чтоб в за́шеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
В слух, громко говорим, никто нас не поймет.
Я сам как схватятся об Камерах, Присяжных,
Об Бейроне, ну об матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ,
Мне не под силу брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! У нас тебя недоставало,
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало,
Поедем-ка сейчас, мы благо на ходу,
С какими я тебя сведу
Людьми!!!.. уж на меня нисколько не похожи,
Что называется: сок умной молодёжи!

Чацк.

Бог с ними, и с тобой. Куда я поскачу?
За чем? в глухую ночь? Домой я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно,
без прелюдий [1],

---

[1] *Далее зачеркнуто:*
Дай случай мне, хоть с маленьким умом
Между умнейшими быть так сказать углом...

Решись, а мы! у нас... решительные люди
Горячих дюжина голов! —
Кричим, подумаешь, что сотни голосов!..

Чацк.

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим

Чацк.

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять, теперь и недосуг
Но государственное дело:
Оно вот видишь не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! без дальних я Историй
Скажу тебе: во-первых: князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со смеху морит!
Век с англичанами, вся английская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же он обстрижен гладко,
Ты незнаком? о! познакомься с ним
Другой Воркулов Евдоким,
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«*А! нон лашьяр ми, но, но, но*»
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать,
Но естли Гения прикажете назвать:

Удушьев Ипполит Маркелоч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти братец, да он не пишет ничего,
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать,
В журналах можешь ты однако отыскать
Его *отрывок*, *взгляд* и *нечто*.
Об чем бишь нечто? — обо всём,
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
Был сослан чорт знает, куда-то к алеутам,
И крепко на руку нечист,
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лице горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные, на врят,
Ну между ими я конечно за уряд,
Ленился с молоду, отстал, подумать ужас! [1]
Однако ж я, когда умишком понатужась
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу,
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И в шестером глядь водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:

[1] *Далее зачеркнуто*:
Негоден ни на что, безграмотный, шальной,
И вовсе притупел с детьми, братец, с женой,

Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру, простят.

Л а к е й (*у подъезда*)

Карета Скалазуба.

Р е п е т и л о в

Чья?

Сцена 5-ая

Т е ж е и С к а л а з у б *(спускается с лестницы)*

Р е п е т и л о в (*к нему на встречу*)

Ах! Скалазуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(*душит его в объятиях*)

Ч а ц к.

Куда деваться мне от них!

(*входит в швейцарскую*)

Р е п е т и л о в (*Скалазубу*)

Слух об тебе дано затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу
Знакомы вы?

(*ищет Чацкого глазами*)

Упрямец! ускакал!
Нет нужды, я тебя нечаянно съискал,
И просим-ка со мной, сей час, без отговорок:

У Князь-Григория пир, шум и кутерьма [1],
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько братец там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких не выдумать конечно нам с тобой.

Скалазуб

Избавь, с ученостью вы много взяли все-то,
Бог вам премудрость ниспошли,
Дают ли ордена за это?
Давай ученье нам, чтоб люди в ногу шли.
Я школы Фридриха, в команде Гернадеры,
Фельдфебеля мои Волтеры.

Репетилов

Что служба братец? вздор. Вот я, гляди сюда
Такие огорченья встретил,
Как может быть никто и никогда,
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я,
К нему в зятья.
Шел на прямик без дальней думы,
С его женой, и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он в Царском жил селе, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял: шиш, по службе:— ничего.

---

[1] *а.* У Князь-Григория все собраны теперь. *б.* У Князь-Григория пир, шум и кутерьма,

Тесть немец, а что проку?
Боялся видишь он упрёку
За маленький фавёр к родне!..
Боялся! прах [1] его возьми, да легче ль мне?
Секретари его, род хамский и продажный,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в Адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты душе надсада,
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что за Правительство путём бы взяться надо,
Желудок дольше не варит.

(останавливается, увидя, что Загарецкий заступил место Скалазуба, который покудова уехал)

Сцена 6-ая

Репетилов, Загарецкий

Загарецкий

Извольте продолжать, поверьте
Я сам ужасный либерал,
И рабства не терплю до смерти,
Чрез это много потерял.

Репетилов *(с досадой)*

Что это от меня все направляют лыжи!
Куда один, другий туды же,
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалазуб.

Загарецкий

Как думаете вы об Чацком?

[1] *а.* черт *б.* прах

Репетилов

Он не глуп,
Мне друг, и от него на верьх не мог попасть я.
Сурьёзный разговор зашел про водевиль,
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль,
Мы с ним,.. у нас свои пристрастья.

Загарецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьёзно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загарецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загарецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загарецк.

А кстати вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

Сцена 7-ая

Репетилов, Загарецкий, князь и княгиня с шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакей в суетах

Загарецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я кнжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я кжна

Про это знает целый свет.

3-я кжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы...

4-я кжна

Ах! вести старые, кому оне новы?

5-я кжна

Кто сомневается [1]?

Загарецк.

Да вот не верит...

6-я кжна

Вы!

---

[1] *а.* сумневается *б.* сомневается

Все вместе

Мсьё Репетилов! вы! Мсьё Репетилов что вы!
Да как вы! можно ль против всех!
Да почему вы! стыд и смех.

Репетилов (*затыкает себе уши.*)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще негласно бы, с ним говорить опасно
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже Князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец
Ваш Чадский. Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова (*с лестницы*).

Княгиня карточный должок?

Княгиня

За мною, матушка.

Все (*друг другу*)

Прощайте.

(*Княжеская фамилия уезжает и Загарецкий тоже*)

Сцена 8-ая

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь Небесный!

Амфиса Карповна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил, а впрочем
Полечат, вылечат авось,
А ты, мой батюшка, неисцелим хоть брось.
Ночные шатуны! вишь, говорят, женате!
За чем пожаловал? Чтоб посмотреть небось
Красив ли Фамусов в халате?
Все, все разъехались.

Репетилов

Браните, бейте, ах!
Амфиса Карповна, я сам себя гнушаюсь,
Пустой я человек, шалун я, вертопрах,
Чистосердечно, слезно каюсь,
Нещастье Чацкого разительный урок,
Что не в большом уме нам прок.
Детьми займусь, и будет дело глаже,
Вселю в них божий страх, и с завтрашнего дня же
Остепенюсь, моя жена
Уж более не ляжет спать одна.

Хлёстова

Так видно никогда бедняшке не ложиться.
Молчалин, вон чуланчик твой,
Ненужны проводы, поди, Христос с тобой.

(*Молчалин уходит к себе в комнату*)

Прощайте, батюшка, пора перебеситься.

(*уезжает*)

Сцена 9-ая

Репетилов с своим Лакеем.

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету,
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(*уезжает*)

Сцена 10-ая

Чацкий выходит из швейцарской.

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О праздный! жалкий! мелкий свет!
Не надо пищи, сказку, бред
Им лжец отпустит в угожденье
Глупец поверит [1], передаст,
Старухи кто во что горазд
Тревогу бьют... и вот общественное мненье!
И вот Москва! — Я был в краях,
Где с гор верьхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег, в паденьи все охватит,
С собой влечет, дробит, стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность.
И что оно в сравненьи с быстротой,
С которой чуть возник, уж приобрел известность

---

[1] *а.* подхватит *б.* поверит

Московской фабрики слух вредный и пустой.
А Софья? знает ли? Конечно рассказали,
Она в веселый час, как до нее дошло,
Чай позабавилась, не то, чтоб мне на зло,
Ей все равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит,
И обморок я к сердцу принял слишком,
Расстройство, слабость нерв, по прихоти,
по вспышкам,
Чтобы придать себе чувствительности вид,
Я признаком почел живых страстей.— Ни крошки,
Она конечно бы лишилась так же сил,
Когда бы кто нечаянно ступил
На хвост собачки или кошки.

София (*с свечой показывается из боковой двери*[1] *над лестницей во втором этаже*)

Молчалин, вы?

(*поспешно опять дверь припирает*)

Чацк.

Она! Она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась, нет ее, неужели виденье?
Не впрямь ли я сошел с ума?
Нет, нет к горячке я конечно подготовлен,
Но не виденье тут, свиданья час условлен,
К чему обманывать себя мне самого!
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей *его с крыльца.*

Каре...

---

[1] *а. из дверей б. из боковой двери*

Ч а ц к. (*выталкивает его вон*)

Сс!..

Буду здесь, не шевельнусь ни с места,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше с одного присеста,
Чем медлить, а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(*прячется за колонну*)

Сцена 11-ая

Ч а ц к и й спрятан, Л и з а со свечкой

Л и з а

Ах! мочи нет! робею!
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишья и людей живых.
Мучительница,— барышня, бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу,
Вишь, показался ей он где-то здесь в низу.

(*Осматривается*) [1]

Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он чай давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберёг,
Домой, и спать залёг.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(*стучится к Молчалину*)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

[1] *Эта ремарка вписана.*

Сцена 12-ая

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин
(*потягивается и зевает*)

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь лёд.

Молчал.

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчал.

Ну кто б сказал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви ещё румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках!

Лиза

А вам искателям невест
Не нежиться и не зевать бы,
Пригож и мил, кто недоест,
И недоспит до свадьбы.
Скорей, пойдемте же, боюсь не в добрый час,
Из дворни кто-нибудь тут выскочит на вас.
Ну вот и барышня.

Сцена 13-ая

Те же и София

София

Как я перепугалась
Мой друг, шла давиче сюда, с свечой в руках,

И что-то двигалось, мне показалось,
Что Чацкий здесь...

Чацкий (*бросается между ими*)

Я здесь, притворщица. Да.

Софья

Ах!..

(*Лиза свечку роняет с испугу, Молчалин скрывается к себе в комнату*)

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть к тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
И знал уж раз! и верить усумнился!
Сходнее б кажется сквозь землю провалился.
А милый для кого забыт,
И прежний друг, и женский страх и стыд
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница! бич!—
Молчалины блаженствуют на свете!

София

Какая низость! подстеречь!
Подкрасться, и [1] потом конечно обесславить.
Что? этим думали к себе меня привлечь?
И страхом, ужасом вас полюбить заставить?
Отчетом я себе обязана самой,
Однако вам поступок мой,

[1] *а.* чтоб *б.* и

Чем кажется так зол и так коварен?
Не лицемерила, и права я кругом.
Ах! Боже мой! стук! шум! сюда бежит весь дом.
Вот батюшка.

Лиза

Сам барин!

Сцена 14-ая

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг с свечами

Фамусов

Сюда. За мной. Скорей. Скорей.
Свечей побольше. Фонарей.
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна, срамница!
Бесстыдница! Где? с кем! Ни дать, ни взять она,
Как мать ее, покойница жена,
Бывало я с дрожайшей половиной
Чуть врознь:— уж где-нибудь с мущиной.
Побойся бога, как? [1] чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
И я поверил... Нет! во мне ума не стало!
Все это заговор, и в заговоре был
Он сам, я думаю, теперьче маски сбросьте.

Чацк. (*Софии*)

Так этим я еще обязан вашей злости!

---

[1] *а.* чем? *б.* как?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеритесь, не поверю.
Ты Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как недосмотрел? и как ты недослышал?
В работу всех, на поселенье вас.
Вы все закуплены, сгубить [1] меня готовы.
Ты быстроглазая, все от твоих проказ,
Вот он Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Да я тебя заставлю [2];
Циплят кормить, коров доить [3].
Да и тебя мой друг я дочка не оставлю:
Еще дни три терпение возьми,
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я с нашим домом,
С моей семьёй, со мной [4] не быть знакомым,
И ваша такова последняя черта,
Что чай ко всякому дверь будет заперта.
Я постараюсь, я; в набат я приударю
По городу всему, наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, Государю.

[1] *а.* продать *б.* сгубить [2] *а.* исправлю *б.* заставлю [3] *Вместо этого стиха было начато и зачеркнуто:* На скотный
[4] *а.* Со мной, с моей семьей *б.* С моей семёй, со мной

Чацкий (*Софии*)

Я перед вами виноват.
Не знаю, почему вас с теми ставил в ряд,
Которым впрочем здесь найдутся сотни ровных,
Искательниц фортун и женихов чиновных,
Которым красотой едва дано расцвесть[1],
Уж глубоко натвержено искусство
Не сердцем поискать, а взвесить и расчесть,
И продавать себя в замужство.
Вы выше этого. По вас такий, чтоб был[2]
Немножко прост, и очень мил,
Чтоб вы могли его, и в возрасте бы зрелом
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом,
Муж-мальчик, муж-слуга, из женниных пажей:
Высокий идеал московских всех мужей!
Но боже мой! кого вы поискали!
Когда размыслю я, кого вы предпочли!
За что меня вы завлекли
Повергли в бездну зол, мученья и печали!
Я сам, где я искал награду всех трудов?
Спешил, летел, дрожал, вот щастье, думал, близко.
Пред кем я давиче, так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!!
Не верьте, с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь, отец, вы, страстные к чинам:
В дворянской спеси вам желаю быть щастливом.
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другий тут есть спокойный, благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.

---

[1] *а.* процвесть *б.* расцвесть [2] *а.* Вы свыше этого, для вас такий, чтоб был *б.* Вы свыше этого. По вас такий, чтоб был

Так! отрезвился я сполна
От слепоты своей, от смутнейшего сна,
Теперь мне кстати б было с ряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
Вон из Москвы! Сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пущусь искать по свету
Где для рассудка есть, и чувства уголок?..—
Карету мне, карету.

(*уезжает*)

Сцена 15-ая

Кроме Чацкого

Фамусов

Безумный. Что он тут изволил городить!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так гневно![1]
Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

---

[1] *Первоначально*: Судьба моя еще ли не плачевна,

ВАРИАНТЫ

БЕХТЕЕВСКИЙ СПИСОК (1824)

Действующие лица:

Фамусов Сенатор служащий при архивах

Его дочь София Павловна

Его Секретарь Алексей Степанович Молчалин

Лиза горничная Софьи

Чацкой Молодой человек воспитывавшийся в доме Фамусова и влюбленный в Софью путешествовал и только что воротился

Сергей Сергеич Скалазуб служащий полковник

<table>
<tr><td>Репетилов Московский житель</td><td></td><td rowspan="12">Гости Фамусова</td></tr>
<tr><td>Хлестова тетка Софьи Павловны</td><td></td></tr>
<tr><td>Князь Тугоуховский</td><td rowspan="3">гости</td></tr>
<tr><td>Жена его</td></tr>
<tr><td>6 дочерей княжон</td></tr>
<tr><td>Графиня Хрюмина бабушка</td><td rowspan="2">гости</td></tr>
<tr><td>Ее внучка</td></tr>
<tr><td>Платон Михайлович Сослуживец Чацкого</td><td rowspan="2">гости</td></tr>
<tr><td>Его жена Наталья Дмитриевна</td></tr>
<tr><td>Антон Антонович Загорецкий гость</td><td rowspan="2">гости</td></tr>
<tr><td>гости без речей и некоторые с речьми</td></tr>
</table>

Слуги Фамусова —

ЖАНДРОВСКАЯ РУКОПИСЬ (1824)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Дмитриевна, молодая/Дмитревна молодинькая

Горичи/Горичевы

Графиня бабушка, Графиня внучка / Хрюмины/Графиня бабушка Хрюмина, Графиня Внучка

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

4 Не спи, покудова не снимут караула. ◊

15 Лизанька / Лизынька

16 Седьмый, осьмый, девятый.
оттуда же / оттудоваже

18 Ни верить не хотят, ни слышать, ни видать. ◊

28 Ой! зелье, баловница. / *а.* Ох! зельи, баловницы. *б.* Ох! зелье, баловница.

29 лица/лицы ◊

53 так / как ◊

54 скрипнешь / скрыпнешь

70 Смотрите на часы, повыгляньте в окно: ◊

85 Подальше где-нибудь повыбрать закоулок? ◊

97 от испуги / от испугу ◊

105 другой / другий

149 Пожалуй на меня вину еще всю сложит. ◊

153 *Садится / все садятся* ◊

154–177 *Первоначально рассказ Софьи о сне был изложен в редакции, близкой к Музейному автографу. Грибоедов вырезал лист, на котором переписчиком была передана главная часть рассказа о сне, и вклеил новый, так что остались*

(*на предыдущем листе*) *только начальные шесть стихов* (*зачеркнуто*):

София

В саду была; цветы безщетно там пестрели;
Искала я, мне чудилось траву,
Какую-то, не вспомню наяву.
В ирисах, в бархатцах, в левкоях и в синели,
Да где их всех назвать?
Из сил я выбилась и бросила искать,
180 И черти, и любовь, и флейты и цветы. ◊
232–238 Желал бы он звезду на зяте,
А при звездах не все богате. ◊
240–242 Сам на ряду со всеми дураками.

Лиза

Да-с, правду молвить между нами,
Речист, а больно нехитёр; ◊
254 — Что сударь плачете? бог не оставит вас — ◊
293 Мне-с?.. ваша тетушка на мысли набрела, ◊
295 Голубушка / Голубошка
306, 318 ради / раде
319 этак / эдок
322 Лиза / Лизынька
341 Или ваш батюшка с Мадамой за пикетом;
350, 351 Как не смутиться мне? от вас нет оборон;
Обозреваете меня со всех сторон. ◊
384 сыщешь / сыщем
425 А впрочем, быть ему у нас в людях известным, ◊
426 *бессловесных* / бессловесных
430 Хоть не теперь, а в детстве может быть,
Когда пора была безвреднейшим забавам? — ◊
431–432 На что же так давно? вот доброты черта вам: ◊
456 Вам молодым людям другого нету дела, ◊

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

29 *у вдовы* / *у вдове*

86 *а.* Упал в другореть — уж нарочно —
б. Упал в другой раз — уж нарочно —
в. Упал в другоредь — уж нарочно —

153–155 Не слушаю, под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут. ◊

172–173 Об этом он молчит со мной,
Мне тоже нет нужды большой ◊

208–209 *а.* А я так дорожу родством.
Сыщу его на дне морском.
б. Нет я перед родством где встретится, ползком;
Сыщу его на дне морском. ◊

369 Заставил и Москву дивиться их красе! ◊

386 Ничтожность, шалости, пороки, пустоту ◊

408 *Ремарки*: (*Теряет чувства*) — *нет.*

535 любезничить / любезничать

559 правду — тайну

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

15 Есть многие, родные. / *а.* Вот спросы предчудные. *б.* Родные. ◊

46 Казался прах и смех? дым, мелочь, суета. ◊

49 Чтоб мыслям были всем, и всем делам ◊

224 Наталья Дмитревна / Наталья Юрьевна ◊

225 дама / дамочка

229 Неужли / Не уж-то

292 Эх! братец! кровь была не та, теперь остыла. ◊

303 *оборачивает* / *обращает*

305 Дмитревны / Юрьевны ◊

325 Графиня внучка / Графиня внучка (*к ней же*)

325 Eh! bon soir! comment vont les rubans les guirlandes?
Toujours le désespoir de ceux, qui Vous attendent? ◊

378 (*Загорецкий* / (*Он*

382 на ярмарке / на ярмонке

392 И за уши его знать мало я дирала. ◊

409–410 Пойдемте, батюшка; там ожидают вас
Мой брат и многие. Прошу покорно. Князь! ◊

426 громовой / громовый

427 другой / другий

476 по*к*ромче / по громче

485 по *п*алам / по балам
*т*ышит / дышит

576 вокруг / округ

584–585 *а*. Ну словом отпустил воз целый многолетствий,
И в восхищении от нас,
От наших округленных фраз,
От наших гладеньких приветствий.
б. Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, мы больше рады. ◊

587–588 Тоска, и оханье и стон
Об южной Франции! Нет в мире лучше края, ◊

595 Слепого, рабского, пустого подражанья; ◊

606–607 Хвост сзади, спереди какой-то выем чудный,
Лишь только в пору нам, чтоб кашель дать простудный; ◊

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В ремарке: от действующих лиц / от действующих

6 другой / другий

87 От пустяков твоих в отчаянье придти. ◊

102 о камерах / об камерах

103 О Бейроне / Об Бейроне

114–115 Э! брось! кто ныньче спит? будь образец
Геройства,
Решись, а мы! у нас... решительного свойства. ◊

227–228 Все врознь, не говоря худого
Чуть из виду один, гляди уж нет другого. ◊

246 *а.* Ах! вести старые, кому оне новы?
б. Ах! вести старые, кому оне уж новы?

261 Амфиса Ниловна / Амфиса Карповна ◊

300 *со свечкою* / *со свечою*

305 Нет, нет, к горячке я конечно подготовлен; ◊

309 Чацкий *(выталкивает его вон)*

Сс!
Буду здесь, и не смыкаю глазу,

378 *ползает у ног ее* / *валяется в ногах у нее* ◊

392 Все батюшке, в моей досаде ◊

394 Подите.— Стойте, будьте раде, ◊

426 врознь, / врозь

454–493 *Текст*: За пяльцами сидеть ∾ Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом. *написан рукой Грибоедова на отдельном листе и вклеен взамен вырезанного.*

475 Что память вам давно постыла ◊

484–486 Я тотчас бы бежал, чтоб не при вас тужить,
И сладко с миленьким могли бы вы прожить. ◊

494–496 Пред кем я давиче, так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!!
Но что? наказаны вы горем справедливым.
А вы сударь отец, вы жертвуйте к чинам
Собой и дочерью; желаю быть щастливым ◊

497 Другой / Другий

508 Все гонят! все вредят! Мучителей толпа, ◊

АЛЬМАНАХ «РУССКАЯ ТАЛИЯ на 1825 год»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

302 София / София Павловна

314 седьмисот / семи сот

325 Как поминали мы вас тут.

341 Или ваш батюшка с мадамой за пикетом;

345 седьмнадцать / семнадцать

366 В столовых и гостиных.

370 Со всей *вселенной* породнятся;

380 *Между учеными* который поселился,

384 сыщешь / сыщем

426 *бессловесных* / бессловесных

446 София / София Павловна

456 Вам молодым людям другого нету дела,

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

8–9 *Текста*: Хрипун ∾ А мне... — *нет. В «Исправлениях» сказано*: После сей строки поставить***.

9 *Входит София / София входит*

37 Одежд, и климатов, и нравов, и умов; *В «Исправлениях» — замена*: Народов, климатов... (*и т. д.*)

39 Иной по должности, иной плохим поэтом,

40 Иной... боюсь назвать, но признаны всем светом,

93 Напрасно это вы относите к другим;

103 И между прочим

129 Он за своих стоит горой,

153 *Входит Молчалин / Молчалин входит*

172 Вам не дались чины;

173–174 Не всякому успех. *В «Исправлениях»*: После стиха: Не всякому успех, поставить***

175–176 *Этих стихов нет.*
179 С иными важными людьми про вашу связь,
203–204 Отличного ума и поведенья,
Из Петербурга к нам переведен.

Чацкий

Хорош!

217 Ведь надобно ж других иметь в виду.
218 В чинах мы небольших./ Чтоб не попасть в беду.
229 Неужли / Неуж-то
282 *хладнокровно / равнодушно*
292 *со вздохом / вздыхает*
325 Между прочим / Между прочими
349 Известный плут:
378 *Загорецкий / Он*
382 на ярмарке / на ярманке
403 Вы прежде были здесь... В полку... в том... гренадерском?
404 То есть, хотите вы сказать,
405 В Ново-Землянском мушкетерском.
438 Ужли / Уже ль
475–476 Мой друг, мне уши заложило;
Скажи погромче...
478 по*ш*ара / пожара
481 *В «Исправлениях» вместо* изранен *предложено*: был ранен
482 Пошел он в бусурманы!
484 *п*ешит / бежит
485 по *п*алам сам чуть *т*ышит! / по балам, сам чуть дышит.
487 Хоть может видели, здесь Полицмейстер был?
488 В тюрьму-то, Князь, кто Чацкого схватил?
491 *п*усурманах / бусурманах
502 Попробуй говорить, и ни весть что наскажет!

Гр. Внучка. (вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ)
Мсье Чацкій! вы въ Москвѣ! какъ были, все такіе?

Чацкій.
На что мѣняться мнѣ?

Гр. Внучка.
Вернулись холостые?

Чацкій.
На комъ жениться мнѣ?

Гр. Внучка.
Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ:

Чацкій.
Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, и множество другихъ гостей.

(Между прочими *Загорѣцкій*. Мущины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. *Софья* отъ себя выходитъ. Всѣ къ ней на встрѣчу)

Гр. Внучка. (къ ней же)
Eh! bon soir! vous voilà jamais trop diligente
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente

«Горе от ума».
Анонимное издание 1830-х годов. С. 69.
(из собрания Н. К. Пиксанова)

504 Хоть пред каким ни есть лицом,

522—547 *Этого текста нет, вместо него стоит* * * *.

582—583 *Эти стихи пропущены. В «Исправлениях» здесь предложен знак* * * *.

596—610 *Эти стихи пропущены, вместо них* * * *.

619 Ну как перевести: Мадам и Мадмуазель?

632 Во всех девиц вселять участье. *Но в «Исправлениях»*: Во всяком возбуждать участье.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОМЕДИЯ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»

«ГОРЕ ОТ УМА» В НАСЛЕДИИ ГРИБОЕДОВА

Александр Сергеевич Грибоедов (4/15 января 1795 или 1794—30 января/11 февраля 1829) происходил из старинного дворянского рода. Отец его, Сергей Иванович, гвардейский офицер, мать, Настасья Федоровна,— из другого, более знатного ответвления рода Грибоедовых. Сестра Грибоедова, Мария Сергеевна, была известной в Москве пианисткой и арфисткой, ученицей знаменитого Фильда. Сам Грибоедов получил прекрасное образование и с юности владел французским, немецким, английским и итальянским языками, изучал латинский и греческий, впоследствии еще — персидский, арабский и турецкий. Он также отлично играл на фортепьяно и был автором нескольких музыкальных произведений. Воспитателями юноши были библиотекарь Московского университета, Петрозилиус, потом Б. И. Ион, воспитанник Геттингенского университета, впоследствии получивший степень доктора прав в Казани; в дальнейшем образование будущего драматурга шло под руководством философа и филолога, искусствоведа, профессора Геттингенского, позднее Московского университетов И. Т. Буле, ученого с мировым именем.

Летние месяцы юноша проводил у богатого дяди А. Ф. Грибоедова в имении Хмелита, Смоленской губернии, в аристократической среде; встречался там

с семействами Якушкиных, Пестелей и других будущих общественных деятелей. В Москве Грибоедовы были связаны родством с Одоевскими, Паскевичами, Римскими-Корсаковыми, Нарышкиными и знакомы с огромным кругом столичного барства. Около 1803 г. Грибоедов поступил в Московский университетский благородный пансион, а в 1806 г. в возрасте 11 лет принят в Московский университет, прошел курс трех факультетов — словесного, юридического и физико-математического — и в 1812 г. был подготовлен к возведению в звание доктора прав. В пансионе и университете Грибоедов мог общаться со многими будущими декабристами: И. Д. Якушкиным, Н. И. Тургеневым, Никитой и Артамоном Муравьевыми, В. Ф. Раевским, С. П. Трубецким, А. И. Якубовичем. Побывал Грибоедов и на военной службе: в 1812 г. он добровольно зачислился корнетом в Московский гусарский полк. По окончании войны вышел в отставку и в 1817 г. был принят на службу в коллегию иностранных дел в Петербурге, там встречался с Пушкиным и Кюхельбекером.

В петербургских общественных и литературных кругах Грибоедов вращался среди членов нарождающихся тайных организаций, вместе с П. И. Пестелем и П. Я. Чаадаевым участвовал в двух масонских ложах, познакомился со многими литераторами и актерами.

В небольшом литературном наследии А. С. Грибоедова, печатавшегося в течение 14 лет,— не более тридцати произведений. Но большинство из них невысокого достоинства. В печати Грибоедов выступил в 1814 г. в журнале «Вестник Европы» со статьями «Письмо из Брест-Литовска» и «О кавалерийских резервах». В статье «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады Ленора», напечатанной в «Сыне оте-

чества» в 1816 г., Грибоедов защищал балладу П. А. Катенина «Ольга» в полемике с Н. И. Гнедичем. Позднее было напечатано его «Письмо к издателю „Сына отечества“ из Тифлиса» (1819). В «Северном архиве» за 1825 год писатель поместил примечания к «Путешествию» крестьянина Дементия Пикулина на Восток; годом позже в «Северной пчеле» появилась его «Загородная поездка». В рукописях сохранились и после смерти Грибоедова опубликованы его «Путевые заметки» разных лет, «Замечания», касающиеся истории Петра I, «Замечания на русскую грамматику Греча» и некоторые другие наброски.

У Грибоедова есть несколько лирических стихотворений: «Давид», «Телешовой» (1824), «Хищники на Чегеме», «Освобожденный» (1826), «А. И. Одоевскому» (1828) и др. В 1825 г. он напечатал «Отрывок из Гете» — перевод, вернее — переработку «Пролога в театре» из «Фауста». Он писал также большую поэму из восточной жизни, от которой до нас дошел только отрывок «Кальянчи».

Обширнее его драматургическое наследие — двенадцать пьес. Ранние пьесы, писанные до «Горя от ума», совершенно ординарны, как десятки тогдашних пьес в жанре легкой комедии и водевиля, и интересны только в свете того же «Горя от ума» — постепенной выработкой языка, стиля. Одноактная комедия «Молодые супруги» (1813)— переделка из французской комедии Крезе де Лессера. В ранней комедии «Студент» (1817), написанной совместно с П. А. Катениным, содержатся бытовые и психологические зарисовки, предсказывающие реализм «Горя от ума». В сценах, написанных Грибоедовым для комедии «Своя семья, или Замужняя невеста» А. А. Шаховского и Н. И. Хмельницкого (1817), стихотворный язык и образ старой помещицы

родственны «Горю от ума» свом тяготением к реализму. Вместе с А. А. Жандром Грибоедов сочинил комедию «Притворная неверность» (1818), позаимствовав сюжет у французского драматурга XVIII в. Барта. Опера-водевиль «Кто брат, кто сестра» (1823) написана Грибоедовым совместно с П. А. Вяземским. По содержанию гораздо значительнее пьесы, написанные после «Горя от ума»: «1812 год», «Грузинская ночь», «Радомист и Зенобия». Но они дошли до нас только в планах и в отрывках, по которым трудно судить о целом. Достоинство стиха здесь сильно снижается, а сценарии слишком сложны и обширны, чтобы вместиться в рамки стройной сценической пьесы.

В историю литературы Грибоедов вошел только с «Горем от ума», как литературный однодум.

Творчество Грибоедова, его комедия «Горе от ума» органически связаны с политическими движениями его времени. Грибоедов поселился в Петербурге в 1815 г., когда тон там давали вернувшиеся из заграничных походов либерально настроенные офицеры. В 1816 г. возникла мысль о тайных обществах, началось освобождение крестьян в Прибалтийском крае, а Н. И. Тургенев в Петербурге пропагандирует крестьянскую реформу и для России. В 1817 г. сформировался Союз Спасения, в 1818 г.— Союз Благоденствия, получает конституцию Польша. В костромском имении матери Грибоедова начались волнения крепостных, вызванные непосильными налогами. Волнения быстро возрастали и превратились в целое восстание, продолжавшееся несколько лет. Позднее, в Тифлисе Грибоедов сближается с А. П. Ермоловым, героем Отечественной войны 1812 г., человеком большой культуры и личного обаяния, настроенным оппозиционно к придворной знати и бюрократии. Общение с декабристами,

личные наблюдения над бесправием народа и произволом деспотической власти еще более укрепили Грибоедова в его либерализме. В таких настроениях было начато им «Горе от ума».

К свершению своего творческого подвига Грибоедов был прекрасно подготовлен. По своей художественной культуре писатель стоял на высшем европейском уровне и конденсировал в своем творческом сознании все лучшие достижения мировой культуры, изобразительного искусства, театра, музыки. Владея многими языками, обладая превосходной памятью, он располагал обширнейшими познаниями в литературах Запада, славянства, Востока, внимательно изучал мастерство античных и западноевропейских драматургов. Кровно близко Грибоедову было творчество русских писателей, прежде всего Фонвизина с его комедиями, богатыми реализмом, несмотря на условную классическую форму. Близки Грибоедову-писателю и Радищев с его революционной настроенностью, разоблачением самовластья и крепостничества, и сатирические нравоописательные журналы Новикова, и реалистические басни-сатиры Крылова. Все лучшее, что находил Грибоедов в мировой и национальной литературе, было принято им на вооружение его мастерства.

Точных сведений о времени замысла и начала работы Грибоедова над «Горем от ума» не имеется. По воспоминаниям С. Н. Бегичева, «план этой комедии был сделан у него еще в Петербурге 1816 года, и даже написаны были несколько сцен; но не знаю, в Персии или Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую ⟨...⟩ и вместе с этим выкинуты

и написанные уже сцены»[1]. В показаниях Бегичева, добросовестного и точного мемуариста, не приходится сомневаться, но, вероятно, речь здесь идет не о «Горе от ума» в собственном смысле, а о каких-то этюдах, близких к комедии по сюжету и образам, но еще не представляющих первой редакции «Горя от ума».

Ф. Булгарин рассказывал со слов Грибоедова о каком-то сне, виденном им в Персии, вследствие которого он написал «Горе от ума» («Сын отечества», 1830, № 1, стр. 12). Это свидетельство не заслуживало бы пристального внимания, если бы до нас не дошло письмо самого Грибоедова к какому-то неизвестному из Персии от 17 ноября 1820 г., где во всех подробностях рассказывается этот сон[2].

Собственно писание комедии «Горе от ума» было начато Грибоедовым на Кавказе, где он служил в должности секретаря по иностранной части при генерале Ермолове. Служивший там же В. К. Кюхельбекер сообщил потом в своем дневнике[3], что Грибоедов читал ему сцены из создававшейся комедии. Это могло быть с декабря 1821 г. до мая 1822 г., когда Кюхельбекер уехал с Кавказа в Россию.

В феврале 1823 г. драматург выхлопотал для себя отпуск и в начале марта был уже в Москве. Здесь он прочитал своему другу С. Н. Бегичеву первые два акта «Горя от ума» и, выслушав его критические замечания, первый акт сжег и написал заново. Третье и четвертое действия были написаны летом 1823 г. в тульском имении Бегичева, Дмитриевском. С сентября работа продолжалась снова в Москве, где Грибоедов жил

---

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников/Ред. и пред. Н. К. Пиксанова, примеч. И. С. Зильберштейна. М., 1929. С. 9.

[2] См.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1917. Т. III. С. 144—145. [3] См.: *Кюхельбекер В. К.* Дневник. Л., 1929. С. 91.

у того же Бегичева. В московских литературных кругах он читает свою комедию. Возникала потребность опубликовать сложившийся текст «Горя от ума». Опасаясь, что московская цензура не разрешит печатание комедии, сатирически изображающей московское барское общество, в июне 1824 г. Грибоедов поехал в Петербург. Перед отъездом он подарил С. Н. Бегичеву рукопись комедии, которая хранится теперь в Государственном Историческом музее в Москве,— так называемый «Музейный автограф».

В северной столице его ожидал блестящий прием. В аристократических и литературных кругах Грибоедов читал свою комедию, совершенствовал ее текст (например, вставил сцену заигрывания Молчалина с Лизой в IV акте), и скоро пьеса и ее автор стали центром всеобщего внимания. Исправленный список комедии в 1824 г. Грибоедов подарил А. А. Жандру («Жандровская рукопись»).

В Петербурге Грибоедов встречается с министром внутренних дел В. С. Ланским, министром народного просвещения А. С. Шишковым, с генерал-губернатором гр. М. А. Милорадовичем, со своим родственником И. Ф. Паскевичем, был представлен великому князю Николаю Павловичу. Все это подавало надежду на цензурное разрешение «Горя от ума». Об этом Грибоедов писал С. Н. Бегичеву в первом же письме из Петербурга, от 10 июня 1824 г.: «Василий Серг. Ланский, министр внутренних дел, цензура от него зависит, мне по старому знакомству вероятно окажется благоприятен. Алексдр Сем. (Шишков.— *Н. П.*) тоже. Частью это зависит от гр. Милорадовича; на днях он угощал меня обедом в Екатерингофе» [4]. Одновременно

[4] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 154.

Грибоедов хотел провести комедию и на сцену (о чем также сообщал в одном из дальнейших писем к С. Н. Бегичеву). Но, несмотря даже на такие связи, хлопоты Грибоедова не увенчались успехом, как это и предсказывали ему опытные люди: П. А. Катенин, прочтя комедию в рукописи, удивлялся даже, что Грибоедов может питать такие надежды, а В. А. Каратыгин писал в одном письме: «Грибоедов теперь хлопочет о пропуске своей прекрасной комедии «Горе от ума», которой вряд ли быть пропущенной» («Русский архив», 1871, VI, 241).

Чтобы увидеть свое творение на сцене и в печати, Грибоедов готов был идти на уступки, на переделки и смягчения текста. Об этом самоистязании он писал Бегичеву: «Надеюсь, жду, урезываю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстанавливаю стертое, так что, кажется, работе конца не будет...» [5] Придирки цензуры доводили поэта до крайнего раздражения. В октябре 1824 г., вернувшись из Особой канцелярии министерства внутренних дел, он писал Н. И. Гречу: «Я что приехал от Фока, то с помощию негодования своего и Одоевского изорвал в клочки ‹...› всякий писаный листок моей руки, который под рукою случился ‹...› Коли цензура ваша не пропустит ничего порядочного из моей комедии, нельзя ли вовсе не печатать? — Или пусть укажет на сомнительные места, я бы как-нибудь подделался к общепринятой глупости, урезал бы; и тогда весь 3-й акт можно поместить в альманахе» [6]. Вскоре пришлось оставить надежду увидеть в печати всю пьесу. Только благодаря усиленным хлопотам и исключительному

[5] Там же. С. 155. [6] Там же. С. 164.

искусству Булгарина ладить с руководителями охранительного аппарата удалось среди многих других драматических произведений разных авторов провести в печать отрывки: 7—10 явления первого действия и весь третий акт с большими цензурными сокращениями были помещены в 1824 г. в альманахе Ф. Булгарина «Русская Талия на 1825 год». Это оказалось возможным потому, что, в виде исключения, цензурование альманаха было изъято из ведения Особой канцелярии Министерства внутренних дел и передано в Министерство народного просвещения, попечителю учебного округа. Тому же Булгарину, уезжая в 1828 г. из Петербурга, драматург поручил вновь просмотренный список «Горя от ума» («Булгаринская рукопись»).

«ГОРЕ ОТ УМА» КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Содержание пьесы, закрепившееся в четырех авторизованных ее текстах, сам Грибоедов считал только частичным выполнением изначального замысла. Сохранился черновой отрывок по поводу «Горя от ума», набросанный поэтом после того, как завершились все работы над текстом комедии. «Первое начертание этой сценической поэмы,— читаем мы здесь,— как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены...» [7] Но это были именно замыслы, т. е. акты сознания,

[7] Там же. С. 100—101.

а не творчества. Ни в одной из сохранившихся редакций комедии, даже в самой ранней, Музейной (что особенно показательно), мы не встречаем и намека на то «высшее значение», которое Грибоедов хотел придать содержанию своей пьесы и на которое, по-видимому, намекает первоначальное название: «Горе уму». С начала до конца пьеса была и осталась бытовой и сатирической, но отнюдь не философской комедией. Вся идейность пьесы вращается в круге социально-политическом и психологическом, хотя она и не имеет того политического пафоса и политических заданий, какие могли бы придать ей значение настоящего политического памфлета. Зато в этом круге материал очень богат и дает произведению такую содержательность, какой не имеет ни одна современная русская комедия. В «Горе от ума» заявлены смелые по-тогдашнему суждения о крепостном праве, о русском барстве, о екатерининских вельможах и придворных нравах, о бюрократии, о скалозубовщине, о реакционной политике и поверхностном радикализме, о национальном достоинстве и внешнем западничестве, о новых людях и вражде к ним косного общества. Многое из идейного состава «Горя от ума» было настолько правдиво, смело, ярко, глубоко, что быстро было воспринято русской общественной мыслью в ее постоянный обиход. Это обстоятельство красноречиво говорит об идейном богатстве и общественной значимости пьесы. Политическая содержательность «Горя от ума» значительнее, чем, например, «Ревизора», и несравненно богаче, чем во всей драматической поэзии грибоедовских времен. Только сатира Салтыкова может равняться в этом с «Горем от ума». Но Салтыков писал гораздо позже, в более свободных условиях, и пользовался более удобной формой не стихотворной комедии, а эпической прозы.

Очевидна тесная связь «Горя от ума» с декабризмом, хотя его автор и не входил организационно в декабристские общества и не разделял некоторых увлечений своих друзей декабристов, бывших романтиками не только в литературе, но и в политике. Политический скептицизм Грибоедова, отразившийся в «Горе от ума» в эпизоде с Репетиловым, его неверие в осуществимость политического переустройства силами военного заговора донесены до нас рассказами мемуаристов и показаниями на следствии многих декабристов. Как и Пушкин, от политического скептицизма Грибоедов переходил к политическому реализму, а потом и к реализму художественному. Связь «Горя от ума» с идеологией декабризма определялась не формальной принадлежностью Грибоедова к тайным организациям, а кровным родством его с той же социальной средой, что́ непосредственно и проявилось в идеологии и патетике пьесы. Идейное наполнение комедии Грибоедова вполне соответствует политическим заявлениям декабристов в их программах, показаниях на следствии, письмах, воспоминаниях. Но изучение разновременных текстов комедии удостоверяет, что ее идеологический состав созрел раньше 1824—1825 гг., когда Грибоедов познакомился с новейшим политическим движением в Петербурге и Киеве; тем самым снимается острота вопроса о формальной принадлежности автора к организации и удостоверяется величайшая зрелость мысли Грибоедова. Идеологически и в художественном творчестве Грибоедов шел в первом ряду дворянских революционеров; недаром декабристы приняли «Горе от ума» с таким энтузиазмом: пока цензура запрещала к печатанию полный текст комедии, декабристы в Петербурге списывали ее целой группой под общую диктовку и развозили по провинции. Сохранился список комедии,

сделанный рукой декабриста А. И. Черкасова [8]. Списки распространялись не только в передовой дворянской среде, но и в широких кругах демократической разночинской интеллигенции.

Декабрист А. П. Беляев в своих воспоминаниях писал: «Комедия „Горе от ума“ ходила по рукам в рукописи; слова Чацкого „все распроданы по одиночке“ приводили в ярость». Декабрист В. И. Штейнгель, отвечая на вопрос следственной комиссии, «какие сочинения наиболее способствовали развитию в нем либеральных взглядов», указал «из ненапечатанных» на Грибоедова. Д. И. Завалишин в своих «Записках» рассказывает, что осенью 1825 г. члены декабристского Северного общества «захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова „Горе от ума“, не надеясь никоим образом на дозволение напечатать ее. Несколько дней сряду собирались у Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтобы в несколько рук списывать комедию под диктовку». Наряду с одой «Вольность» и «Деревней» Пушкина, гражданской лирикой, «думами» и поэмами Рылеева, сатирическая комедия «Горе от ума» стала поэтической декларацией декабризма, его художественным документом. Идеология «Горя от ума» кровно роднится с политической поэзией того времени, с гражданской лирикой Пушкина и Рылеева. Читатели того и более позднего времени воспринимали «Горе от ума» как смелый памфлет, сатиру.

Естественно в таком случае, что были у «Горя

---

[8] См. сообщение О. И. Поповой «Список „Горя от ума“ декабриста А. И. Черкасова»//ЛН. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 497—504.

от ума» и злобные враги. В печати критики разделились в своем отношении к «Горю от ума» на два лагеря. Реакционеры стремились принизить художественные достоинства комедии, опорочить ее героя Чацкого. На сторону «Горя от ума» встала вся прогрессивная критика.

Декабристам в «Горе от ума», в речах Чацкого была близка проблема национального будущего, социально-исторический оптимизм. Борьба между Фамусовым — Скалозубом и Чацким кончается в пьесе как будто неблагоприятно для Чацкого, который бежит из Москвы. Вследствие этого Чацкому спешили приписать «разочарование в человечестве», безысходный пессимизм. Иначе думал А. И. Герцен: Чацкий, по его мнению, «если он уцелел 14 декабря, то наверно не сделался ни страдательно тоскующим, ни гордо презирающим лицом» [9]. Оптимизм — основная настроенность «Горя от ума». Какова б ни была развязка, внутреннее бессилие фамусовского общества и сила Чацкого очевидны читателю и зрителю. Эта оптимистическая позиция была близка декабристам. Свою политическую обреченность многие декабристы осознавали со всей ясностью, но они не теряли исторического оптимизма. Рылеев мог временно переживать «горький жребий одиночества в кругу людей», остро чувствовал обреченность первого поколения русских революционеров, но он был убежден в необходимости своих усилий и писал в «Исповеди Наливайко»: «..., где, скажи, когда была без жертв искуплена свобода?» «Но их дело не пропало» [10], — писал об этом поколении дворянских революционеров В. И. Ленин.

---

[9] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1960. Т. XX. С. 342.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

Гражданская патетика Чацкого действовала на последующее поколение читателей. И когда Добролюбов признавался, что он в юности мечтал походить на Чацкого, он высказывал только то, что переживали и переживают многие тысячи юношей минувшего и нынешнего столетия.

Такую власть над людьми и такое бессмертие произведению Грибоедова дали его гениальные художественные достоинства, широта и глубина произведенных драматургом художественных обобщений.

Созданное в конце первой четверти XIX века, «Горе от ума» представляет собой диалектическое единство нескольких элементов и сил. В нем ощутимы начала классицизма, мольеризма, сказавшегося в изобилии монологов, в традиционных чертах образа Лизы, в стремительном развитии действия. В патетике речей Чацкого, в противостоянии сильной личности косному обществу ощущается еще живое веяние байронического романтизма. Но в наше время с наибольшей остротой воспринимается величайшая самобытность «Горя от ума», его кровные связи с подлинной русской жизнью, его народность и реализм. В основном методе творчества Грибоедов — не классик, не романтик, а реалист, великий единомышленник и соратник основоположника новой русской литературы — Пушкина. Художественная форма «Горя от ума» обнаруживает резкий отход Грибоедова и от традиций классицизма, и от «легкой комедии», и от распространенной тогда романтической манеры. Реалистической формы требовала для своего изображения сама русская жизнь, необычайно осложнявшаяся, наполнявшаяся богатым содержанием, быстро дифференцировавшаяся социально, с обострением политической борьбы. Литература стремилась глубже отразить современ-

ность и историю. На запросы жизни Грибоедов и Пушкин одновременно ответили гениальными созданиями художественного реализма — комедией «Горе от ума» и романом «Евгений Онегин». Реалистический метод Грибоедова связан с его мировоззрением, сложившимся под влиянием самой жизни.

Однако реализм Грибоедова своеобразен и не может отождествляться с реализмом Островского или Чехова. Реализм «Горя от ума» — это реализм высокой комедии-драмы, стиль строгий, обобщенный, лаконический, экономный до последней степени, как бы приподнятый, просветленный.

Реалистический метод у писателей-декабристов был в зачаточном состоянии. Грибоедов пошел дальше их. «Горе от ума» целиком отвечало задачам сатирического изображения. И. А. Гончаров видел в комедии Грибоедова две драмы, общественную и психологическую, уравновешенные композиционно и по содержанию. Не внешняя «любовная интрига», типичная для старой легкой комедии, а именно интимная драма является огромным завоеванием драматургии Грибоедова. С высоким психологическим реализмом показывает автор развращающее влияние косной социальной среды в тяготении Софьи к Молчалину и в ее душевной катастрофе, в позднем и безнадежном раскаянии. По существу «Горе от ума» следовало бы назвать не комедией, а драмой, употребляя этот термин не в родовом, а в видовом, жанровом его значении.

Типичность грибоедовских героев складывалась не только из бытовых и психологических черт, как в комедиях Шаховского или Хмельницкого, а была дана в социальном содержании образа.

«Грибоедовская Москва» не является только

широкой рамой для психологической драмы Чацкого — Софьи. Наоборот, интимная драма личности осмысляется как результат драмы общественной. Сопоставление Чацкого и барской Москвы -- это не только контраст данного индивидуального характера и окружающей среды. Это — столкновение дряхлеющего крепостнического мира с новыми людьми. Наряду с индивидуальными образами, драматург создает еще один — коллективный, образ барского общества. Это было большим достижением социального, политически направленного реализма. Грибоедов гениально изобразил бытовую фамусовскую Москву. В «Горе от ума» воссоздана также еще и иная Москва, социальная, барская, крепостническая, воинствующая и нисколько не комическая. Именно эта Москва, с ее особой моралью, с ее воспитательной системой, с ее житейскими идеалами, духовно искалечила Софью Павловну. Ее отец, Павел Афанасьевич Фамусов,— яркий образец барской крепостнической Москвы, вырастающий до уровня предводителя большой и властной социальной группы. В той борьбе двух миров, какая раскрывается в третьем действии, Фамусов выявляет себя воинствующим представителем старого мира, вожаком косного барства. В своих монологах он объединяет барскую Москву с вельможным Петербургом. А Чацкий осмысляет столкновение как борьбу двух миров: того, где «покорность и страх», и того, в котором «вольнее всякий дышит». Столкновение этих двух общественных групп на балу у Фамусова изображено Грибоедовым с замечательной силой реализма. В гостиной собирается как бы летучий митинг, целый суд над Чацким. Суд над Чацким и упоминаемыми в репликах его единомышленниками — кульминация социальной драмы. В 1824 г., когда Грибо-

едов изображал эту вражду двух общественных групп, он еще не знал (но несомненно предчувствовал), как дружно и злобно реакционные круги дворянского общества будут поддерживать в 1826 г. царское правительство в его жестокой расправе с восставшими и побежденными декабристами.

Противостояние Чацкого и Москвы — это не контраст высокой личности и скудной бытовой среды, а столкновение дряхлеющего, но еще сильного крепостнического барского мира с новыми людьми и новым, идущим на смену миром, который мы назовем демократическим. В «Горе от ума», как в социальной драме, воссоздано борение социальных сил в русском обществе перед 14 декабря. При этом борьба раскрывалась и осмыслялась Грибоедовым не только как политическая борьба реакционного правительства с оппозиционными кругами, а как борьба социальная, внутри самого общества — между косным крепостническим обществом и группой демократически настроенных людей. Драматург-реалист не только проявил при этом глубокое понимание связей прошлого с настоящим, но и предвидел ближайшее будущее, обусловленное соотношением борющихся сил: на ближайшем этапе борьбы Чацкие будут сломлены Фамусовыми и Скалозубами.

В пьесе Грибоедова обращают на себя внимание неоднократные упоминания о вольнодумной разночинской интеллигенции. Зло высмеяно мракобесие, вражда к новым людям, нападки Фамусова на распространение просвещения («ученье — вот чума, ученость — вот причина...», «...забрать все книги бы, да сжечь», «...нынче пуще, чем когда, безумных развелось людей, и дел, и мнений»). Фамусов наверно имел в виду университеты, против которых именно

тогда началось гонение и в которых среди профессоров и студентов большинство составляли разночинцы. Фамусову вторит старая московская барыня Хлёстова: «И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних от пансионов, школ, лицеев, как бишь их; да от ланкартачных взаимных обучений». В «ланкастерских» школах в то время обучалось много солдат. Княгиня Тугоуховская ополчается на профессоров Педагогического института, которые «упражняются в расколах и в безверьи». Комедия преисполнена отголосками тогдашней общественной жизни: упоминаются «ученый комитет», преследовавший книги и распространение просвещения, итальянские карбонарии, толки о «камерах», т. е. о палатах депутатов, о Байроне, «волтерьянстве» и многое другое. Есть резкие выпады против злоупотреблений крепостного права, против «Нестора негодяев знатных», выменявшего «толпу слуг» на «борзые три собаки»; против барина-театрала, согнавшего в крепостной балет «от матерей, отцов отторженных детей». Много сарказма направлено против «вельмож в случае» — фаворитов, против «пылкого раболепства» придворных «охотников поподличать везде», против «отцов отечества», «грабительством богатых». Немало обличений чиновнической бюрократии, к которой надо «прислуживаться», перед которой «не должно сметь свое суждение иметь» и которая руководствуется правилами вроде: «подписано, так с плеч долой» и «как не порадеть родному человечку».

Создание литературного типа Молчалина было крупным приобретением общественной мысли. Не менее значителен тип Скалозуба, в котором заклеймен военный карьеризм, увлечение мундиром. Скалозубовщина и молчалинство как социально-бытовые

формулы вобрали в себя обширные круги явлений. В обоих случаях Грибоедов проявил большую силу публицистического обобщения. Маленького чиновника, секретаря Фамусова, живо обрисованного индивидуальными чертами, автор возвел в символ значительной социально-политической группы, крепко связав молчалинство с фамусовщиной. То же со Скалозубом. Красочный индивидуальный портрет ограниченного, грубого армейского полковника обобщен до значения широкого символа. Существование скалозубовщины в самой жизни — аракчеевщины — обостряло значение этого образа как политической сатиры на характерные особенности военно-бюрократического режима, сложившегося к началу 20-х годов. Образом Репетилова драматург сатирически откликнулся на расплодившийся вокруг декабризма мелкий либерализм.

Некоторая недоговоренность и неясность осталась в образе Софьи, что дало основание многим критикам, начиная с Пушкина, понимать ее упрощенно. Образ Софьи был задуман драматургом смело и сложно — как сочетание наносной сентиментальности с глубокой натурой.

Кроме действующих лиц, появляющихся на сцене, в «Горе от ума» есть еще вереница образов, воссоздаваемых в беседах и монологах; без них не закончена была бы картина грибоедовской Москвы, не полон был бы идейный состав пьесы: мадам Розье, танцмейстер Гильоме, вельможный Максим Петрович, брат Скалозуба, московские старички и дамы, чахоточный «книгам враг», княгиня Ласова, Татьяна Юрьевна и Фома Фомич, Лахмотьев Алексей и, наконец, держащая в страхе всю Москву «княгиня Марья Алексевна». Мастерским приемом реплик и беглых упоминаний драматург вычерчивает один

за другим эти мимолетные образы и насыщает ими наше сознание. Некоторые из этих образов разработаны великолепно и своей значительностью превышают иных «действующих».

«Горе от ума» — также и реалистическая бытовая пьеса. Жизнь большого барского дома в Москве, от раннего утра, когда «всё в доме поднялось», «стук, ходьба, метут и убирают», и до поздней ночи, когда в парадных сенях «последняя лампа гаснет»,— изображена с удивительной полнотой и правдивостью. И не только бытовая жизнь одного барского особняка воссоздана в «Горе от ума»; гениальным наращением бытописи через все четыре действия, и особенно в третьем, в картине московского бала, драматург постепенно воспроизводит перед нами всю жизнь московского барства: воспитание дворянской молодежи, московские «обеды, ужины и танцы», деловую жизнь — штатскую и военную, французоманию, напускной либерализм, скудость и пустоту интересов. Историко-познавательное значение «Горя от ума» огромно; историку оно может служить источником для изучения жизни московского барства.

Произведение Грибоедова драгоценно и как психологическая драма. Психологический реализм в «Горе от ума» проявляется постоянно и многообразно: в характеристике Фамусова, в диалоге Чацкого с Натальей Дмитриевной Горич, в говорливости Репетилова и т. д. Но наиболее глубоко и сосредоточенно применяется он в раскрытии интимной драмы Чацкого и Софьи. Диалог Софьи и Лизы, диалог Чацкого и Софьи в первом действии; эпизод обморока Софьи во втором действии и назревающая ее враждебность к Чацкому; гениально созданное драматургом объяснение Чацкого и Софьи в начале третьего действия,

небольшой монолог Чацкого в начале четвертого действия об итогах московского дня; наконец, сцена разоблачения Молчалина, когда раскрывается ошибка сердца Софьи, ее прозрение и душевная сила,— вот элементы и эпизоды этой интимной драмы. Грибоедов первый в русской литературе создал психологическую драму.

Победа реализма была у Грибоедова и победой гуманизма. Воинствующий гуманизм наиболее ярко сказался в монологах Чацкого. Это — гуманизм декабристский. С глубокой проникновенностью раскрывает автор человеческую душу и ее силы. Он внушает нам любовь к гармоническому свободному человеку с его стремлением к счастью, «к искусствам творческим, высоким и прекрасным», с его правом «не требуя ни мест, ни повышенья в чин» «в науки вперить ум, алчущий познаний», со стремлением к всестороннему развитию вложенных в человека способностей и сил. Автор верит в эти новые силы, в их конечную победу над внешним гнетом, и настроен оптимистически. Он сочувствует человеку в его борьбе за «свободную жизнь», в его поражениях и победах, заставляет нас любить благородного Чацкого, проповедника человеческого достоинства, врага бесчестности, низкопоклонства, лести, мракобесия и невежества. У него целый культ разума. Гуманизм проявляется у Чацкого и в отношении к нравственным качествам русского народа — «умного» и «бодрого».

Грибоедов не показал в «Горе от ума» самого народа, русского крестьянства. Но в «Горе от ума» с величайшей правдивостью и глубиной раскрыты существенные явления общественной жизни, тесно связанные с судьбой народа. Изображены они с величайшим реализмом, а по мудрому слову Белинского,

«в реализме всего более и состоит народность нашей литературы».

Пережив катастрофу декабризма, деятели которого, по выражению В. И. Ленина, были «страшно далеки от народа», Грибоедов вновь возвращается своей творческой мыслью к проблеме народа. Горькие переживания оторванности от народных масс в жуткий 1826 год Грибоедов выразил в статье «Загородная поездка», самой своей формой путевого очерка напоминающей Радищева: «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! 〈...〉 народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами»[11]. В пьесе «1812 год» Грибоедов ставил задачей воссоздать народно-освободительное движение Отечественной войны и героем избрал ополченца-крепостного. В трагедии «Грузинская ночь» он хотел изобразить ужасы крепостной неволи и материал черпал из жизни братского народа любимой им Грузии. Наконец, в трагедии «Радомист и Зенобия» раскрывалось контрастное сопоставление мелкого, бессильного дворцового заговора вельмож и победоносного народного восстания против угнетателей.

Изобилие художественно-сатирических элементов дает «Горю от ума» место в первом ряду художественных достижений раннего критического реализма. Богато реалистичен его язык. Выработка литературного

[11] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 117.

языка была огромной проблемой для писателей декабристской эпохи. Грибоедов внес сюда большой вклад. Взамен прежней книжности в комедию врывается поток живой разговорной речи. Речь персонажей мастерски индивидуализирована: у Скалозуба она складывается из отрывочных слов и коротких фраз, пересыпана грубыми военными словечками; Молчалин немногословен и выбирает жеманные обороты; замечательно выдержана речь Хлёстовой — большой московской барыни, умной и бывалой, но примитивной по культуре, матери-командирши в богатых барских гостиных, близкой, однако, по хозяйственным отношениям к деревне. Роль Лизы задумана и композиционно организована драматургом как традиционная роль конфидентки в любовной интриге барышни, и тем не менее у Лизы немало элементов живого просторечия. Фамусовская Москва у Грибоедова говорит бытовым языком, московским наречием. В одной стихии здесь сливаются люди разных поколений, и порой бывает трудно отличить речь барыни от речи горничной. Речь изобилует реалиями, проста, образна, как бы материальна, повседневна.

Речи Чацкого и Софьи должны были разрешать иные задачи, выразить сложную гамму чувств, чуждых остальным персонажам: любовь, ревность, душевную боль, гражданскую скорбь, негодование, иронию, сарказм. В языке Софьи явственно проступают элементы психологические, этические («упреков, жалоб, слез моих не смейте ожидать, не стоите вы их», «себя я, стен стыжусь» и т. п.). От материального и конкретного речь ее постоянно поднимается к отвлеченному, обобщенному. Элементы психологические и этические изобильны и в речах Чацкого («лицо святейшей богомолки», «ум с сердцем не в ладу», «жар к искусствам творческим,

высоким и прекрасным», «та страсть, то чувство, пылкость та» и многое другое).

Но самой существенной особенностью речей Чацкого является социально-политическая идейность и патетика. В речах Чацкого — особый словарь («чужевластье», «слабодушие», «уничиженье»), свой строй эпитетов («разгневанный», «подлейший», «алчущий», «рабский», «величавый»), свой синтаксис — с развитыми формами предложения, простого и сложного, с тяготением к периодическому построению. Художник стремится выделить этих двух героев не только в образности или идейности, но и по языку, отличному от бытовой речи других персонажей,— языку, богатому инверсиями, градациями, антитезами, патетикой. В то же время язык Чацкого и Софьи обработан драматургом тоже реалистически. Это было нелегко, здесь автора подстерегали опасности впасть в книжность (и отголоски этой книжности кое-где в тексте чувствуются).

Лирический стиль давался труднее бытового. Тем не менее и здесь огромны достижения простоты, правдивости в словесном выражении сложной психологии героев. Заслугой Грибоедова было воссоздание речи дворянской интеллигенции декабристской поры. Как и в речах Софьи, Фамусова и Хлёстовой, у Чацкого найдутся слова и речения из простонародной и живой дворянской — московской — речи («окроме», «пуще», «ни на волос», «не вспомнюсь» и др.). Но ошибочно было бы включать речь Чацкого в огульную характеристку языка московского фамусовского общества. Современники с наибольшей остротой воспринимали социально-политическую публицистику, роднящую речи Чацкого с петербургской, декабристски ориентированной литературой. В декабристской патриотической лексике

широкое распространение получили слова «отечество», «вольность», «свобода», «народ», слово «раб» — в значении политически угнетенного или развращенного человека — и производные от них. Все эти слова принадлежат к самым активным элементам лексики и в речах Чацкого. Знаменитые слова Чацкого: «нечистый этот дух пустого рабского, слепого подражанья» — прямо перекликаются со словами К. Ф. Рылеева: «будем стараться уничтожить в себе дух рабского подражания» («Сын отечества», 1825, ч. CIV, стр. 154).

Крупнейшей стилистической особенностью «Горя от ума» является его стиховая форма. Это как бы музыкальная драма со своим неизбежным ритмом, не допускающим произвольных остановок и пауз.

Огромно значение «Горя от ума» в обновлении стихотворного языка, в культуре комедийного диалога, в обогащении литературной речи живым просторечием.

Шумный успех комедии также имел существенное политическое значение. В жуткое первое пятилетие николаевского царствования, когда совершалась расправа над декабристами, когда над страной нависла реакция, а в дворянском обществе проявлялось, по словам Герцена, «быстрое нравственное падение», поэтическая декларация декабризма — «Горе от ума» в тысячах полных, бесцензурных списков продолжало нести свою благородную общественно-политическую службу, поддерживая и укрепляя в читателях любовь к родине, к народу, к свободе и ненависть к крепостничеству, к аракчеевщине, деспотизму, В 30-е и 40-е годы «Горе от ума» несло особую социально-политическую функцию. Вместе с «Недорослем» и «Ревизором» оно насыщало социальным содержанием русский театр, а через него и зрителей.

«ГОРЕ ОТ УМА» В КРИТИКЕ И В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Развитие литературной оценки «Горя от ума» в значительной мере связано с важными моментами во внешней истории комедии: печатными изданиями, постановками на сцене, юбилеями. Первым таким моментом было появление отрывков из пьесы в альманахе «Русская Талия на 1825 год», ставшее центральным событием литературного сезона. Внимание читателей было уже возбуждено, так как рукописные списки «Горя от ума» в большом количестве ходили по рукам в Москве и Петербурге еще в 1824 г. Появление печатных отрывков было сигналом к горячим журнальным спорам, причем критики говорили о всей пьесе, хотя формально должны были считаться только с фрагментами «Русской Талии». Первым высказался Н. А. Полевой в «Московском телеграфе» (1825, ч. I, № 2, 20 января) в рецензии на «Русскую Талию»: «Первою статьею должно почесть отрывок из комедии: „Горе от ума“, соч. А. С. Грибоедова. Еще ни в одной русской комедии не находили мы таких острых, новых мыслей и таких живых картин общества, какие находим в комедии „Горе от ума“. Загорецкий, Наталья Дмитриевна, князь Тугоухов, Хлёстова, Скалозуб списаны мастерскою кистью. Смеем надеяться, что читавшие и читавшия отрывок позволят нам от лица всех просить г. Грибоедова издать всю комедию: до того не можем сказать ни слова о завязке, развязке и роде комедии».

К этим похвалам прибавлено пожелание большей «гармонии и чистоты в стихах» (приведено несколько примеров выражений, вроде: «черномазенький», «опротивит», «к прикмахеру» и т. п., которые, по мнению критика, «дерут уши». И похвалы и придирки вызвали

энергичный отпор с двух противоположных сторон. Но раньше успели высказаться еще два критика. В «Северной пчеле» 1825 г., № 15, в обзоре литературных новостей, принадлежавшем Н. И. Гречу (подпись: Д. Р. К.), говорилось: «Из рукописных произведений все истинные знатоки и любители отечественного слова восхищаются комедиею А. С. Грибоедова: „Горе от ума“. Ее читают даже в позлащенных гостиных. Из напечатанного отрывка в „Русской Талии“ никак нельзя судить о прелести целого. Прекрасные стихи, верное изображени - характеров и странностей общества, высокие чувствое вания любви к отечеству, занимательность комических положений, все соединяется в этой пьесе. Безо всякого сомнения после „Недоросля“ у нас не было ничего подобного». Еще более горячий отзыв дал А. А. Бестужев в альманахе «Полярная звезда» на 1825 г. Комедию Грибоедова он расценивает как «феномен, какого не видали мы от времен „Недоросля“. Толпа характеров, обрисованных смело и резко; живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах. Все это завлекает, поражает, приковывает внимание. Человек с сердцем не прочтет ее не смеявшись, не тронувшись до слез». А. А. Бестужев зачисляет комедию «в число первых творений народных».

С прямо противоположным и полемическим отзывом выступил московский старожил М. А. Дмитриев в статье «Замечания на суждения „Телеграфа“» («Вестник Европы», 1825, ч. CXL, № 6). По мнению критика, Грибоедову не удался характер Чацкого в его противопоставлении остальным персонажам, перед которыми герой умничает, презирая их, и таким образом выглядит смешнее всех остальных.

В раздраженных суждениях М. А. Дмитриева

сказалось настроение фамусовской Москвы, считавшей, что Грибоедов, как выразился московский генерал-губернатор кн. Голицын, «на всю Москву написал пасквиль» и оскорбил русское дворянство; попутно сводились счеты с новым журналом-соперником («Московский телеграф» начал выходить с 1825 г.).

В том же году близкий к декабристам О. М. Сомов поместил в «Сыне Отечества» (1825, ч. CI, май, № 10) статью «Мои мысли о замечаниях г. Дмитриева в „Вестнике Европы“». В суждениях Дмитриева Сомов видел фракционное пристрастие и «французско-классический вкус», «литературное староверство». Представив в Чацком умного, пылкого и доброго молодого человека, Грибоедов, по мнению Сомова, вовсе не показывает его свободным от слабостей. Эти его слабости — заносчивость и нетерпеливость. Чацкий и сам понимает, что, говоря невеждам об их невежестве и порочным об их пороках, он только напрасно теряет речи, но не в силах совладеть со своим негодованием и высказывает все, что лежит у него на сердце, не думая от том, слушают его или нет. «Таков вообще характер людей пылких, — замечает Сомов, — и сей характер схвачен г. Грибоедовым с удивительной верностью».

О. М. Сомов обращает внимание на «бранчивый патриотизм» — пламенную любовь Чацкого к родине и народу; он «только сердится и негодует на грубую закоснелость, жалкие предрассудки и смешную страсть к подражанию чужеземцам, — не всех вообще русских, а людей некоторой касты». «Что касается до стихосложения, — отмечал далее Сомов, — то оно таково, какого должно было желать в русской комедии и какого мы доныне не имели. Это не тощий набор звонких или плавных слов и обточенных рифм, при изыскивании которых часто жертвовали или словом сильным, или даже самою

мыслью. Г. Грибоедов очень помнил, что пишет не элегию, не оду и не послание, а комедию: оттого он соблюл в стихах всю живость языка разговорного...»

Единомышленником Дмитриева выступил водевилист А. И. Писарев, который под псевдонимом «Пилада Белугина», что пародировало Ореста Сомова, поместил в «Вестнике Европы» (1825, ч. CXLI, № 10) статью: «Несколько слов о мыслях одного критика о комедии „Горе от ума“». Это раздраженная, наполненная мелочными придирками статья ничего существенно нового в полемику о комедии Грибоедова не внесла.

В. Ф. Одоевский, опубликовавший одобрительный отзыв о комедии в «Мнемозине» на 1825 год (ч. IV), напечатал потом в «Московском телеграфе» (1825, ч. III, № 10) резкую «антикритику» «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии: „Горе от ума“» (подпись: «У. У.»). Опровергая пункт за пунктом суждения Дмитриева, В. Ф. Одоевский отмечал, что у одного Грибоедова «мы находим непринужденный, легкий, совершенно такой язык, каким говорят у нас в обществах, у него одного в слоге находим мы колорит русский. В сем случае нельзя доказывать теоретически; но вот практическое доказательство истины слов моих: почти все стихи комедии Грибоедова сделались пословицами, и мне часто случалось слышать в обществе целые разговоры, которых большую часть составляли — стихи из „Горя от ума“».

В. Ф. Одоевскому отвечал в «Вестнике Европы» (1825, ч. CXLIV, № 23—24) тот же Пилад Белугин длинной статьей «Против замечаний неизвестного У. У. на суждения о комедии „Горе от ума“».

Полемика вокруг комедии разгорелась столь жарко, что сам Грибоедов настаивал на ее прекращении

и писал В. Ф. Одоевскому из Киева 10 июня 1825 г.: «...Хотя ты за меня подвизаешься, а мне за тебя досадно. Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости; между тем тебе отвечать будут и самого вынудят за брань ответить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тех, которые от души желают, чтобы отечество наше оставалось в вечном младенчестве!!!»[12] Грибоедов отказался отдать в печать присланную ему горячую антикритику С. Н. Бегичева по поводу нападок Дмитриева (см. его письмо от 18 мая 1825 г.).

Статьей Белугина—Писарева закончилась полемика 1825 г. вокруг «Горя от ума». Всеобщий восторг читателей перед славной комедией заставил ее зоилов замолчать. Критика в этот период еще не смогла оценить всю полноту художественных и идейных достоинств комедии. Писарев и особенно Дмитриев (оба они были задеты эпиграммой Грибоедова[13]) были решительно против общественных взглядов и настроений Чацкого, но не сумели подвергнуть их критическому разбору и формулировать свои собственные мнения. Сторонники Грибоедова высказались не только справедливее, но и гораздо определеннее; правильная оценка богатств языка, яркости типов и бытовых картин, стройности плана — все это выгодно отличает статьи Бестужева, Сомова, Одоевского. Их предсказание, что будущее поставит комедию Грибоедова «в число первых творений народных», блестяще сбылось. Но и сторонники поэта не сумели истолковать читателям многого, и когда Дмитриев уверял, что Чацкий смешон со своими нападками на фраки и бритые подбородки,

---

[12] Там же. С. 176. [13] См. там же. Т. I, 1911. С. 23.

его антагонисты не указали ему, что Чацкий нападает также и на крепостное право, и на «Нестора негодяев знатных» и т. д. Отчасти они и не могли указывать на это прямо в подцензурной печати, оберегая также и интересы самого Грибоедова, комедия которого не была еще напечатана и поставлена на театре. Критика этого времени только еще начинала переходить от стилистических и элементарно-теоретических вопросов к широким вопросам эстетическим и общественным. Произведение Грибоедова сильно способствовало такому переходу.

Своеобразный итог завязавшимся вокруг комедии спорам подвел для себя В. К. Кюхельбекер в своем дневнике 8 февраля 1833 г.: «Нет действия в „Горе от ума"! говорят гг. Дмитриев, Белугин и братия. Не стану утверждать, что это несправедливо, хотя и не трудно было бы доказать, что в этой комедии гораздо более действия или *движения*, чем в бóльшей части тех комедий, которых вся занимательность основана на завязке. В „Горе от ума", точно, вся завязка состоит в противоположности Чацкого прочим лицам; тут, точно, нет никаких намерений, которых одни желают достигнуть, которым другие противятся, нет борьбы выгод, нет того, что в драматургии называется интригою. Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе, и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов,— и только. Это очень просто, но в сей-то именно простоте — новость, смелость, величие того поэтического соображения, которого не поняли ни противники Грибоедова, ни его неловкие защитники» [14].

---

[14] *Кюхельбекер В. К.* Указ. соч. С. 91—92.

А. С. Пушкин впервые ознакомился с «Горем от ума» в январе 1825 г. в своей михайловской ссылке по рукописи, привезенной ему Пущиным [15]. 28 января Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Читал я Чацкого — много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек — но Грибоедов очень умен» [16]. Необходимо учитывать, что Пушкин высказывался в особых обстоятельствах, которые сам оговаривал. Несколькими днями позднее, успев обдумать пьесу подробнее, он пишет о ней большое письмо А. А. Бестужеву: «Слушал Чацкого, но только один раз, и не с тем вниманием, коего он достоин. Вот что мелько успел я заметить:

Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следст. не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана не ясно: не то . . . . ., не то московская кузина. Молчалин недовольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина, но штатский трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен. Les propos de bal, сплетни, рассказ Репетилова о клубе, Загорецкий, всеми отъявленный и везде принятый,— вот черты истинно комического гения.— Теперь вопрос. В комедии «Горе от ума» кто умное действ.‹ующее› лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, проведший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями,

15 См.: *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 82.

16 *Пушкин.* Полн. собр. соч. Л., 1937. Т. 13. С. 137.

остротами и сатирическими замечаниями. Всё, что говорит он,— очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бесера перед Репетиловыми и тому подобн. ‹. . .› О стихах я не говорю, половина — должна войти в пословицу.

Покажи это Грибоедову. Может быть я в ином ошибся. Слушая его комедию, я не критиковал, а наслаждался. Эти замечания пришли мне в голову после, когда уж не мог я справиться. По крайней мере говорю прямо, без обиняков, как истинному таланту» [17].

В суждениях Пушкина не все верно. Он склонялся к тому, чтобы рассматривать «Горе от ума» как комедию развлекательного типа и расходился с декабристами, которые высказывали свои взгляды в любом обществе. Самым существенным в пушкинском отзыве было сближение мыслей и настроений Чацкого с самим Грибоедовым, угаданное с большой чуткостью (хотя Пушкин не встречался с Грибоедовым с 1818 г.), и критика поведения Чацкого в фамусовском обществе, ставшего предметом обсуждения и последующей критики.

Столь же сложным было отношение к комедии Грибоедова П. А. Вяземского. В книге о Фонвизине [18] он признавал большое значение «Горя от ума», как «явления весьма замечательного», расширявшего самые границы искусства, но в то же время указывал на то, что сам Грибоедов «знал», что он, П. А. Вяземский,— «не безусловный поклонник комедии его». Как и в комедиях Фонвизина, в «Горе от ума» Вяземский не видит

[17] *Пушкин.* Указ. соч. С. 138—139.

[18] *Вяземский П. А.* Фонвизин. СПб., 1848; См. также в его статье о Фонвизине // Современник, 1837. Т. V, № 1.

«действия»; почти все лица представляются ему эпизодическими, все явления — выдвижными: «их можно выдвинуть, вдвинуть, переместить, пополнить, и нигде не заметишь ни трещины, ни приделки». Единственный характер критик видел в Софье; проповедничество же Чацкого — утомляет; его ум «не есть завидный ни для себя, ни для других. В этом главный порок автора, что посреди глупцов разного свойства вывел он одного умного человека, да и то бешеного и скучного». Вяземский полагал, что «Горе от ума» — не комедия, а сатира — «лучше и живее всех прочих обдуманная». То же строгое суждение о «Горе от ума» П. А. Вяземский повторил в своей поздней статье «Дела иль пустяки давно минувших лет» [19].

Ближайшим поводом для нового обращения критики к «Горю от ума» оказались сценические постановки комедии, начиная с 1829 г. Старый знакомый Грибоедова В. А. Ушаков напечатал обширную статью в «Московском телеграфе» (1830, июнь, № 11 и 12). Здесь впервые в критике сделана попытка изложить план комедии и проследить развитие действия в двух слагающих его интригах — любовной и общественной, т. е. намечена та задача, которую позднее с блеском разрешил Гончаров. Статья Н. И. Надеждина в «Телескопе» (1830, № 20) полностью оценивает комедию в сдержанно-недоброжелательном тоне и во многом несправедливо, но выгодно отличается от полемических статей 1825 г. серьезностью тона и принципиальностью суждений. Автор настаивает на «совершенном отсутствии действия в пьесе», действия которой, сменяя друг друга, не производят «цельного эффекта». Тем не менее критик признает и большие достоинства комедии,

---

[19] Русский архив, 1874, кн. 2. С. 0545—0548.

образы которой, «изображающие различные оттенки московского быта, так верно схвачены, так резко обрисованы, так счастливо поставлены, что невольно засматриваешься, признаешь подлинники и хохочешь».

В статье И. В. Киреевского («Европеец», 1832, январь) находим попытку принципиально посчитаться с идейным содержанием комедии. Отдавая должное художественным достоинствам пьесы и прекрасному выполнению задачи изобразить московское общество, Киреевский возражает против «негодования автора на нашу любовь к иностранному», т. е. против одной из самых важных идей, выраженных Чацким. По мнению критика, усвоение иностранной культуры может только способствовать развитию просвещения; но оно не должно быть смешиваемо с действительно жалким и смешным пристрастием к иностранцам. Запрещение «Европейца» в 1832 г. в значительной степени обусловлено именно тем, что в статье о «Горе от ума» Николаем I была усмотрена «самая неприличная и непристойная выходка насчет находящихся в России иностранцев» («Полярная звезда», кн. VI. Лондон, 1861, стр.164).

Первое отдельное издание пьесы (1833) вызвало отзыв О. И. Сенковского («Библиотека для чтения», 1834, т. I, № 1), который защищал комедию от несправедливых нападок — как «народную книгу»: «. . . О красотах ее должно говорить так, как англичанин и испанец говорят о красотах Шекспира и Кальдерона; о недостатках с тем же уважением, с каким они рассуждают о погрешностях, примечаемых в творениях этих двух писателей». Особенно выдвигает Сенковский общественное значение комедии: «„Горе от ума“ занимает в нашей словесности, по своему роду и духу, именно то место, которым „Свадьба Фигаро“, известная комедия Бомарше, овладела во французской. Подобно „Свадь-

бе Фигаро", это комедия политическая: Бомарше и Грибоедов с одинаковыми дарованиями и равною колкостию сатиры вывели на сцену политические понятия и привычки обществ, в которых они жили, меряя гордым взглядом народную нравственность своих отечеств».

Первый отзыв В. Г. Белинского о «Горе от ума», появившийся в статье «Литературные мечтания» («Молва», 1834, № 51), имеет восторженный характер: «Комедия Грибоедова есть истинная divina comedia! (божественная комедия.— *Н. П.*) Это совсем не смешной анекдотец, переложенный на разговоры, не такая комедия, где действующие лица нарицаются Добряковыми, Плутоватиными, Обираловыми и пр.; ее персонажи давно были вам известны в натуре, вы видели, знали их еще до прочтения „Горя от ума", и однако ж вы удивляетесь им как явлением совершенно новым для вас: вот высочайшая истина поэтического вымысла! ‹. . .› Каждый стих Грибоедова есть сарказм, вырвавшийся из души художника в пылу негодования; его слог есть par excellence разговорный ‹. . .› Конечно, это произведение не без недостатков в отношении к своей целости, но оно было первым опытом таланта Грибоедова, первою русскою комедиею; да и сверх того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помешают ему быть образцовым, гениальным произведением и не в русской литературе, которая в Грибоедове лишилась Шекспира комедии» [20]. Этот горячий отзыв является отголоском непосредственных впечатлений от комедии, которую в кружке Белинского «знали наизусть». Издание 1839 г. с предисловием К. Полевого вновь сосредоточило мысль Белинского на великой комедии. В этот пе-

---

[20] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13-ти. т. М., 1953. Т. I. С. 81—82.

риод критик в своих философских и литературных исканиях пришел к гегельянской доктрине «примирения с действительностью»; в области искусства он проповедовал «поэзию формы», а «поэзию содержания» относил к недолговечной сфере, колеблющейся «между красноречием и художественностью», отрицал Шиллера, всю французскую литературу, недооценивал Лермонтова и хвалил беллетристику Греча. «Горе от ума» критик счел сатирой, принадлежность которой к области искусства он тогда резко отрицал.

Статья Белинского о «Горе от ума», написанная в 1839 г., была напечатана в «Отечественных записках» (1840, т. VIII). По-прежнему, как и в 1834 г., Белинский признает за Грибоедовым «талант яркий, живой, свежий, сильный, могучий», восторгается богатствами языка и стиха, «гениальною живописью» поэта, художественной «самобытностью» характеров, называет Грибоедова «великим творцом». Вместе с тем критик видит в комедии массу недостатков, рождающихся, по его мнению, из самого существа пьесы-сатиры. Некоторые недостатки указаны метко и справедливо и были подтверждены последующей критикой, но большую часть сделанных упреков нельзя не признать придирчивыми и несправедливыми. Особенно резко судит Белинский о Чацком, который сосредоточивает в себе идейное содержание комедии и тем самым более всего нарушает требования «поэзии формы». Подробно рассматривая речи и поступки Чацкого на протяжении всей комедии, критик нигде не находит оправдания главному герою. Общий вывод Белинский формулирует так: «Это просто крикун, фразер, идеальный шут, на каждом шагу профанирующий все святое, о котором говорит. Неужели войти в общество и начать всех ругать в глаза дураками и скотами значит быть глубоким человеком?

‹. . .› Это новый Дон-Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади. . . Глубоко верно оценил эту комедию кто-то, сказавший, что это горе,— только не от *ума*, а от *умничанья*. (Имеется в виду М. А. Дмитриев.— *Н. П.*) Искусство может избрать своим предметом и такого человека, как Чацкий, но тогда изображение долженствовало б быть объективным, а Чацкий лицом комическим; но мы ясно видим, что поэт не шутя хотел изобразить в Чацком идеал глубокого человека в противоречии с обществом, и вышло бог знает что» [21]. Что же касается общей оценки всей комедии, то она такова: «„Горе от ума“ не есть комедия, по отсутствию, или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное создание, по отсутствию самоцельности, а следовательно, и объективности, составляющей необходимое условие творчества. „Горе от ума“ — сатира, а не комедия: сатира же не может быть *художественным* произведением ‹. . .› „Горе от ума“, в целом, есть какое-то уродливое здание, ничтожное по своему назначению, как, например, сарай, но здание, построенное из драгоценного паросского мрамора, с золотыми украшениями, дивною резьбою, изящными колоннами. . .» [22]

В этих своих суждениях Белинский во многом совпадал с правеющим П. А. Вяземским, который говорил о «Горе от ума» как о произведении без действия, где «посреди глупцов разного свойства» автор вывел «одного умного человека, да и то *бешеного*».

Странное отрицательное отношение Белинского к грибоедовскому герою в статье 1839 г. является замаскированным обличением взглядов и поведения М. А. Бакунина и борьбой Белинского с «премухинской

---

[21] Там же. М., 1953. Т. III. С. 481. [22] Там же, С. 485.

гармонией». В парадоксах Белинского о Чацком вызревало и некоторое рациональное зерно: борьба против «прекраснодушных» мечтателей и «романтиков» из чуждых и враждебных Белинскому социальных кругов.

Однако сам Белинский, пережив период «примирения с действительностью», вскоре после написания своей статьи о «Горе от ума» стал относиться к ней критически и 11 декабря 1840 г. писал В. П. Боткину: «...Всего тяжелее мне вспомнить о „Горе от ума“, которое я осудил с художественной точки зрения и о котором говорил свысока, с пренебрежением, не догадываясь, что это — благороднейшее, гуманическое произведение, энергический (при этом еще первый) протест против гнусной расейской действительности, против чиновников, взяточников, бар-развратников, против ⟨. . .⟩ светского общества, против невежества, добровольного холопства *и пр.*, *и пр.*, *и пр.*» [23].

В статье «Разделение поэзии на роды и виды» («Отечественные записки», 1841, т. XV, № 3) Белинский коренным образом и печатно изменил свою оценку «Горя от ума». Противополагая художественную комедию комедии дидактической, Белинский писал: «...Если дидактическая комедия выходит не из невинного желания поострить, но из глубоко оскорбленного пошлостию жизни духа, если ее насмешка растворена саркастическою желчью, в основании ее лежит глубочайший юмор, а в выражении дышит бурное одушевление, словом, если она есть выстраданное сознание,— то стоит всякой художественной комедии ⟨...⟩ Высочайший образец такой комедии имеем мы в „Горе от ума“ — этом благороднейшем создании гениального человека, этом бурном, дифирамбическом излиянии желчного, громо-

[23] Там же. М., 1956. Т. XI. С. 576.

вого негодования при виде гнилого общества ничтожных людей, в души которых не проникал луч божьего света, которые живут по обветшалым преданиям старины, по системе пошлых и безнравственных правил, которых мелкие цели и низкие стремления направлены только к призракам жизни — чинам, деньгам, сплетням, унижению человеческого достоинства и которых апатическая, сонная жизнь есть смерть всякого живого чувства, всякой разумной мысли, всякого благородного порыва... „Горе от ума" имеет великое значение и для нашей литературы и для нашего общества»[24].

В восьмой статье о Пушкине («Отечественные записки», 1844, № 12), писанной в период полной зрелости критической мысли Белинского, говорится: «Вместе с современным ему гениальным творением Грибоедова — „Горе от ума", стихотворный роман Пушкина положил прочное основание новой русской поэзии, новой русской литературе ⟨...⟩ Несмотря на все недостатки, довольно важные, комедии Грибоедова,— она, как произведение сильного таланта, глубокого и самостоятельного ума, была первою русскою комедиею, в которой нет ничего подражательного, нет ложных мотивов и неестественных красок, но в которой и целое, и подробности, и сюжет, и характеры, и страсти, и действия, и мнения, и язык — всё насквозь проникнуто глубокою истиною русской действительности. Что же касается до стихов, которыми написано „Горе от ума",— в этом отношении Грибоедов надолго убил всякую возможность русской комедии в стихах. Нужен гениальный талант, чтоб продолжать с успехом начатое Грибоедовым дело...»[25]

---

[24] Там же. М., 1954. Т. V. С. 61.
[25] Там же. М., 1955. Т. VII. С. 441.

Таким образом в отношении общей художественной квалификации «Горя от ума» в суждениях Белинского ощущается большая устойчивость (высокая оценка языка, бытовых картин и характеров); в оценке идейного содержания пьесы и общественной роли Чацкого у Белинского наблюдаем резкий поворот от порицания к восхищению; остается неясность лишь в оценке сценического развития пьесы.

По наблюдениям С. Т. Аксакова, «русская комедия сильно занимала» Н. В. Гоголя, и «Горе от ума» оказало большое влияние на художественное сознание писателя. Свои размышления о комедии Грибоедова Гоголь изложил в статье «В чем же, наконец, существо в русской поэзии и в чем ее особенность» (в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». СПб., 1847). Охарактеризовав ряд действующих лиц комедии, ее общественную оценку Гоголь связывает с характеристикой Чацкого: «Такое скопище уродов общества, из которых каждый окарикатурил какое-нибудь мнение, правило, мысль, извративши по-своему законный смысл их, должно было вызвать в отпор ему другую крайность, которая обнаружилась ярко в Чацком. В досаде и в справедливом негодовании противу их всех Чацкий переходит также в излишество, не замечая, что через это самое и через этот невоздержный язык свой он делается сам нестерпим и даже смешон. Все лица комедии Грибоедова суть такие же дети полупросвещения, как фонвизиновы — дети непросвещения, русские уроды, временные, преходящие лица, образовавшиеся среди брожения новой закваски. Прямо-русского типа нет ни в ком из них; не слышно русского гражданина. Зритель остается в недоумении на счет того, чем должен быть русский человек. Даже то лицо, которое взято, по-видимому, в образец, то есть сам Чацкий, показы-

вает только стремление чем-то сделаться, выражает только негодование противу того, что презренно и мерзко в обществе, но не дает в себе образца обществу».

Общественное значение «Горя от ума» Гоголь ставит очень высоко и считает его вместе с «Недорослем» «истинно-общественными комедиями». «Нужно было много накопиться сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились они почти сами собою, в виде какого-то грозного очищения». Однако Гоголь видит и недостатки в сценическом развитии этих комедий: «Обе комедии исполняют плохо сценические условия; в сем отношении ничтожная французская пьеса их лучше. Содержание, взятое в интригу, не завязано плотно, ни мастерски развязано. Кажется, сами комики о нем не много заботились, видя сквозь него другое, высшее содержание и соображая с ним выходы и уходы лиц своих. Степень потребности побочных характеров и ролей измерена также не в отношении к герою пьесы, но в отношении к тому, сколько они могли пополнить и пояснить мысль самого автора присутствием своим на сцене, сколько могли собою дорисовать общность всей сатиры. В противном же случае, то есть, если бы они выполнили и эти необходимые условия всякого драматического творения и заставили каждое из лиц, так метко схваченных и постигнутых, извороотиться перед зрителем в живом действии, а не в разговоре,— это были бы два высокие произведения нашего гения». Здесь тонко подмечена склонность Грибоедова излагать свои художественные замыслы не в «живом действии», а в «разговорах» и даже монологах; но утверждение, будто любая французская пьеса в сценическом отношении лучше «Горя от ума», да и самое уравнение в сценичности комедий Фонвизина и Грибоедова крайне несправедливы.

Общественное возбуждение 50—60-х годов XIX в., создавшее в литературной критике демократическое публицистическое направление, способствовало новому обмену мнений и о комедии Грибоедова.

«„Горе от ума“,— писал Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» («Современник», 1855, № 12),— имеет недостатки в художественном отношении, но остается до сих пор одной из самых любимых книг, потому что представляет ряд превосходных сатир, изложенных то в форме монологов, то в форме разговоров» [26].

Чернышевский и Белинского упрекал за то, что тот в статье о «Горе от ума» «ограничился исключительно художественною точкою зрения», не обратив внимания на то, какое значение имеет комедия для жизни общества.

Упоминания о Грибоедове, рассеянные в сочинениях Н. А. Добролюбова, случайны и кратки. В них проявилась, однако, недооценка революционно-демократической критикой политического смысла комедии Грибоедова. В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» («Современник», 1858, № 2) критик вспоминает о Чацком как о свидетельстве слабости русской сатиры и пишет о людях этого типа: «Ни к селу, ни к городу, людям, которые не хотят их слушать и не могут понять, а если поймут, то не могут выполнить их требований, начинают они кричать о Кузнецком Мосте и вечных нарядах, об иголках и шпильках (не замечая слона), восстают против фраков и бритья бород (а сами выбриты и во фраке), против мелочных недостатков, зависящих от обычая или даже приличий,

---

[26] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1947. Т. III. С. 17—18.

принятых всеми и в сущности никому не мешающих. И тут же вдруг, как снег на голову, грянут с каким-нибудь маленьким требованием: будь, дескать, добродетелен, служи бескорыстно, ставь общее благо выше собственного, и т. п. абстракции, весьма милые и вполне справедливые, но, к несчастью, редко зависящие от воли частного человека»[27].

В суждениях Чернышевского и Добролюбова этого времени, в частности о «Горе от ума», многое обусловливалось их борьбой против либерально-дворянской идеологии, и в этой борьбе они порою впадали в преувеличения и даже несправедливости.

Аполлон Григорьев к оценке «Горя от ума» совершенно не прилагал мерки эстетической, а судил о нем только с социально-этической и общественно-исторической точки зрения. О «Горе от ума» критик писал в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» («Русское слово», 1859, № 2); то же самое с некоторыми дополнениями и переделками он перепечатал в статье по поводу издания «Горя от ума» 1862 г.— «По поводу нового издания старой вещи» («Время», 1862, август), где стремился доказать, что: 1) «комедия Грибоедова есть единственное произведение, представляющее сферу нашего так называемого светского быта» и 2) «Чацкий до сих пор единственное *героическое* лицо нашей литературы». В других писателях, бравшихся за изображение большого света, Григорьев видит или пристрастно-сочувственное к нему отношение, или желчное раздражение.— «...Один только художник сумел удержаться на высоте созерцания — Грибоедов», совершенно свободный от болезни, которую Григорьев называет «болезнью морального

[27] *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. В 6-ти т. Л., 1934. Т. 1. С. 240.

лакейства», от которой, по мнению критика, не был свободен даже Лермонтов. «Грибоедов казнит невежество и хамство, но казнит их не во имя comme il faut'ного условного идеала, а во имя высших законов христианского и человечески-народного взгляда. 〈...〉 Вся комедия есть комедия о хамстве, к которому равнодушного или даже несколько более спокойного отношения незаконно и требовать от такой возвышенной натуры, какова натура Чацкого». Возражая на мнение, будто светский человек не позволит себе говорить в обществе того, что говорит Чацкий, и не будет спорить с Фамусовыми и Молчалиными, Григорьев утверждает, что он вовсе не «светский человек», а честная и деятельная натура борца, «которая никакой лжи не спустит,— вот и все». Притом Фамусов для него — воспоминание детства, а Софью, в которой, действительно, есть хорошие нравственные задатки, подавленные низкой средой, он любит.

Характеристику Чацкого А. Григорьев дополняет еще одной чертой: «Чацкий, кроме общего своего героического значения, имеет еще значение *историческое*. Он — порождение первой четверти русского XIX столетия, прямой сын и наследник Новиковых и Радищевых, товарищ людей „вечной памяти двенадцатого года", могущественная, еще глубоко верующая в себя и потому упрямая сила, готовая погибнуть в столкновении с средою, погибнуть хоть бы из-за того, чтобы оставить по себе „страницу в истории"...» Чацкого, как лицо героическое, критик сопоставляет с «падшими борцами», которым Пушкин писал: «Бог помочь вам, друзья мои!», «отыскивая их сердцем всюду, даже в мрачных пропастях земли» [28]. Это сближение Чацкого

[28] См. *Григорьев Аполлон.* Литературная критика. М., 1967. С. 501—509.

с декабристами впервые сделано в русской литературе А. Григорьевым. В своих рукописях на нем резко настаивал Достоевский, а в наше время оно может быть подтверждено многими данными.

А. И. Герцен еще в ранней юности испытал сильное воздействие «Горя от ума». Об этом он упоминал в «Записках одного молодого человека» («Отечественные записки», 1840, № 12) и подробнее рассказал в «Письмах к будущему другу» («Колокол», 1864, л. 186). Здесь воспоминание о «Горе от ума» связывается с впечатлениями декабризма. В том же 1864 г. Герцен издал на французском языке брошюру о русской литературе, где говорится, что комедия Грибоедова своим смехом «связала самую блестящую эпоху тогдашней России, эпоху надежд и духовной юности, с темными и безмолвными временами Николая. Чтоб верно оценить значение и влияние произведения Грибоедова в России,— писал далее Герцен,— нужно перенестись в те времена, когда первое представление „Свадьбы Фигаро" имело во Франции значение государственного переворота. Комедию Грибоедова читали, заучивали наизусть и переписывали во всех уголках России, прежде, чем она появилась на сцене, прежде цензурного imprimatur (дозволения печатать.— *Н. П.*). Николай разрешил постановку этой пьесы, чтоб лишить ее привлекательности запрещенного плода, и дал свое согласие на выпуск урезанного ее издания, чтобы воспрепятствовать распространению списков. И опять-таки содержанием пьесы является vacuum horrendum (наводящая ужас пустота.— *Н. П.*) высшего русского общества, в особенности московского. ⟨...⟩ Грибоедов, родившийся в 1795 году, принадлежал к этой же среде и не имел нужды оставлять отчий дом, чтобы увидеть собственными глазами „*призраки сановников в отставке*", прикрыва-

ющих орденами и звездами целые бездны бездарности, невежества, тщеславия, угодливости, надменности, низости и даже легкомыслия; и вокруг этих покойников, „*которых забыли похоронить*“,— целый мир приживальщиков, интриганов, тунеядцев, влачащих существование, заполненное формальностями, этикетом и лишенное всяких общих интересов. ‹...› Образ Чацкого, печального, неприкаянного в своей иронии, трепещущего от негодования и преданного мечтательному идеалу, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне восстания на Исаакиевской площади: это *декабрист*, это человек, который *завершает* эпоху Петра I и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю... которой он не увидит. Его выслушивают молча, так как общество, к которому он обращается, принимает его за сумасшедшего — за буйного сумасшедшего — и за его спиной насмехается над ним»[29]. Здесь для своих западных читателей Герцен указал только политическое значение образа Чацкого, минуя все другие стороны комедии.

Характеристику Чацкого как декабриста, революционера, «в озлобленной, желчевой мысли» которого «слышится здоровый порыв к делу», дал Герцен в статье «Еще раз Базаров» (1868): «...он чувствует, чем недоволен, он головой бьет в каменную стену общественных предрассудков и пробует, крепки ли казенные решетки. ‹...› У него была та беспокойная неугомонность, которая не может выносить диссонанса с окружающим и должна или сломить его, или сломиться. Это — то брожение, в силу которого невозможна плесень на текущей, но замедленной волне ее»[30]. Интересна мысль

---

[29] *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1959. Т. XVIII. С. 179—181. [30] Там же. Т. XX, С. 342.

Герцена о возможности его союза с Чацким, если бы тот «пережил первое поколение, шедшее за 14 декабрем в страхе и трепете, сплюснутое террором, выросшее пониженное, задавленное,— через них протянул бы горячую руку нам. С нами Чацкий возвращался на *свою* почву» [31].

Н. П. Огарев характеризовал «Горе от ума» в предисловии к составленному им сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861). «Горе от ума» представлено здесь могучим произведением, «совершенно самобытным», а Чацкий — деятельным героем, противопоставленным «лишним людям». Полемизируя с предшествующей ему критикой, Огарев писал: «Критика как-то решила, что Чацкий не живое лицо, а ходячая сатира, отвлеченное, враждебное понимание современного общества, или образ мыслей самого Грибоедова. Мы не можем понять, как критика из метафизической эстетики дошла до заключения, что живое лицо может любить, сморкаться, говорить интимные вещи или обыденные пошлости, но не может иметь гражданского образа мыслей». Н. П. Огарев расценил Чацкого не только как «живое» лицо, но и как «самый рельефный образ в целой комедии» [32].

Как бы отвечая на указания многих критиков относительно бесплодности красноречия Чацкого перед совсем не стоившими того людьми, Огарев писал: «...Вспоминая, как в то время члены тайного общества и люди одинакового с ними убеждения говорили свои мысли вслух везде и при всех, дело становится более чем возможным — оно исторически верно. Энтузиазм во все эпохи и у всех народов не любил утаивать своих убеж-

---

[31] Там же, С. 342—343. [32] *Огарев Н. П.* Избр. произв. М., 1956. Т. II. С. 477.

дений, и едва ли нам можно возразить, что Чацкий не принадлежит к тайному обществу и не стоит в рядах энтузиастов...»[33]

Д. И. Писарев не посвятил «Горю от ума» отдельной статьи. Наиболее отчетливо о Грибоедове и его пьесе он высказался в статье «Пушкин и Белинский» («Русское слово», 1865, апрель, июнь), где причисляет «Горе от ума» к «величайшим произведениям нашей литературы». По заявлению критика, Грибоедов проявил себя в «Горе от ума» «замечательным мыслителем», нарисовав «историческую картину», сосредоточившую в себе «весь смысл» эпохи. «Грибоедов в своем анализе русской жизни дошел до такой крайней границы, дальше которой поэт не может идти, не переставая быть поэтом и не превращаясь в ученого исследователя». Чацкого (вместе с Бельтовым и Рудиным) критик причислил к тому разряду литературных героев, которые страдают „от того, что вопросы, давно решенные в их уме, еще не могут быть даже поставлены в действительной жизни". Писарев объявил о „кровном родстве" „новейших реалистов" с этим литературным типом: „без *них* не могло бы быть и *нас*"»[34].

Критика 60—70-х годов не представила целостного разбора комедии Грибоедова, даже затемнила общий смысл пьесы; в оборот позднейшего времени из высказанных тогда суждений могло быть воспринято только несколько отдельных наблюдений и оценок, например о близости Чацкого к декабризму, ярко-сатирическом характере пьесы и т. п.

Но уже в то время русские читатели получили прекрасную характеристику «Горя от ума» не от присяжного критика, а от одного из крупнейших русских писа-

---

[33] Там же, С. 478.

[34] *Писарев Д. И.* Сочинения. М., 1956. Т. 3. С. 362, 337.

телей, И. А. Гончарова. Гончаров всегда любил «Горе от ума», много раз видел пьесу на московской и петербургской сценах, постоянно ее перечитывал, и плодом этого культа Грибоедова явилась его знаменитая статья «Мильон терзаний» («Вестник Европы», 1872, № 3). В противоположность обычным суждениям, видящим в «Горе от ума» только блестящую картину нравов или неистощимый кладезь эпиграмматических прописей на темы морали,— Гончаров исходит из целостного понимания «Горя от ума» как драматического произведения и разбирает его «как сценическую пьесу в ее общественном и литературном значении»— с высоким и зрелым пониманием проблем сценического реализма.

Прежде всего Гончаров восстанавливает в его художественных правах образ Чацкого, к которому он относится с теплым сочувствием, как к живому лицу, которое «несравненно выше и умнее Онегина и лермонтовского Печорина. Он искренний и горячий деятель, а те — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века» [35]. Другая заслуга Гончарова состоит в том, что критик раскрывает «ход пьесы» и «выделяет из нее драматический интерес комедии, то движение, которое идет через всю пьесу, как невидимая, но живая нить, связующая все части и лица комедии между собою». В сценическом развитии пьесы Гончаров выделяет две линии: 1) любовную драму Чацкого, «горячий поединок» с Софьей — «самое живое действие, комедию в тесном смысле, в которой принимают близкое участие два лица, Молчалин и Лиза», и 2) общественную драму, «другую борьбу важную и серьезную, целую битву» — между Чацким и фамусовским обществом. «Мильон

---

[35] *Гончаров И. А.* Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 13—14.

терзаний» сложился для Чацкого из его сердечной неудачи и вражды косного общества.

Характеристика Софьи составляет еще одну важную заслугу Гончарова как критика. Еще Белинский признавал в ней «какую-то энергию характера», позволяющую ей не дорожить ничьим мнением и с презрением отвергать Молчалина, когда он оказался разоблаченным. Гончаров обставил это верное, но общее и беглое суждение целой системой психологических наблюдений и доказательств, добытых тщательным анализом всего текста комедии. К Софье он относится с теплым сочувствием, как и к Чацкому, обнаруживает в ней черты, близкие Татьяне Пушкина. «Вообще к Софье Павловне трудно отнестись не симпатично: в ней есть сильные задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и женской мягкости. Она загублена в духоте, куда не проникал ни один луч света, ни одна струя свежего воздуха. Не даром ее любил и Чацкий». Значение самого Чацкого представляется Гончарову более, чем обычного бытового или психологического типа; в Чацком есть и общечеловеческие черты: Чацкий — воин, «и притом победитель, но передовой воин, застрельщик и — всегда жертва» [36]; «Чацкого роль — роль страдательная: оно иначе и быть не может. Такова роль всех Чацких, хотя она в то же время и всегда победительная. Но они не знают о своей победе, они сеют только, а пожинают другие — и в этом их главное страдание, то есть в безнадежности успеха» [37]. «Чацкий неизбежен при каждой смене одного века другим. Положение Чацких на общественной лестнице разнообразно, но роль и участь все одна от крупных государственных и политических личностей, управляющих судьбами масс, до скромной доли в тесном кругу. ⟨...⟩ Вот отчего не состарился

[36] Там же. С. 32. [37] Там же. С. 28.

до сих пор и едва ли состарится когда-нибудь грибоедовский Чацкий, а с ним и вся комедия. И литература не выбьется из магического круга, начертанного Грибоедовым, как только художник коснется борьбы понятий, смены поколений ⟨...⟩ Много можно бы привести Чацких — явившихся на очередной смене эпох и поколений — в борьбах за идею, за дело, за правду, за новый порядок, на всех ступенях, во всех слоях русской жизни и труда — громких, великих дел и скромных кабинетных подвигов»[38]. Сам Гончаров приводит два примера. Один из них относится к человеку, который сам резко обличал Чацкого,— к Белинскому («прислушайтесь к его горячим импровизациям — и в них звучат те же мотивы и тот же тон, как у грибоедовского Чацкого. И так же он умер, уничтоженный „мильоном терзаний“...»[39]), другой — Герцен, в сарказмах которого, бросаемых в разные темные, отдаленные углы России, «слышится эхо грибоедовского смеха и бесконечное развитие острот Чацкого»[40].

Правда, в круг Чацких Гончаров не помещает декабристов, и это большой пробел в его исторической схеме, но тем не менее значение Чацкого как общественного борца раскрыто им глубоко.

Критический этюд Гончарова, написанный изящно, прекрасно аргументированный обильными цитатами из «Горя от ума», полный тонких эстетических и психологических наблюдений, разъяснил многое впервые и навсегда в понимании пьесы. Гончаров оказал сильное влияние на последующую критику. Исправляя ошибку Белинского, Гончаров доказал стройное сценическое развитие пьесы и восстановил Чацкого в его художественном и психологическом значении.

---

[38] Там же. С. 32—33. [39] Там же. С. 33. [40] Там же.

Из других крупных художников слова 60—80-х годов никто не высказался о комедии Грибоедова с такой полнотой и убедительностью. Ее обошел молчанием Тургенев, охотно высказывавшийся о других явлениях русской и мировой литературы и сам бывший тонким и чутким драматургом. Не находим суждений о комедии и у Л. Н. Толстого, художественная мысль которого работала над той же эпохой, что и Грибоедова. Как критик не высказался о «Горе от ума» и Салтыков-Щедрин.

Несколько оригинальных и знаменательных суждений о произведении Грибоедова находим у Ф. М. Достоевского. Достоевский с детства любил «Горе от ума»; по-видимому, свои отроческие впечатления воспроизводит он в «Подростке» (ч. I, гл. 6, III) в рассказе Аркадия об исполнении Версиловым роли Чацкого. В подготовительных материалах к роману «Бесы» он вкладывает в уста Шатова своеобразную, единственную в своем роде оценку Чацкого: «Чацкий и не понимал, как ограниченный дурак, до какой степени он сам глуп. 〈...〉 Он кричит: „Карету мне, карету!“ в негодовании, потому что не в состоянии и сам догадаться, что можно ведь и иначе проводить время, хоть бы и в Москве тогдашней, чем „к перу от карт и к картам от пера“. Он был барин и помещик, и для него кроме своего кружка ничего не существовало. Вот он и приходит в такое отчаяние от московской жизни высшего круга, точно кроме этой жизни в России и нет ничего. Народ русский он проглядел, как и все наши передовые люди, и тем более проглядел, чем более он передовой. Чем больше барин и передовой, тем более и ненависти — не к порядкам русским, а к народу русскому. Об народе русском, об его вере, истории, обычае, значении и громадном его количестве — он думал только как об оброчной

статье. Точно так думали и декабристы, и поэты, и профессора, и либералы, и все реформаторы до Царя-Освободителя. ⟨...⟩ Ведь они и не понимали, что цари несравненно их либеральнее и передовее, потому что цари всегда вместе с народом шли, даже при Бироне. Эта мысль у царей родилась еще давно, а декабристу Чацкому и в голову не приходила» [41]. Этот взгляд Шатова на грибоедовского героя всецело разделялся и самим Достоевским. В его записной книжке находим вариант филиппики Шатова: «Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива: „Пойду искать по свету...“ Т. е. где? Ведь у него только и свету, что в его окошке, у московских хорошего круга, не к народу же он пойдет. А так как московские его отвергли, то значит „свет“ означает здесь Европу. За границу хочет бежать. Если бы у него был *свет* не в московском только окошке, не вопил бы он, не кричал бы он так на бале, как будто лишился всего, что имел, последнего достояния. Он имел бы надежду и был бы воздержнее и рассудительнее. Чацкий — декабрист. Вся идея его — в отрицании прежнего, недавнего, наивного поклонничества. Европы все нюхнули и новые манеры понравились. Именно *только* манеры, потому что сущность поклонничества и раболепия в Европе та же» [42]. В этих суждениях Достоевского, несомненно, много преувеличений и даже ошибок. Как раз именно Грибоедов и его герой, по самому строю своих мыслей и чувств, близки к тому, что так дорого Достоевскому,— к народу. Но родство Чацкого, бытовое и психологическое, с барской средой, его декабристские настроения отмечены сильно и пра-

---

[41] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 14-ти т. Изд. 6-е. СПб. 1905. Т. 8. С. 606—607.

[42] *Достоевский Ф. М.* Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 375.

вильно, а попытка оценить Чацкого с широкой принципиальной точки зрения заслуживает серьезного внимания.

Обстоятельный разбор и пересмотр старых оценок «Горя от ума» в газетных статьях («Новое время», 1886, январь), а потом в рассуждении «„Горе от ума“ и его критики» (в роскошном издании «Горя от ума» того же года) дал А. С. Суворин. Еще в 1871 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (12 декабря) за подписью «Незнакомец» А. С. Суворин, сотрудник «Современника» и «Отечественных записок», «либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути» [43], выступил со статьей о постановке «Горя от ума» в Александринском театре и напомнил читателям о принадлежности Чацкого к декабризму. В новой своей работе А. С. Суворин задался целью опровергнуть утверждения: 1) будто Чацкий не лицо, а идея; 2) будто «Горе от ума» — «художественная сатира, а вовсе не комедия». Родоначальником предвзятого взгляда на комедию Суворин считал М. А. Дмитриева, от которого, при содействии Пушкина и Вяземского, это перешло к Белинскому и Гоголю. Пересматривая содержание «Горя от ума», Суворин приходит к выводу, что Чацкий изображен не менее жизненно, чем другие лица, и пьеса полна драматического движения. В основном своем взгляде и в аргументации Суворин близко подходит к Гончарову. В его статье рассыпано много оригинальных и метких наблюдений и мыслей, остроумных возражений против установившихся взглядов. Однако попытка А. С. Суворина объяснить нападки Белинского на Чацкого политическими убеждениями грибоедовского героя («Наш знаменитый критик явился вырази-

---

[43] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22, С. 43.

телем *либерального негодования* против Чацкого») вызвала справедливые возражения А. Н. Пыпина, который указал на то, что как раз в 1840 г., когда писалась его статья, Белинский был в пароксизме консерватизма [44].

В 1903 г. появились первые три главы «Истории русской интеллигенции» Д. Н. Овсянико-Куликовского, посвященные «Горю от ума» («Вестник воспитания», 1903, № 1—3; перепечатано в собрании сочинений Д. Н. Овсянико-Куликовского. СПб., 1911, т. VII). Автор характеризует Чацкого как лучшего выразителя общественных настроений 20-х годов XIX в., сопоставляет его душевную настроенность с изменившимися настроениями 30-х годов и излагает оценку «Горя от ума» в критике Белинского.

Позднее о «Горе от ума» высказался Н. А. Котляревский в «Литературных направлениях александровской эпохи» (СПб., 1907; 2-е изд.—1913). Считая, что Грибоедов по преимуществу сатирик и что «Горе от ума» — «сатира в монологах и диалогах», из двух взглядов, заявленных в критике,— Белинского и Гончарова, автор примыкает к первому, изложенному Белинским в период «примиренчества», находя в комедии много натяжек, условностей и неправдоподобия, вызванных стремлением поэта «судить жизнь». Н. А. Котляревский находил даже, что Грибоедов изобразил сатирически не только фамусовскую Москву, но и самого Чацкого, «героя исключительно словесного низложения всех авторитетов», у которого нет «никаких установившихся взглядов ни на один серьезный вопрос жизни».

---

[44] ⟨*Пыпин А. Н.*⟩ Поход против Белинского, предпринятый под флагом «Горя от ума» // Вестник Европы, 1886, № 5. С. 432—438.

Наоборот — С. А. Венгеров в книге «Героический характер русской литературы» (СПб., 1911) счел «Горе от ума» «высшей точкой» «художественно-учительного» направления в русской литературе, «настоящей проповедью» и «страстным призывом идти по новым путям», в котором отразилась идеология декабризма. За исключением комедий Аристофана, по словам Венгерова, «ни в одной европейской литературе нет драматического произведения, до такой степени насквозь проникнутого гражданскою, в полном смысле слова, скорбью, как „Горе от ума"».

Великая Октябрьская революция углубила наше понимание искусства и всех творящих его исторических сил. Органическая связь «Горя от ума» и его протагониста Чацкого с эпохой декабризма стала ощущаться гораздо глубже. Содержание речей Чацкого стало возможно документировать аналогичными показаниями и заявлениями декабристов. Старое понимание Чацкого как резонера классических пьес, которому нанесли уже основательный урон И. А. Гончаров и В. И. Немирович-Данченко (см. далее), окончательно разрушилось. Понятнее стала патриотическая патетика Чацкого. Исторические и литературоведческие разыскания советского времени углубили наше понимание социальной жизни, борение социальных сил эпохи «Горя от ума» и их отражения в искусстве. В «Горе от ума» раскрывается теперь не только интимно-психологическая драма Чацкого — Софьи, не только острая политическая сатира, но и драма социальная, столкновение двух антагонистических социальных групп. В тесной связи с этим был оценен и художественный реализм «Горя от ума», выросший из общего реалистического мировоззрения и из запросов русской жизни своего времени.

Высокое идейное и моральное значение «Горя от ума», типичность, обобщенность его образов по достоинству оценил В. И. Ленин. В сочинениях Ленина находим десятки цитат и ссылок на «Горе от ума» — в применении к современности [45].

В двух специальных статьях (1929) А. В. Луначарский характеризовал «Горе от ума» как исключительное явление в мировой литературе, как не комедию (ибо пьеса не создает комического впечатления), а драму о крушении человека, о ненужности ума в России. В «Горе от ума», в Чацком А. В. Луначарский видел крик негодования самого Грибоедова, «человека громаднейшего ума и ослепительных способностей», сыгравшего огромную роль в дальнейшем формировании русского общественного сознания. Маски, им созданные, по словам Луначарского, «пережили целое столетие и дошли до наших времен, мало что потеряв в своей ценности» [46].

Высокую оценку «Горя от ума» дал М. Горький: «У нас,— писал он в статье „О пьесах“ (1933),— образцово поучительной пьесой является изумительная по своему совершенству комедия Грибоедова, который крайне экономно, небольшим количеством фраз, создал такие фигуры, как Фамусов, Скалозуб, Молчалин, Репетилов — фигуры, в которых исторически точно отражена эпоха, в каждой ярко даны ее классовые и „профессиональные“ признаки, и которые вышли далеко за пределы эпохи, дожив до наших дней... » [47]

Ю. Н. Тынянов рассматривал «Горе от ума» как «политическую, архаистическую памфлетную комедию» [48].

[45] См.: *Цейтлин А. Г.* Ленин и «Горе от ума» // ЛН. М., 1946. Т. 47—48. С. 265—276.

[46] *Луначарский А. В.* Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1963. Т. 1. С. 8—27.

[47] *Горький М.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1953. Т. 26. С. 416.

[48] *Тынянов Ю.* О литературной эволюции // Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 42.

К 1939 г. относится попытка создать словарь языка «Горя от ума» [49].

Специально-научные разыскания и исследования о «Горе от ума» предпринимались во многих случаях в связи с установлением текста комедии для тех или иных изданий. (О них см. далее, в историко-текстологической статье.)

Дореволюционное литературоведение не в состоянии было оценить вполне социальный смысл грибоедовского шедевра. В исследованиях советского времени на первых порах имели место извращения вульгарно-социологического характера с его «обличительством», тенденцией разоблачать «дворянское своекорыстие», ограничения сословных взглядов и т. п. Обличительные речи Чацкого против крепостничества трактовались как умеренный дворянский реформизм, политическая сатира в «Горе от ума» признавалась недостаточно радикальной и т. д.

Мои занятия Грибоедовым и его комедией, начатые в 1903 г. (более 90 названий), подытожены в основном в двух книгах: «Творческая история „Горя от ума“» и «Грибоедов. Исследования и характеристики» [50]. Книга «Творческая история „Горя от ума“», подготовленная уже к 1920 г. (издание ее запоздало), является основной, центральной во всей системе этих работ. Основным материалом, на котором впервые детально и полно разрабатывалась здесь творческая история комедии Грибоедова, были три ее авторизованных текста: Музейный автограф, Жандровская рукопись

[49] *Чистяков В. Ф.* Словарь комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Вып. 1 (А — Б). Смоленск, 1939.

[50] *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М., 1928; *его же.* Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934.

и Булгаринский список. Кроме методологической и историографической разработки, истории текста и творческой истории «Горя от ума», книга затрагивает вопросы литературной формы и идейного содержания великой комедии.

Уже после выхода упомянутых двух книг появились мои работы о драматургии «Горя от ума», значении ее в истории реализма и др.[51]

В связи с юбилеем 1945 г. (150-летие со дня рождения Грибоедова) автору «Горя от ума» был посвящен специальный том «Литературного наследства» и другие научные сборники[52]. Специально о «Горе от ума» в «Литературном наследстве» печатались статьи: Ю. Тынянова («Сюжет „Горя от ума“»), В. Асмуса («„Горе от ума“ как эстетическая проблема»), А. Цейтлина («Ленин и „Горе от ума“»), В. Филиппова («Ранние постановки „Горя от ума“») и Л. Ильинского («„Горе от ума“ на провинциальной сцене»).

По обстоятельствам военного и послевоенного времени выход юбилейной литературы о Грибоедове

[51] *Пиксанов Н. К.* Драматургия «Горя от ума» // «Горе от ума»: Сборник статей. М., 1947. С. 5—54. (Государственный ордена Ленина Академический Малый театр); *Пиксанов Н. К.* «Горе от ума» в истории реализма // Доклады и сообщения филологического факультета Московского гос. университета, вып. 2. М., 1947. С. 46—47; *его же.* Радищев и Грибоедов // Радищев. Статьи и материалы / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1950. С. 66—80 и др.

[52] ЛН. М., 1946. Т. 47—48; А. С. Грибоедов. 1795—1829 / Сборник статей под ред. И. Клабуновского и А. Слонимского. М.: Гослитмузей, 1946. Сборник содержит статьи: *Штейн А.* Национальное своеобразие «Горя от ума»; *Слонимский А.* «Горе от ума» и комедия эпохи декабристов; *Томашевский Б.* Стихотворная система «Горя от ума»; *Пиксанов Н.* «Горе от ума» в творчестве Гончарова; *Степанов Н.* Грибоедов и Крылов. (Перепечатано в его кн.: «Поэты и прозаики». М., 1966); *Анциферов Н.* Грибоедовская Москва,

растянулся на несколько лет, и некоторые работы продолжали появляться в 1946, 1947 гг. и позднее.

Наиболее значительным научно-исследовательским результатом этого юбилея была монография М. В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» [53]. Большое внимание в ней отдано исследованию «Горя от ума» и его историографии. Автор тщательно изучил документальные материалы, как изданные, так и архивные, обширную специальную литературу. В сферу исследования включены не только исторические проблемы, но и проблемы литературно-художественные. Во многих случаях осведомленность М. В. Нечкиной и ее наблюдательность ведут к правильным частным выводам и подлежат учету в дальнейших изучениях Грибоедова [54].

Первый и наиболее обстоятельный отзыв о монографии М. В. Нечкиной принадлежал Н. М. Дружинину [55], авторитетная экспертиза которого не была, к сожалению, надлежащим образом учтена в позднейшей научной литературе о Грибоедове. Обошла ее молчанием и сама М. В. Нечкина во втором издании своей книги (1951).

---

[53] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1947. То же. Изд. 2-е. М., 1951; Изд. 3-е. М., 1977.

[54] Нельзя не признать справедливыми возражения М. В. Нечкиной против допущенных в некоторых из первых работ советского времени о Грибоедове проявлений вульгарного социологизма. На первом этапе Октября советские историки и литературоведы с великим трудом стремились установить первые вехи материалистического, марксистского понимания истории. В этом их борении за новую науку были некоторые достижения, но были и неизбежные большие и малые ошибки; отсюда возник и вульгарный социологизм, за который ответственны и М. Н. Покровский, и А. В. Луначарский, и М. С. Ольминский, и оба мы с М. В. Нечкиной.

[55] Вопросы истории, 1947, № 12. С. 101—106.

Н. М. Дружинин, положительно характеризуя подробное восстановление в книге «Грибоедов и декабристы» «исторической среды, питавшей политическое мышление и художественное творчество А. С. Грибоедова», признавал: «М. В. Нечкиной удается разрешить многие спорные вопросы и дать более обоснованное, глубокое толкование содержанию грибоедовской комедии»; однако «в концепции М. В. Нечкиной не все представляется ясным и одинаково бесспорным».

Н. М. Дружинин начинает с основного — с проблемы классовости декабристского движения. Он напоминает суждение В. И. Ленина (из статьи «Памяти Герцена») о декабристах как «дворянских революционерах» и продолжает: «дворянские революционеры — декабристы и Герцен — выдвигали задачу насильственного низвержения феодально-помещичьего строя, но они были оторваны от народа и несли в себе неустранимые следствия своего дворянского происхождения, воспитания и связей; отсюда их политическая непоследовательность и колебания от революционной тактики к мирному реформизму». И дальше: «Поднимая знамя буржуазной революции, декабристы прилагали настойчивые усилия, чтобы избежать „междуусобий" и массового восстания, в той или иной степени шли на уступки феодальной идеологии, были недостаточно решительны в моменты осуществления своих замыслов». Здесь отчетливее, чем у М. В. Нечкиной, определена классовая сущность декабризма, его компромиссность и ограниченность. Как правильно подчеркивает Н. М. Дружинин, «изучая проблему „Грибоедов и декабристы", мы не можем обойти этот важный вопрос — о глубоких противоречиях между буржуазно-революционными стремлениями и реакционно-феодальными пережитками в сознании и поведении декабристов». «Если Грибоедов был пред-

ставителем декабристского поколения, художественным выразителем его революционных идей, то он не мог не разделять отличительных особенностей первого этапа нашего освободительного движения». Дальше — еще решительнее: «К сожалению, эта существенная сторона проблемы выпала из монографии М. В. Нечкиной».

Н. М. Дружинин возражает и против преувеличения Нечкиной в оценке радикализма воззрения автора «Горя от ума»: «Грибоедов рисуется автору не только безупречно последовательным носителем революционной идеологии, но и мыслителем, опередившим тайное общество в своих тактических построениях. Скептические суждения автора „Горя от ума" („Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России"; „Я говорил им, что они — дураки"[56]) толкуются М. В. Нечкиной как осуждение тактики военной революции, за которым последовало нащупывание новой, более прогрессивной тактики — революции народной». М. В. Нечкина «уверенно высказывается о происходившем повороте писателя на новую, революционно-демократическую дорогу: „Его мысли отчетливо сосредоточились на вопросе о народе. Он видел какие-то новые народные пути и возможности"».

Вопреки утверждениям М. В. Нечкиной, Н. М. Дружинин пишет: «Мы не чувствуем в Грибоедове темперамента революционного борца, не находим у него веры в целесообразность и возможность победоносной народно-демократической революции»; «рассуждения о народе, его интересах, стремлениях, активной исторической роли изобилуют в письмах Каховского, в по-

---

[56] Исторический вестник, 1909, № 3, С. 1038.

казаниях Пестеля, в сочинениях Никиты Муравьева, но все эти рассуждения — гораздо более яркие и выразительные, чем у Грибоедова,— совмещаются у декабристов с отрицанием тактики массовой народной революции». В связи со своей оценкой скептицизма Грибоедова Н. М. Дружинин заключает: «А. С. Грибоедов, так же как молодой П. А. Вяземский, Денис Давыдов и другие лица из окружения декабристов, разделял основные стремления тайного общества, но одинаково отвергал и вооруженное восстание „ста прапорщиков" и перспективы организованного восстания народа. Это неверие в возможность какого бы то ни было революционного переворота изолировало их от деятельности тайного общества и в определенном смысле противопоставляло их декабристскому заговору».

М. В. Нечкина уделяет много внимания вопросу об отношении Грибоедова к крепостному праву. Она полемизирует против попыток критически отнестись к установившейся традиции решать вопрос огульно, опираясь только на тирады Чацкого в «Горе от ума» — без привлечения данных из биографии самого Грибоедова; между тем, сопоставление данных обоих рядов обязательно [57].

---

[57] В частности, необходимо осмыслить попытки Грибоедова организовать Закавказскую торговую компанию. Мне пришлось высказаться о социально-историческом смысле этого предприятия в книге «Грибоедов. Исследования и характеристики». М. В. Нечкина полемизирует с моей оценкой. А Н. М. Дружинин полемизирует с ней: «М. В. Нечкина решительно неправа, когда она отрицает крепостнические тенденции проекта Закавказской торговой компании, составленного в 1828 г. Грибоедовым совместно с чиновником Завелейским. В числе прочих привилегий, которые испрашивали основатели компании, было право приобретать крепостных крестьян на вывоз в Закавказье; при этом крестьяне освобождались от крепостного права, но обязывались 50 лет без-

Н. М. Дружинин полагает, что М. В. Нечкина права, когда утверждает, что «„пьеса Грибоедова глубоко отразила движение бытия своего времени“ (стр. 529), но она сильно преувеличивает „глубину и точность этого отражения“, не внося никаких ограничивающих

выходно служить на закавказских плантациях». Н. М. Дружинин продолжает: «Ссыльный декабрист И. Г. Бурцов увидел в подобной мере замаскированное сохранение крепостной эксплуатации и будущее положение крестьян в нездоровых условиях плантационного хозяйства сравнил с тяжелым состоянием американских негров и принудительно завербованных преступников. М. В. Нечкина оспаривает эту характеристику Бурцова и находит, что в проекте Грибоедова нет ничего феодального, а есть только элементы капиталистической кабалы, продиктованные Грибоедову стремлением „вдвинуть кусок искусственно созданной капиталистической действительности в рамки феодально-крепостной России“ (с. 521—522). М. В. Нечкина забывает, что характер эксплуатации определяется в первую очередь не формально-юридическим, а социально-экономическим положением эксплуатируемого. Принудительный (фактически пожизненный) труд на закавказских плантациях не имел ничего общего с капиталистической системой вольного найма и, вопреки юридическому признанию свободы личности, должен был неотвратимо сопровождаться суровыми мерами внеэкономического принуждения». Свое развернутое опровержение Н. М. Дружинин оканчивает так: «Таким образом, и в вопросе о революционном способе действий и в вопросе о крепостном праве Грибоедов шел не впереди, а позади декабристов; разделяя идеологию своих политических друзей, он еще более, чем они, оставался под неотвратимым влиянием феодально-дворянской традиции». Новыми архивными разысканиями (*Маркова О. П.* Новые материалы о Проекте Российской Закавказской компании А. С. Грибоедова и П. Д. Завелейского // Исторический архив. т. VI, 1951) установлено, что приписывавшиеся декабристу Бурцову возражения против покупки и переселения в Закавказье русских крепостных крестьян принадлежат не ему, а генерал-интенданту М. С. Жуковскому. Однако это нисколько не меняет дела по существу. В полной силе остаются возражения мои и Н. М. Дружинина.

поправок в свой тезис. У читателя слагается естественный вывод о полном совпадении между проповедью Чацкого и программою декабристов. В действительности это далеко не так. Чацкий мыслит и рассуждает как представитель передового декабристского поколения, но, несмотря на свою страстную убежденность, он неспособен подняться до широкой и ясной постановки важнейшего вопроса декабристской программы — о политическом строе России. В этом отношении гражданская лирика Рылеева, Пушкина и Вяземского ⟨...⟩ значительно превосходит художественное творчество Грибоедова».

Н. М. Дружинин считает заслугой М. В. Нечкиной настойчивое сближение «Горя от ума» с декабризмом в идеологии. Однако, пишет он, «автор ⟨...⟩ мало затрагивает феодально-дворянские пережитки во взглядах самого Грибоедова и в художественной обрисовке его героя; поэтому характеристика, данная создателю комедии, получается односторонняя и несколько идеализированная» [58].

Основным заданием, пафосом концепции М. В. Нечкиной было предельно тесно сблизить Грибоедова с декабристами, доказать его прямую принадлежность к тайным декабристским организациям и через это конструировать образ Чацкого и его высказывания как партийно декабристские. Но тщательные анализы документальных данных Следственной комиссии, воспоминаний ближайших к Грибоедову лиц, эпистолярной литературы и других исторических и биографических свидетельств приводят исследователей к отрицанию формальной принадлежности Грибоедова к тайным

---

[58] Об этом же см.: *Бирюков Ф.* Некоторые замечания по поводу «Горя от ума» // Вопросы литературы, 1959, № 2. С. 93—110.

организациям. Крупным недостатком концепции М. В. Нечкиной является смутная, недифференцированная характеристика самого декабризма. В ее книге мы встречаем непрерывно наименование «декабристы». Создается какой-то отвлеченный, неисторический, абстрактный образ. Но ведь историческая наука давно уже установила разнородность воззрений и действий отдельных декабристов и их разновременных и сосуществовавших групп — от аристократической, мечтавшей о российской палате лордов, и до демократической, революционной. Между декабристами бытовала разноголосица в вопросе формы государственного правления; были конституционалисты, были республиканцы. Имелась разноголосица в вопросах философских и религиозных. Были материалисты и атеисты, как кн. Барятинский, но были и такие церковники, как Федор Глинка. Сказать, что Грибоедов принадлежал к декабристской организации, значит сказать еще мало и неопределенно. Социально-политическая мысль, а за нею и художественное творчество Грибоедова могли возбуждаться реформистскими, оппозиционными, радикальными настроениями и мыслями отовсюду, не только из оформленных декабристских организаций.

М. В. Нечкина проявляет много усилий, чтобы поставить социально-политическую идейность «Горя от ума» в связь и зависимость от совокупности декабристских взглядов. Она приводит примеры восторженного отношения декабристов к «Горю от ума»; декабристы объявляли «нашим» и самого Грибоедова и его произведение. Но, как только рукописный текст «Горя от ума» стал доступен широкому читателю, он стал «нашим» и для широких общественных кругов. Об этом свидетельствуют рукописные копии «Горя от ума», начавшие появляться с 1824 г.

Существенным пробелом в изложении М. В. Нечкиной является отсутствие экскурса в западноевропейскую революционную публицистику двадцатых и более ранних годов. О ней упоминается, правда, вскользь, слишком кратко. А между тем и сами декабристы, и, независимо от них, Грибоедов щедро черпали оттуда целые вереницы идей и личных общений. Сама М. В. Нечкина восстанавливает личные общения Грибоедова в Тифлисе в 1819—1820 годах с иностранцами, революционерами или радикалами, например с испанским революционером Хуаном Ван-Галеном и др. Но ведь это происходило вне общения с декабристами, в годы, когда только что начинал слагаться, на глазах у Кюхельбекера первоначальный текст двух первых актов «Горя от ума».

Устойчивым приемом исследования являются у М. В. Нечкиной сопоставления цитат из декабристских рассуждений и монологов Чацкого. Обличительные стихи и целые тирады из этих монологов, конечно, превосходны. Но нельзя осмыслить теоретических заявлений без раскрытия их жизненных корней, их социальной закономерности. Идеография еще не есть социология. Идеографические же приемы у Нечкиной оставляют без постановки и решения труднейшие вопросы воззрений Грибоедова. Это явственно сказалось при обсуждении вопроса о крепостном праве у Грибоедова.

Мною были опубликованы основные материалы архивного «дела» о вооруженном бунте крепостных в костромском имении матери Грибоедова, длившемся три года [59]. М. В. Нечкина уклонилась от анализа

---

[59] См.: *Пиксанов Н. К.* Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 83—158.

«дела» и от обсуждения того, что является в данном случае самым важным,— отношения к бунту самого Грибоедова. В каком отношении стоял А. С. Грибоедов к движению крестьян в костромском имении? Мы не располагаем на этот счет прямыми документальными данными: нигде в изучаемом «деле» имя Грибоедова не названо. Но косвенные данные имеются. В 1817 г. Александру Сергеевичу исполнилось 22 года, в год окончания восстания ему было уже 24 года. Он успел окончить университет, послужить в офицерах, с 1816 г. числился на службе в Коллегии иностранных дел, стал писателем, в 1818 г. получил место секретаря русской дипломатической миссии в Персии. О восстании крепостных он не мог не знать, раз об этом говорили посторонние (например, декабрист Якушкин). И можно было бы предполагать, что создатель Чацкого будет спорить и ссориться с матерью, вмешается в тяжбу, сделает все, чтобы предотвратить возможное кровопролитие. Если бы Грибоедов сделал все это, мы узнали бы о таком вмешательстве — из самого официального «дела» или из писем Грибоедова к друзьям, из воспоминаний современников. Но таких сведений у нас нет,— вероятно, такого вмешательства и не было.

Ожидалось бы, что М. В. Нечкина, вникавшая в самые мелочные вопросы биографии и воззрений Грибоедова, со всей обстоятельностью изложит и обсудит это поразительное восстание крестьян. Но она предпочла обойти глубоким молчанием этот вопрос [60].

---

[60] В книге «Движение декабристов» (М., 1955. Т. I. С. 273—274) М. В. Нечкина предлагает читателям перечень волнений крестьян у помещиков-декабристов. Тут обязательно было сказать о личном отношении того или другого декабриста к волнениям крестьян у него или его родственников и о влиянии

Диалектика социального движения первой четверти XIX в. сложна и трудна. Развитие декабризма противоречиво, и один из самых чутких декабристов, И. Д. Якушкин, откровенно говорил о «ребяческих сторонах» движения. Немудрено, что и Грибоедов путался во взглядах и в поведении. И этого нельзя утаивать, признавая все высокие достоинства его личности и художественного творчества.

Внимательный анализ первоначальной редакции (Музейный автограф) устанавливает, что социально-политическое содержание «Горя от ума» дано уже в этом тексте,— до позднейших преддекабрьских встреч драматурга с декабристами. Идейная история и система «Горя от ума» слагались издавна, еще с юношеских лет и позднее — в широком общем социально-политическом движении, куда, конечно, входили и ранние возбуждения от общения Грибоедова с декабристами. Всю «молодую Россию» нельзя отождествлять с декабристами, как это выходит по М. В. Нечкиной. Она ссылается на «Записки» Д. И. Завалишина, который говорит, что в 1825 г., когда декабристы в несколько рук списывали «Горе от ума», Грибоедов будто бы еще вносил идейные вставки в окончательный текст. Но окончательный текст точно известен нам по Булгаринскому и Жандровскому спискам, и обязанностью критика было тщательное сличение разночтений его идейного содержания с Му-

---

таких событий на их теоретические взгляды. В 1931 г. в первом издании Большой советской энциклопедии, в статье о декабристах, М. В. Нечкина писала: «Массовое движение было глубоко враждебно всему крепостническому строю в целом, у декабристов же с этим строем оставался ряд прочных связей. Поэтому декабристы в основном враждебно относились к массовому движению». Тем более в специальной монографии обязательно было сказать это о Грибоедове.

зейным автографом. М. В. Нечкина этого не делает, да и не может сделать, так как их и нет.

Новейшим биографом Грибоедова явился В. Н. Орлов. Он издал однотомник сочинений драматурга (первое издание — 1953, второе — 1959), ему принадлежит книга «Грибоедов. Очерк жизни и творчества» (первое издание — 1952, второе — 1954) и ряд статей. В. Н. Орлов располагал обширным наследием предшествующей литературы по Грибоедову: трехтомным академическим изданием сочинений и писем драматурга, «Творческой историей „Горя от ума“», целой библиотекой ранних исследований и воспоминаний, обстоятельной критической и научно-исследовательской литературой. В. Н. Орлов не вдавался в архивные разыскания неизданных материалов: его работы опирались на готовые разыскания его предшественников. Во многом он стоит в зависимости от статей Ю. Н. Тынянова о Катенине и Кюхельбекере и от его же романа о Грибоедове «Смерть Вазир-Мухтара» (1927). Но широкая осведомленность В. Н. Орлова в печатной литературе помогла ему сказать о Грибоедове немало свежего и самостоятельного. Так, в издании сочинений Грибоедова он дает обстоятельный комментарий к «Проекту учреждения Российской Закавказской компании» (впрочем, уклоняясь от обсуждения вопроса о некоторых отразившихся в нем реакционных пережитках и безоговорочно присоединяясь в биографии Грибоедова к схоластическому истолкованию М. В. Нечкиной). По существенному для творческой истории «Горя от ума» вопросу — о начале работ Грибоедова над текстом комедии — В. Н. Орлов высказывается против утверждений Нечкиной и основательно считает исходным пунктом время пребывания Грибоедова в Тифлисе около конца 1821 — начала 1822 г. К вопросу о соотношениях

Грибоедова и декабристов он удачно подключает данные из Устава Союза Благоденствия. Собрав ценные данные о процессе сложения новой поэтики в русском обществе десятых — двадцатых годов XIX в., о возникшей тогда борьбе с карамзинизмом и о растущем культе гражданской поэзии, В. Н. Орлов пишет: «Для тех, кто считал себя призванным бороться за самобытность, народность и гражданственность литературы, были решительно неприемлемы общественный индифферентизм, эстетизм, слащавая чувствительность и беспочвенная мечтательность, отличавшие творческую практику карамзинистов, их пристрастие к „домашним" жанрам, к мелочным и абстрактным темам, лишенным весомого социального одержания, их сглаженный, эстетизированный язык». К этому присоединяется цитата из В. К. Кюхельбекера: язык «небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для немногих». В. Н. Орлов приводит и ценное высказывание Н. И. Тургенева (1819): «Наша словесность ограничивается доныне одною поэзиею. Сочинения в прозе не касаются до предметов политики. Сия отличительная черта русской литературы делает ее неудовлетворительною для нашего времени ⟨...⟩ Поэзия и вообще изящная литература не может наполнить души нашей, открытой для впечатлений важных, решительных». Суждения о новой поэтике В. Н. Орлов извлекает и из «Писем из Москвы в Нижний-Новгород И. М. Муравьева-Апостола» (1813—1814), справедливо полагая, что «этот яркий памятник русской патриотической публицистики был хорошо известен и Грибоедову».

Однако, как и М. В. Нечкина, В. Н. Орлов стремится теснее, чем следует, сблизить Грибоедова с организациями декабристов. Сам собравши много выразитель-

ных фактов внедекабристского оппозиционного русского движения, он потом как бы забывает об этом. Не называя Грибоедова революционным деятелем, В. Н. Орлов говорит, однако, о его «революционном патриотизме»: «Патриотизм Грибоедова, как и патриотизм декабристов, приобрел ярко выраженный революционный характер». Факты уполномочивают говорить только о патриотизме демократическом.

Особое и большое место в книге В. Н. Орлова занимают суждения его об опоре Грибоедова в борьбе с эпигонами Карамзина на некоторые литературно-теоретические положения «Беседы любителей русского слова». Еще в 1816 г. по поводу одной полемической статьи Грибоедова В. Л. Пушкин писал: «Откуда взялся рыцарь Грибоедов? Кто воздоил сего кандидата Беседы пресловутой?» Вскоре можно было уже говорить об особой группе вокруг Грибоедова; в нее входили П. А. Катенин, А. А. Жандр, В. К. Кюхельбекер. Последний называл ее «дружиной славян». Вслед за Ю. Н. Тыняновым В. Н. Орлов воскрешает интерес к «архаистам», утверждая, будто «высокие лирические и эпические жанры в русской поэзии были исторически прикреплены к торжественной патетике церковнославянского языка. Отсюда же и тяготение к Библии, к разработке библейских тем и сюжетов, к освоению монументального и патетического библейского стиля». И будто бы этот библеизм «разделялся всеми поэтами декабристского направления»!

В характеристике стиля «Горя от ума» Орлов допускает еще одну ошибку. Он включает речь Чацкого в общую характеристику московской барской речи. Но речь Чацкого следует включить в иную стилистическую характеристику — демократической публицистики в гражданской литературе, слагавшейся в Петербурге

в передовом обществе, в том числе — и в декабристской гражданской лирике [61].

Как пишет сам В. Н. Орлов, «изучать Грибоедова следует, конечно, не в узких рамках литературно-фракционной борьбы, но на магистральном пути развития русской литературы».

Последним по времени большим специальным трудом о Грибоедове и его шедевре был появившийся в Париже на французском языке труд Ж. Бонамура [62], автора подготовленной несколько лет назад и защищенной в Московском университете диссертации «Грибоедов и французская литература» (1961). Помимо биографии Грибоедова, Ж. Бонамур рассматривает историю создания, различные стороны «Горя от ума» как литературно-художественного произведения, общественное значение и смысл «Горя от ума» и его влияние на развитие русской культуры. Ничего существенно нового в изучение комедии Грибоедова Ж. Бонамур не вносит, но, удачно обобщив все, что было сделано в отношении Грибоедова в русском литературоведении, он создал труд, полезный для французских читателей [63].

О языке комедии Грибоедова заслуживает внимания работа Г. О. Винокура [64], в которой «Горе от ума»

---

[61] См. мою статью «О языке „Горя от ума"» в «Ученых записках Ленинградского гос. университета», № 200, серия филологических наук, вып. 25, 1955. С. 3—22.

[62] *Bonamour Jean.* A. S. Griboedov et la vie litteraire de son temps. P., Presses universitaires de France, 1965.

[63] Французские читатели еще в 1907 г. были ознакомлены с жизнью и творчеством Грибоедова благодаря изданию: *Kramareva Olga.* A. S. Griboïedov. Sa vie — ses oeuvres. P., 1907.

[64] См.: *Винокур Г.* «Горе от ума» как памятник русской художественной речи // Ученые записки Московского университета, 1948, вып. 128, кн. 1; и в его кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1959. Стр. 257—300 (библиография на

характеризуется как один из важнейших источников истории живого московского говора и русского литературного языка, высокий образец русской художественной речи, мотивированной драматургически и с точки зрения законов стиха. Б. В. Томашевский раскрыл большое значение стиха «Горя от ума» как могучего средства выразительности речи и указал на недопустимость пренебрежения им в изданиях и сценическом исполнении [65]. Содержательные историко-бытовые разработки в связи с Грибоедовым и его комедией даны М. О. Гершензоном и Н. С. Ашукиным [66].

Значительная новая литература об общественно-политических взглядах Грибоедова и о его комедии возникает преимущественно в связи с романом Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» и новой интерпретацией его С. Б. Окунем и др.[67]

стр. 257—258). См. также: *Штокмар М. П.* Вольный стих XIX в.// Ars poetica, II. М., 1928. С. 117—167. Из дореволюционных работ отметим специальные экскурсы: *Куницкий В.* Язык и слог комедии «Горе от ума». Киев, 1894; *Истомин В.* Главнейшие особенности языка и слога произведений А. С. Грибоедова // Русский филологический вестник, 1894, № 1—2.

[65] *Томашевский Б. В.* Стих «Горя от ума» // Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 132—201. (Первые публикации — 1946 и 1947 гг.)

[66] См.: *Гершензон М.* Грибоедовская Москва. Изд 2-е, доп. М., 1916; *Ашукин Н. С.* По грибоедовской Москве. Культурно-исторические экскурсии. М., 1924.

[67] См.: *Каверин В.* Художник и история // Литературная газета, 1959 г., 13 авг., № 100; *Окунь С. Б.* Историзм Ю. Н. Тынянова // Вопросы истории, 1966, № 8. С. 35—46; *Сивоконь С.* Монография о Тынянове // Литература в школе, 1966, № 4. С. 81—82; *Рассадин Ст.* Продолжение спора // Вопросы литературы, 1966. № 10, С. 193—198; *Уварова И.* Новая книга // Московский комсомолец, 1966 г. 24 авг., № 196,

СЦЕНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ГОРЯ ОТ УМА»

Огромны заслуги русского драматического театра в освоении сменяющимися поколениями общества идейных и художественных достоинств «Горя от ума». Здесь драматическое произведение получает истолкователя и пропагандиста, какого не имеет роман.

С 1830-х годов и до наших дней комедия не сходит с репертуара как столичных, так и провинциальных театров. Многие артисты прославились исполнением ролей в этой пьесе: М. С. Щепкин, П. С. Мочалов, И. И. Сосницкий, И. В. Самарин, В. Н. Давыдов, А. А. Яблочкина, О. О. Садовская, В. Н. Рыжова, А. П. Ленский, А. И. Южин, К. С. Станиславский, И. М. Москвин, В. И. Качалов и др. В создании декораций, мебели, костюмов, грима в разные годы в сотрудничестве с постановщиками принимали участие художники М. В. Добужинский, И. М. Рабинович, В. В. Дмитриев, Д. Н. Кардовский, Е. Е. Лансере. Особенно выдающееся значение имели несколько наиболее примечательных постановок «Горя от ума»: в театре Корша (Москва, 1886), в Александринском театре (Петербург, 1903), Московском Художественном театре (1906). Режиссура В. И. Немировича-Данченко, декорации Добужинского, историческая стильность всей монтировки спектакля составили событие в театральной жизни. Бурные споры вызвали и позднейшие постановки комедии в театре В. Э. Мейерхольда (Москва, 1928) и его последователя Г. А. Товстоногова (Ленинград, 1962).

Творение Грибоедова своими высокими достоинствами обогатило русскую сцену, содействовало повороту театра на путь реализма. Однако театру было трудно овладевать эстетическими и идейными богатствами

пьесы, и они осваивались постепенно. Были в тексте комедии известные неясности, трудности, даже частичные противоречия, затруднявшие сценическое воплощение. При первом появлении на сцене «Горе от ума» столкнулось со старыми традициями, чуждыми или враждебными смелому новаторству драматурга. Пришлось преодолевать отсталость и косность в приемах постановки и актерском исполнении. Эта борьба затянулась до наших дней, и «Горю от ума» приходилось преодолевать инородные реализму стили — от классицизма до экспрессионизма. Зато высокие дарования лучших исполнителей и постановщиков раскрывали сокровища гениального произведения и постепенно создали богатую традицию сценического мастерства.

Обогащению сценического исполнения «Горя от ума» способствовали литературная критика, научное литературоведение и театроведение. Они помогали раскрывать идейное содержание, психологическое богатство, бытописные особенности, драматургическое строение, высокие достоинства языка и стиха, сберегали и передавали другим исполнителям и постановщикам накопляемую традицию из далекого и недавнего прошлого. Художники, оформлявшие спектакли, создали грим, костюмы, декорации, обстановку, способствовавшие историческому и эстетическому пониманию комедии.

Однако самый текст «Горя от ума» не всегда оберегался от искажений актерами и постановщиками. Тягостным игом были цензурные искажения текста, имевшие место при сценическом исполнении «Горя от ума» чуть не целый век — вплоть до 1917 г.

Закончив в 1824 г. творческую работу над комедией и поощренный успехом «Горя от ума» в обществе, Грибоедов мечтал о ее печатании и постановке на сцене.

Но пьеса переполнена отголосками декабризма; немыслимо было провести ее на сцену: в 1825 г. это было бы политической демонстрацией. Даже готовившийся при участии автора любительский спектакль учеников Театральной школы не был разрешен. Лишь в 1829 г., в год смерти Грибоедова, через пять лет после написания, «Горе от ума» появилось на петербургской сцене — в необычайном окружении: в бенефис актрисы М. И. Вальберховой, 2 декабря 1829 г., в добавление к драме «Иоанн, герцог Финляндский» давалось «Театральное фойе, или: Сцена позади сцены, интермедия-дивертисмент, составленная из декламаций, пения, танцев и плясок». Объявлялось, что «в одной из интермедий будет играна сцена из комедии „Горе от ума“, в стихах, соч. А. Грибоедова» — отрывок из первого действия, явления 7—10. Исполняли: Чацкого — И. И. Сосницкий, Фамусова — Борецкий, Софью — Семенова-младшая, Лизу — воспитанница театральной школы Монготье. Так, в дивертисменте, между пением и танцами, был запрятан этот отрывок, один из самых невинных эпизодов комедии. Развлекательный характер отрывка помог ему вскоре появиться и на московской сцене. В январе 1830 г. М. С. Щепкин писал И. И. Сосницкому: «Сделай милость, дружище, не откажись выполнить мою просьбу. К моему бенефису обещан мне водевиль; но я вижу, что оный никак готов быть не может; то, чтобы сколько-нибудь заменить, я хочу дать дивертисмен, в котором поместить кой-какие сцены. И потому прикажи мне как можно скорее выписать из „Горя от ума“ те сцены, какие у вас были играны в бенефис г-жи Вальберховой». «И ежели выпишут,— предусмотрительно добавлял Щепкин,— то представь своей конторе, дабы оная утвердила, что сцены играны на С.-Петербургском театре». 31 января

1830 г., в бенефис Щепкина, после «Скупого» Мольера в дивертисменте взамен водевиля был исполнен отрывок из «Горя от ума», и Щепкин исполнял в нем роль Фамусова. Сосницкому он писал о «большом успехе» этой постановки. Вместо водевиля с танцами проскользнуло через бдительную театральную цензуру III действие комедии в бенефис А. М. Каратыгиной 5 февраля 1830 г.: давалась переведенная с французского трагедия «Смерть Агамемнона», а за нею — «Московский бал», третье действие комедии Грибоедова «с принадлежащими к оной танцами». В афише сообщалось: «Танцовать будут: г-жи Бартран-Атрюкс, Истомина, Зубова и Алексис; г-да Алексис, Гольц б., Спиридонов м. и Стриганов французскую кадриль; г-жи Спиридонова м., Шемаева б., Авошникова и Селезнева; г-да Шемаев б., Эбергард, Марсель и Артемьев Мазурку». Эта балетная «традиция» прошла через все 30-е, 40-е и 50-е годы и была донесена до 60-х годов. Танцевали под оркестр полонез, французскую кадриль, мазурку. В танцы вовлекался и Фамусов — Щепкин; в них участвовали выдающиеся балетные артисты, а некоторые драматические артисты, как, например, П. М. Никифоров, прославились тем, что «неподражаемо» выделывали «карикатурные па». Когда в 1864 г. московский Малый театр попытался «очистить бессмертное творение Грибоедова от всех пошлостей, искажавших его на сцене», и прежде всего от танцев «в карикатурном виде», петербургское театральное начальство приказало танцы «оставить без изменения», так как «большинство публики с ними освоилось». Танцы нейтрализовали, обезвреживали сатирический яд текста. Театральная дирекция и постановщики, гоняясь за успехом у невзыскательной публики, сами поощряли это вторжение балета в драму. Не только в 60-х или

80-х, но и 900-х годах и в позднейшее время танцевальный дивертисмент все еще бытовал в постановках «Горя от ума».

«Горе от ума» с трудом пробивалось на сцену. Только через несколько месяцев после инсценировки третьего действия 16 июня 1830 г. на казенной сцене в Петербурге впервые было представлено IV действие. Долгое время первое действие шло только в легализованном отрывке, без первых шести «безнравственных» явлений. Второе действие с монологами Фамусова и Чацкого не допускалось на сцену. Только 26 января 1831 г., в бенефис Я. Г. Брянского, в Петербурге, в Большом театре впервые было представлено «Горе от ума» полностью, и притом с блестящим составом исполнителей: В. А. Каратыгин — Чацкий, В. И. Рязанцев — Фамусов, Е. С. Семенова — Софья, А. М. Каратыгина и Брянский — Горичи, И. И. Сосницкий — Репетилов и т. д. В том же году, 27 ноября все четыре действия были представлены в московском Малом театре, и тоже в блестящем составе: Фамусов — М. С. Щепкин, Софья — М. Д. Львова-Синецкая, Чацкий — П. С. Мочалов, Скалозуб — П. В. Орлов, Репетилов — В. И. Живокини, Тугоуховский — П. Г. Степанов и др.

Первые даже еще отрывочные представления «Горя от ума» проходили с большим успехом. О первом представлении III действия на петербургской сцене в 1830 г. театральный рецензент «Северной пчелы» писал: «Все любители драматического искусства благодарны г-же Каратыгиной за выбор сего отрывка в свой бенефис... С каким напряженным вниманием слушали в театре каждый стих, с каким восторгом аплодировали! Если бы не боялись помешать ходу представления, то за каждым стихом раздавались бы рукоплескания». «В продолжение всего акта рукоплескания почти не

смолкали»,— писал рецензент журнала «Северный Меркурий».

До нас дошло восторженное частное письмо (И. Е. Гогниева к А. К. Балакиреву, от 1 июля 1830 г.) о тех же ранних спектаклях «Горя от ума»: «Как часто ни играют — не могут утолить жажду публики 〈...〉 Всякую неделю раза два, три „Горе от ума"! „Горе от ума"! таков был Грибоедов! такова его комедия! Играют только два последние действия: Московский бал и Разъезд после бала. Чудо! чудо! Ах милый, как жалко, что без тебя ею любуюсь. Какой разгул, какая живость на сцене! Смех, радость, аплодисман по всему театру!.. То-то радость! то-то праздник смотреть на все это!»

Профессор и цензор А. В. Никитенко записывал в своем дневнике 16 февраля 1831 г.: «Был в театре на представлении комедии Грибоедова „Горе от ума". Некто остро и справедливо заметил, что в этой пьесе осталось одно только горе: столь искажена она роковым ножом бенкендорфской литературной управы. Игра артистов тоже нехороша. Многие, не исключая и Каратыгина-большого, вовсе не понимают характеров и положений, созданных остроумным и гениальным Грибоедовым.

Эту пьесу играют каждую неделю. Театральная дирекция, говорят, выручает от нее кучу денег. Все места всегда бывают заняты, и уже в два часа накануне представления нельзя достать билета ни в ложи, ни в кресла» [68].

Любовь к «Горю от ума» в русском обществе становилась благотворным фактором сценической истории; в борьбе с цензурой, с администрацией за постановки «Горя от ума» деятели театра всегда опирались на об-

---

[68] *Никитенко А. В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 102.

щество, на зрителей и читателей. По удачному определению театроведа В. Маслих, «зритель был знаком с комедией Грибоедова по многочисленным спискам, которых не касался красный карандаш цензора, а актеры играли по экземпляру, изуродованному цензурой. У зрителя образ Фамусова вырастал из полного текста комедии, а актер лепил свой образ из остатков текста, оставленных цензурой, лишенных многих характернейших черт персонажа» [69].

Из знаменитого монолога Фамусова «Вот то-то все вы гордецы!», содержащего 34 стиха, в театральном тексте цензура оставила только первые три стиха, самые невинные; все остальное было беспощадно выброшено. Между тем, этот монолог — одна из основ общественно-этической характеристики Фамусова и одновременно — «вельможного» дворянства екатерининского времени. Нечего и говорить, как осложняло это задачу актера, сколько богатых возможностей гибло при этом для артистического воплощения в интонациях, мимике, во всей игре актера. Из реплик того же Фамусова театральная цензура выбросила много других важных и веских слов, например:

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь.

Вместо стиха: «Попробуй о властях, и нивесть что наскажет» — в текст внесена бессмысленная фраза: «Попробуй говорить, и нивесть что наскажет». Большие изъятия были сделаны в репликах и монологах Чацкого. И другие роли пострадали от насилий цен-

---

[69] *Маслих В.* Щепкин — Фамусов. Из истории создания образа // Горе от ума. Постановка 1938 г. М., 1938. С. 28—29 (Государственный ордена Ленина Академический Малый театр).

зуры. Весь театральный текст комедии был искалечен. Не только смягчалась или вытравлялась социально-политическая сатира, но даже психологические и бытовые черты стирались. Так, не была допущена следующая самохарактеристика Фамусова:

Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем;
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведеньем!..

И актер, знавший подлинный, полный грибоедовский текст, вынужден был давиться словами на глазах у зрителей.

Бедственное состояние театрального текста «Горя от ума» в 30—50-е годы XIX в. препятствовало русскому драматическому театру выявить в сценическом исполнении высокий реализм пьесы.

Но в самой театральной среде того времени имелись внутренние ограничения, мешавшие выявить в сценическом воплощении новаторские достижения комедии.

Грибоедов был новатором драматургического творчества и великим реалистом. А в русском драматическом театре еще господствовал классицизм (или, вернее, псевдоклассицизм) в трагедийном репертуаре и исполнении, а в комедийном — «мольеризм». В условиях политической реакции заметно было увлечение легкой комедией и водевилем.

«Горе от ума» вторглось в репертуар как инородное тело. «...Для каждой роли „Горя от ума“,— писал Н. А. Полевой в «Московском телеграфе»,— надобно амплуа новое... Для таких ролей нет образцов, нет примеров, словом, нет преданий французских». Даже у Щепкина в исполнении им роли Фамусова тогдашняя критика находила сильные отголоски исполнявшихся им мольеровских ролей. «Г-жа Семенова,—

писала в 1831 г. газета «Русский инвалид»,— решительно не поняла характера Софьи Павловны. Она представила жеманную *форменную* любовницу из старопечатной какой-нибудь комедии». Однако и сами критики оказывались порой во власти привычных старых представлений и ассоциаций, восхищаясь, например, тем, что Каратыгин в роли Чацкого «являлся Агамемноном, смотрел на всех с высоты Олимпа и читал тирады — сатирические выходки на наши нравы — как приговоры судеб» («Северная пчела», 1830). Неудачен в роли Чацкого оказался и актер противоположного направления — Мочалов: «Он представлял не современного человека, отличного от других только своим взглядом на предметы, а чудака, мизантропа, который даже говорит иначе, нежели другие, и прямо идет в ссору с первым встречным» («Московский телеграф», 1831).

В самом тексте «Горя от ума», в стилистическом типе комедии, в отдельных ее частностях имелись отголоски классицизма; в 30-е годы прошлого века они воспринимались живее, чем теперь. Роль Лизы родственна традиционному классическому амплуа французской субретки; изобильны монологи (шестнадцать; из них восемь принадлежат Чацкому). Эти рудиментарные особенности, не существенные в драматургии Грибоедова, были доступнее пониманию первых исполнителей «Горя от ума» и несколько путали их. И позднейшая литературная и театральная критика неоднократно возвращалась к трактовке Чацкого как резонера, как alter ego, как porte-parole автора, отказывая Чацкому в жизненности и правдивости.

Сценическое воплощение ярких типических характеров комедии Грибоедова было чрезвычайно трудно. Неизмеримо легче было подменить творческую задачу сценической типизации механическим копированием

живых лиц, прототипов, оригиналов, подысканием которых тогда увлекались, или уравнять образы Грибоедова с трафаретными «амплуа».

В первые годы сценической жизни «Горя от ума» постановка пьесы мало заботила режиссеров и критиков; пьеса была еще «современной», и не было вопроса о костюмах, гриме, обстановке и т. п. Актеры создавали свои роли по свежему преданию, шедшему отчасти от самого автора, через Сосницкого, Щепкина. В своей игре они могли прямо копировать тех или других здравствующих типичных москвичей. Рецензенты оценивали только степень даровитости исполнителей. Позднее, когда жизнь, изображенная Грибоедовым, стала отходить в историческое прошлое, вопрос о задачах постановки комедии стал на очередь; он неизбежно связывался и с новыми переоценками всей комедии и отдельных ее героев.

Однако глубокий реализм «Горя от ума», бытовая и психологическая правдивость, национальная самобытность комедии вступили в борьбу с обветшалыми театральными традициями и штампами. Вступление «Горя от ума» на сцену знаменовало переворот в истории русского театра. Тот высокий реализм, которым прославился и вошел в мировую историю искусства русский театр, начинается постановками «Горя от ума». Силою своего реализма «Горе от ума» перевоспитывало актеров. Мочалов, первоначально трактовавший Чацкого в стиле мольеровского мизантропа, позднее стал мягче, лиричнее, проще. Реалистическое исполнение Фамусова Щепкиным имело свою содержательную и длительную историю. В. Г. Белинский в 1835 г. писал о Щепкине в роли Фамусова: «Актер глубоко понял поэта и, несмотря на свою от него зависимость, сам является творцом» [70].

[70] *Белинский В. Г.* Указ. соч. Т. I. С. 183.

Огромной победой психологического реализма было исполнение в 40-х годах роли Чацкого знаменитым московским актером И. В. Самариным. В своих мемуарах актер П. М. Медведев свидетельствовал: «Это было велико. Его первый акт и выход — совершенство. Зритель верил, что Чацкий «спешил», «летел», «свиданьем оживлен». Так переживать стихи и владеть ими, как владел И. В., на моей памяти никто не умел... Как он рисовал стихами Грибоедова, именно рисовал — портреты московского общества! Молодость, сарказм, местами желчь, сожаление о России, желание пробудить ее — все это билось ключом и покрывалось пламенной любовью к Софье». Гастроли Самарина—Чацкого в Петербурге в 1846 г. разоблачали обветшалые каратыгинские традиции. В журнале «Репертуар и Пантеон» тогда писали: «Самарин понял и сыграл Чацкого так, как ни один из наших артистов не понимал и не играл его... Все прежние Чацкие, сколько мы их не видали, с первого появления своего на сцену принимали вид чуть не трагических героев, ораторствовали и разглагольствовали со всею важностью проповедников... Самарин в первом акте был веселым, говорливым, простодушным, насмешливым. Игра его, его разговор были натуральны в высшей степени». Натуральность, реализм, психологическая правдивость — это целый переворот в понимании грибоедовского героя, переворот в сценическом творчестве.

Творческие достижения Самарина, повлиявшие на петербургских исполнителей Чацкого, восприняты были и театральной критикой.

В 1862 г. в «Северной пчеле» появилась статья В. Александрова (псевдоним драматурга В. А. Крылова) «Некоторые из лиц комедии „Горе от ума“ в сценическом отношении». Здесь было высказано несколько

метких, оригинальных и тонких мыслей о психологии и сценическом воплощении главных персонажей пьесы. Он предлагает новую трактовку образа Чацкого, в котором подчеркивались героические и трагические тона и не показывалась интимная, любовная драма героя («артисты, играющие роль Чацкого, большею частью мало обращают внимания на его любовь, они больше заняты ненавистью», хотя Чацкий «по юности натуры своей больше любит, чем ненавидит»); возмущается грубым пониманием типов Скалозуба и Молчалина: «г. г. артисты обыкновенно играют эти роли так, что в Скалозубе мы видим фрунтовика, рядового, который только что не ворочается по всем правилам военного артикула; Молчалин выходит до того гнусною, лакейскою личностью, что Петрушка, с нашитой на локте холстиной, изображающей дыру, кажется перед ним барином». Критик настаивает, что Молчалин «не только красив, но даже изящен», раз он нравится Софье. Ценны также замечания В. Александрова о постановке некоторых групповых сцен, например последнего явления третьего акта: «Сцена эта должна быть сыграна так: после первых слов монолога Софья садится, и Чацкий подле нее. Монолог говорит он сперва спокойно, как простую передачу факта, нагнавшего тоску, и, по мере речи, все более разгорячаясь. Гости также должны оставаться на сцене».

Предпринятая в 1864 г., в разгар общественного движения, попытка актера Малого театра С. В. Шумского интимизировать Чацкого не имела успеха. Но этот замысел мог опираться на грибоедовский текст и в нем была своя увлекательность. Позднее то же понимание образа Чацкого и его сценического исполнения развивал критик С. Андреевский. В статье 1895 г. о Грибоедове он настаивал на том, чтобы «перед зрите-

лем ясно выступили два героя, заключающиеся в пьесе, как удачно выразился Полонский в своем стихе: „горе от любви и горе от ума“, потому что оба эти горя составляют живое содержание комедии».

Много внимания сценической постановке «Горя от ума» уделил известный театральный критик и редактор журнала «Антракт» А. Н. Баженов [71]. Им поднят вопрос о необходимости строгой исторической точности в обстановке и костюмах при исполнении «Горя от ума», об освобождении творения Грибоедова от приклеиваемого к нему «дивертисмента». Позднее Баженова тому же вопросу посвятил много внимания и труда другой театральный критик — С. В. Васильев (Флеров). Его обширные журнальные статьи о характерах Молчалина, Софьи, Лизы, Фамусова собраны в издании: С. Васильев. Драматические характеры. Опыт разбора отдельных ролей, как пособие при их исполнении. Комедия «Горе от ума». Вып. I—IV. М., 1889—1891. В каждом выпуске, посвященном отдельному лицу (Молчалин, Софья, Лиза, Фамусов), даются: «Материалы для характеристики» — подбор цитат из «Горя от ума»; разбор типа; полный текст роли; примечания к отдельным трудным стихам и фразам и рисунок костюма. В разборах типов автор проявляет прекрасное знание текста, большую вдумчивость, психологическую чуткость, близкое знакомство с условиями сцены. При жизни С. Васильев не успел издать пятого выпуска своих «Драматических характеров», посвященного Чацкому, но обширные работы об этом герое он начал печатать в «Русском обозрении» (1894, № 1; 1895, № 1, 2, 10). Все эти труды несомненно оказали влияние на сценические постановки «Горя от ума» и на театральную критику. Под непосредственным

[71] См.: *Баженов А. Н.* Сочинения и переводы. М., 1869. Т. I.

влиянием А. Н. Баженова, например, была постановка московского Малого театра 1864 г. В 80-х годах, когда уже действовали частные театры, «Горе от ума» шло в Пушкинском театре А. А. Бренко в костюмах эпохи. Значительным опытом была постановка комедии на театре Корша в Москве в 1886 г. с декорациями художника А. С. Янова и в костюмах 20-х годов, при блестящем подборе исполнителей (В. Н. Давыдов — Фамусов, Н. П. Рощин-Инсаров — Чацкий, И. П. Киселевский — Скалозуб, А. А. Яблочкина — Софья и др.).

Постановка петербургского Александринского театра в 1872 г. была разобрана И. А. Гончаровым в его статье «Мильон терзаний» [72]. От каждого исполнителя любой роли в «Горе от ума» Гончаров требовал осмысления всей пьесы и анализа собственной роли.

Работы Васильева построены по характерному для того времени персональному принципу. В соответствии с общей тенденцией старого русского театра — выдвигать исполнителей главных ролей и сводить к минимуму участие режиссера — внимание критика сосредоточилось на главных персонажах-характерах.

«Горе от ума» способствовало перелому в приемах сценического творчества. Персонажи пьесы были так художественно разработаны, что даровитому актеру предоставлялась возможность выдвинуть на первый план «второстепенную» или «третьестепенную» роль. Так выдвинулись в первых спектаклях исполнители супругов Горичей, Репетилов — И. И. Сосницкий, Скалозуб — П. В. Орлов, позднее — графиня-бабушка — О. О. Садовская.

---

[72] В первопечатном тексте этой статьи (Вестник Европы, 1872, № 3) в конце есть специальный экскурс о постановке Александринского театра, опускавшийся во всех последующих публикациях.

Другим своеобразием и гениальным новаторством «Горя от ума» было создание коллективного, комплексного, социального образа барского московского общества. В театральных постановках поэтому сразу выделился и обособился «Московский бал» — третье действие комедии, которое потребовало активного участия режиссера-постановщика.

Это была трудная и сложная проблема, которая разрешалась постепенно и по частям.

С начала 90-х годов много заботы о монтировке «Горя от ума» в Александринском театре проявил известный деятель литературы и театра П. П. Гнедич. Свои взгляды на этот предмет он развил в статье «„Горе от ума“ как сценическое представление. Проект постановки комедии» («Ежегодник императорских театров». сезон 1899/1900 гг.) С присущими ему вкусом, знанием эпохи, психологической чуткостью и сценическим опытом автор дает много указаний о внешней обстановке пьесы, декорациях, мебели, реквизите, костюмах и проч., о сценическом воплощении отдельных образов и групповых сцен.

П. П. Гнедич интересовался не только специально-сценическими вопросами, но и судьбой текста «Горя от ума». Однако, когда писался его «проект постановки комедии», он еще не мог располагать изданиями Музейного автографа и Жандровской рукописи. Поэтому он с доверием цитирует фальсифицированные монологи из издания И. Д. Гарусова [73] и встает на опасный путь «исправлений» грибоедовского текста. Позднее это вылилось в систематические режиссерские «исправления» текста.

---

[73] См. о нем далее, в статье об истории текста «Горя от ума» (С. 409—418).

Этюд П. П. Гнедича оказал воздействие на постановки как казенных, так и частных театров.

Следует, однако, оговориться, что П. П. Гнедич (как и С. В. Васильев) поглощен интересом к интимной драме Чацкого — Софьи и к живописной картине московских нравов и быта. На разработку драмы социально-политической, на воссоздание гениальной сатиры Грибоедова у Гнедича не хватило внимания и интереса. Как В. Александров и С. В. Шумский, он стремился интимизировать роль Чацкого, а вслед за этим и всю постановку «Горя от ума».

Замысел Гнедича полнее всего осуществился в Александринском театре и прежде всего — самим Гнедичем в постановке 1900 г.

Московский Малый театр, непрерывно ставивший «Горе от ума» и в предшествующие годы, в 1902 г. осуществил новую постановку А. И. Южина. Фамусова играл А. П. Ленский, Софью — А. А. Яблочкина, показавшая в молодой героине черты будущей Хлестовой; Лизу — В. Н. Рыжова. Наибольший же интерес представляли П. М. Садовский (младший), а потом А. А. Остужев в роли Чацкого. После смерти Ленского «Горе от ума» на время сошло с репертуара Малого театра, но в 1911 г. было возобновлено в новом оформлении Л. М. Браиловского (режиссер Е. А. Лепковский). Спектакль лишен был недостатков мхатовского спектакля, превращавшего сатирическую комедию в интимно-лирическую драму (см. далее). Убедительные образы создали М. Н. Ермолова (Хлестова), А. И. Южин (Репетилов) [74].

Вслед за П. П. Гнедичем обнародовал свой труд по сценической разработке «Горя от ума» режиссер Алек-

[74] См.: *Зограф Н. Г.* Малый театр в конце XIX — начале XX века. М.; Наука, 1966. С. 222—223, 378—384.

сандринского театра Ю. Э. Озаровский: «Пьесы художественного репертуара и постановка их на сцене. Пособие для режиссеров, театральных дирекций, драматических артистов, драматических школ, любителей драматического искусства». Выпуск II. «Горе от ума». Под редакцией Ю. Э. Озаровского, артиста и режиссера русской драматической труппы императорских СПБ. театров. Издание М. Д. Мусиной. СПб., 1905 (2-е изд.— 1911). Этот огромный том, богато иллюстрированный, является поистине сценической энциклопедией «Горя от ума». В первом из трех разделов редактор излагает принципы, которым он следовал при установлении текста комедии, дает статью о «ритмическом размере и рифме стиха комедии», печатает самый ее текст и в примечаниях — реальные, исторические и иные объяснения редких слов и выражений. Во втором разделе помещены пять статей И. А. Глазкова, излагающие биографию и литературную деятельность Грибоедова, постановки «Горя от ума» на сцене, характеристику эпохи, изображенной в пьесе, и библиографию комедии. В отделе третьем, художественно-режиссерском, сам редактор дает ряд статей — о действующих лицах комедии (материалы для характеристики), о мотивах грима, костюма, мебели, бутафории, декораций и мизансцен.

Редактор не хотел перепечатывать в своем издании обычного текста «Горя от ума» и был, конечно, прав, так как в него вкралось много неточностей и искажений. Но свою собственную редакцию он скомбинировал из двух рукописных текстов: самого раннего — Музейного и самого позднего — Булгаринского, совершенно игнорируя Жандровский,— и в этом была крупная ошибка, вредно отразившаяся на сценическом тексте как Александринского, так и Художественного театров. К тому же, текст комедии Ю. Э. Озаровский на-

печатал прозой, без разбивки на стихи. Труд Ю. Э. Озаровского ценен не текстом «Горя от ума», а огромным количеством включенных в него материалов: исторических, литературных, бытовых и прочих; здесь воспроизведено свыше 360 рисунков: портретов, видов, снимков с автографов, длинный ряд иллюстраций к художественно-режиссерскому отделу и т. п.

Под непосредственным влиянием Озаровского оказалось самое блестящее и талантливое сценическое воссоздание «Горя от ума» — постановка Московского Художественного театра 1906 г. В статье В. И. Немировича-Данченко „Горе от ума“ в Московском Художественном театре»[75] сжато пересказаны итоги огромной художественно-режиссерской работы над этой постановкой, отличающейся не только большим числом удачно найденных частностей, но и общим своеобразным и смелым истолкованием пьесы. В статье содержатся ценные характеристики отдельных действующих лиц и групповых движений на сцене, общего темпа и тона игры. Главное своеобразие в понимании и постановке пьесы формулируется В. И. Немировичем-Данченко так: «Грубая ошибка в постановке „Горя от ума“ заключается именно в том, что центр пьесы перемещался из интимных отношений Софьи, Чацкого, Фамусова и Молчалина в сторону „галереи типов“, „общественного значения“ и разных комментариев публицистического характера. Не худо, чтобы все это актер *знал*, но *жить* этим в непрерывном течении пьесы не может художник сцены». Особенно такая ошибка сказывается на Чацком. «Большинство актеров играют его, в лучшем случае, пылким резонером. Перегружают образ значительностью Чацкого как общественного борца. Как

---

[75] Вестник Европы, 1910, № 5—7.

бы играют не пьесу, а те публицистические статьи, какие она породила. Самый антихудожественный подход к роли». «Влюбленный молодой человек — вот куда должно быть направлено все вдохновение актера в первом действии. Остальное — от лукавого. Отсюда только и пойдет пьеса, с ее нежными красками, со сценами, полными аромата поэзии, лирики. Чацкий станет потом обличителем даже помимо своего желания. Он и не думал брать на себя эту роль». На таком принципе интимной драмы построена вся трактовка пьесы, и прежде всего — исполнение роли самого Чацкого В. И. Качаловым. В соответствии с общим своеобразным замыслом постановка Художественного театра богата интимными бытовыми подробностями. В психологическую и сценическую характеристику действующих лиц внесено много свежей наблюдательности и чуткого проникновения.

С глубоким чувством художественной меры исполнял роль Скалозуба Л. М. Леонидов. Блестящим достижением И. М. Москвина была роль Загорецкого.

Замечательно было внешнее оформление спектакля: декорации, обстановка, реквизит, костюмы, грим и т. п. Художественный театр создал целую художественно-археологическую энциклопедию «Горя от ума». К ней постоянно обращались постановщики, актеры, театроведы. После опыта 1906 г. для крупных театров стало обязательным приглашение к постановке «Горя от ума» выдающихся художников.

Однако не всегда искания Художественного театра увенчивались успехом.

В постановке Художественного театра верная в основном мысль была доведена до крайности и оказалась в противоречии с замыслом самого Грибоедова, с объективно-историческим значением Чацкого как отражения

декабризма. Между тем, в трактовке Самарина еще соблюдалось должное равновесие двух начал, определяющих грибоедовскую концепцию Чацкого,— интимного и общественного.

Тенденция свести задачу постановки к раскрытию личной драмы Чацкого вызвала в печати и в обществе много возражений и споров. Замечательно, что сам исполнитель Чацкого В. И. Качалов внутренне сопротивлялся узкой интерпретации и хотя, при своих богатых силах и средствах, сумел ярко изобразить «горе от любви», но подавил в себе богатейшие возможности раскрытия «горя от ума». Позднее и В. И. Немирович-Данченко отошел от своей трактовки. В 1923 г. он уже говорит: «Когда я писал о постановке „Горя от ума", мои театральные мысли мне казались такими свежими, а теперь многие из них для меня уже те же засохшие цветы. И от самой постановки уже веет на меня любимой стариной. Так далеко ушла вперед идеология русского театра» [76].

Стремительный темп пьесы, ее легкую архитектонику замедляли и тяжелили придуманные вставки-интермедии, не предуказанные ремарками драматурга. (Например, сложная игра с флейтой Молчалина в I действии или испуг Лизы перед своим отражением в зеркале — в IV действии.)

К числу промахов постановки Художественного театра следует отнести попытку придать речам Лизы, в интересах бытового реализма, крестьянский акцент. Но таких ошибок несравненно меньше, чем блестящих художественных достижений.

Гораздо опаснее некоторые общие, так сказать, методологические заблуждения. «Художественный

[76] В кн.: *Немирович-Данченко В. И.* «Горе от ума» в постановке Московского Художественного театра. М.; Пг., 1923. С. 11.

театр, — писал В. И. Немирович-Данченко, — считает вообще правом театра не подчиняться безусловно указаниям автора во внешней инсценировке пьесы». «Никакой, самый придирчивый автор не поставит в упрек актеру не только перестановку слов, но даже купюры, если актер в своей талантливой интерпретации оживляет и украшает рисунок автора». Может быть, это возможно с согласия здравствующего автора, но недопустимо по отношению к классическим пьесам. Еще менее допустима та пестрая мозаика, которую представлял текст «Горя от ума», принятый Художественным театром в первых постановках комедии. В произвольное смешение первоначальной и окончательной редакций, взятое у Озаровского, руководители театра внесли еще несколько вставок из Музейного автографа.

Позднее, когда появилось академическое полное собрание сочинений Грибоедова, В. И. Немирович-Данченко принял установленный в нем подлинный грибоедовский текст и не остановился перед переучиванием ролей актерами. Однако позднее текст Художественного театра опять осложнился некоторыми произвольными вставками.

В позднейших переработках спектакля Художественного театра (особенно в 1925 г.) звучание социально-политической сатиры усилилось, однако нарушились своеобразие и целостность общего замысла. Постановка 1938 г. в общую трактовку пьесы крупных изменений не внесла. Зато Чацкий, в новом истолковании В. И. Качалова, обогатился чертами душевной зрелости и глубины.

Революционная эпоха поставила труднейшие задачи перед всеми драматическими театрами, ставящими «Горе от ума», и перед театроведами и литературове-

дами, теоретически и исторически осмысляющими проблему сценического воплощения комедии Грибоедова. На первых порах были ошибки, уклоны и вредные крайности, медленно и болезненно изживавшиеся.

Формалистическое трюкачество и вульгарно-социологические извращения в наиболее крайней форме проявились в постановке «Горя от ума» в театре В. Э. Мейерхольда (1928). Постановщик позволил себе своевольное отношение к грибоедовскому тексту и не только вносил в окончательный текст отрывки ранней редакции (начиная с заглавия: «Горе уму»), но и выбрасывал фразы и целые речи, реплики одного персонажа передавал другому, вводил в текст не принадлежащие Грибоедову вставки и т. д. Стройная четырехактная композиция пьесы была расколота на 17 «эпизодов». Введены небывалые у Грибоедова персонажи (гитарист, содержательница кабачка, аккомпаниатор, дворецкий, сенатор, семь приятелей Чацкого, старая нянюшка и т. п.). Вставлены необычные сцены и интермедии: ночной кабачок, урок танцев, стрельба в тире.

Постановка В. Э. Мейерхольда вызвала подражания. В известной близости к ней стоит постановка «Горя от ума» в Малом театре в 1930 г., осуществленная Н. О. Волконским. Здесь не было таких искажений текста и разрушения грибоедовского сценария, как у Мейерхольда, однако высокий реалистический стиль пьесы был сломан и заменен гротеском. Действие было «дополнено» выдуманными интермедиями (например, II действие открывалось гомерическим обжорством Фамусова за завтраком). Гротескная постановка была так чужда реалистическим традициям Малого театра, что скоро была снята с репертуара.

В постановке Малого театра следует отметить свое-

образный и смелый замысел в трактовке Чацкого. Он понят был постановщиком не как молодой дворянин-декабрист, а как разночинец-демократ, социально-инородный барской Москве и близкий скорее дворне Фамусова (артист В. Э. Мейер).

В 1938 г. Малый театр от неубедительных изысков и парадоксов вернулся на путь реального творчества. Принципы новой постановки «Горя от ума» изложены в коллективной статье П. М. Садовского, И. Я. Судакова и С. П. Алексеева и в более поздней статье постановщика — П. М. Садовского [77].

В новом спектакле оказались счастливые находки и удачи, начиная с художественного оформления академика Е. Е. Лансере. Находили, что постановка Малого театра счастливо соперничает с одновременной новой постановкой Художественного театра.

Тем не менее и здесь было немало ошибок и излишеств в замыслах и вымыслах режиссуры. Театр допустил контаминацию самой ранней и самой поздней редакций грибоедовского текста. Подлинный грибоедовский сценарий оброс интермедиями и пантомимами, не предуказанными автором, замедляющими темп или снижающими реализм до натурализма. Так, при первом поднятии занавеса — пантомима пробуждения Лизы, которая потягивается, зевает, стонет, падает на пол, тогда как в ремарке Грибоедова сказано только: «встает с кресел, оглядывается». При распространении слуха о сумасшествии Чацкого одной девице делается дурно, ее ведут на авансцену, сажают в кресла, и вокруг нее опять — интермедия. На балу у Фамусова в Малом театре так много шума, визга, хохота, что

[77] *Садовский П. М.* Новая постановка «Горя от ума» // Государственный ордена Ленина Академический Малый театр: Гастроли в Ленинграде 1939 года. М., 1939.

это снижает картину столичных дворянских нравов до уровня провинциальной вечеринки. Для постановки Малого театра характерны преувеличение в мимике, в интонациях внутреннего переживания, гиперболизм внешнего выражения. Жестикуляция у многих исполнителей крайне преувеличена, исполнение часто переходит в гротеск и шарж. Протагонистом спектакля становится Лиза, которая завладевает вниманием публики и старается ее рассмешить. Сняв туфли, она бегает по сцене в чулках, ползает по полу и т. д. Здесь метод постановки от высокой комедии-драмы опускается к легкой комедии и даже к водевилю.

Сложной оказалась литературная и сценическая история образа Софьи. Долгие годы и даже десятки лет исполнение роли Софьи не выдвигало ни одной актрисы, и это не было случайностью. Играть семнадцатилетнюю Софью должна актриса молодая, навыков же, артистической зрелости и продуманности требуется как от самой опытной, пожилой актрисы. По преданию, некоторые актрисы первое время отказывались играть Софью. В образе Софьи, которую многие авторитетные ценители литературы находили неясной, заключено сложное и трудное сочетание трех психических рядов: глубокой, сильной, горячей натуры, внешней книжной сентиментальности и развращающего общественного воспитания. Это сочетание основательно затрудняло и критику, и постановщиков, и исполнительниц роли.

Верную трактовку образа Софьи, исходящую из суждений Гончарова, находим у П. М. Садовского: «Умный Чацкий любит пустую Софью, влюбленную в ничтожного Молчалина. В таком упрощенном толковании грибоедовских образов, свойственном большому числу постановок, коренится причина ряда нелепостей. Если Софья пустая и глупая, манерная и злая девушка,

невольно возникает сомнение в уме Чацкого. . . Любовь его становится естественной, если перестать видеть в Софье холодную и пустую кокетку. Мы сознательно убираем поэтому черты жестокости и сухости в образе Софьи, мы очеловечиваем ее».

В январе 1941 г. в ленинградском Театре имени Пушкина постановщики Н. С. Рашевская и Л. С. Вивьен учли обширный новый опыт и к участию в спектакле привлекли таких выдающихся артистов, как Е. П. Корчагина-Александровская, В. А. Мичурина-Самойлова, выдвинули молодых исполнителей: Т. Алешину (Софья), В. Меркурьева (Фамусов). Спектакль был освежен некоторыми новыми мизансценами. В постановке немало эпизодов, разработанных с приближением к тому высокому реалистическому стилю, в котором создано само произведение Грибоедова. Однако и ленинградский театр в своем стремлении к «освежению» постановки допустил немало излишеств.

В юбилейном 1945 г. около сорока театров откликнулись постановками комедии Грибоедова. Своеобразием юбилея явилось включение в эту работу ряда национальных театров.

В традициях В. Э. Мейерхольда осуществлена постановка «Горя от ума» Г. А. Товстоноговым в ленинградском Большом драматическом театре имени М. Горького (1962).

В отмену грибоедовских четырех мест действия у Г. А. Товстоногова пьеса разыгрывается в каком-то одном помещении неопределенного вида (то ли в колонном зале, то ли в вестибюле). Вращающийся планшет доставляет на сцену то одну, то другую инсценировку-интерьер. Второе и третье действия самовольно слиты воедино. Сосредоточенный грибоедовский сценарий прерывается многочисленными интермедиями

и пантомимами, буффонадами и штукарством. Например, на сцену выпускается одновременно два Загорецких, чтобы показать вездесущесть этого персонажа. Из пьесы вытесняется высокий грибоедовский реализм — бытовой, психологический, социальный. Социально-психологический тип Чацкого, молодого, декабристски настроенного дворянина, подменен маской какого-то социально-упрощенного, бесхарактерного персонажа[78].

Постановка Г. А. Товстоногова между тем оказала влияние на последующую сценическую историю «Горя от ума», и прежде всего — на новый спектакль московского Малого театра 1963 г. (режиссер Е. Р. Симонов). Постановка эта изобилует многими формалистическими условностями и в специально присочиненных «живых картинах» перед началом и в конце пьесы прямо вводит Чацкого в среду декабристов, в то время как вся гражданская линия и обличительный пафос пьесы по сравнению с классической традицией оказались здесь сниженными[79].

Долгие годы неустанной работы над сценическим воплощением «Горя от ума» позволили достигнуть ценных результатов. В настоящее время постановщики, актеры, театральные художники располагают богатейшим наследием. Прежде всего — подлинным,

---

[78] О постановке Г. А. Товстоногова см.: *Бояджиев Г.* Век нынешний и век минувший // Нева, 1963, № 2. С. 181—187; *Пиксанов Н. К.* И другая точка зрения // Там же. С. 188—190; *Макогоненко Г.* Почему необходимо спорить // Там же. С. 191—192; *Билинкис Я. С.* Классика на сегодняшней сцене // Литература в школе, 1965, № 6. С. 22—27; *Штейн А. Л.* Классика всегда современна // Вопросы философии, 1967, № 7. С. 80—90.

[79] См.: *Бабочкин Б.* Традиционная классика и классическая традиция // Знамя, 1965, № 5. С. 204—213.

достоверным, бесспорным текстом «Горя от ума». Путем кропотливой работы многих десятилетий, после тщательных поисков авторских и авторизованных текстов, после скрупулезной текстологической работы над каждым словом и знаком препинания, после споров и дискуссий мы получили подлинный авторский текст, освобожденный от примесей и искажений.

Тщательное прочтение подлинно грибоедовского текста дает, само по себе, и постановщику и актеру все основное, необходимое для сценического воплощения пьесы. Театр располагает также хорошо разработанными биографическими, историческими, историко-бытовыми, историко-театральными материалами. Специальная театроведческая литература по «Горю от ума» так богата, как никакая иная специальная литература по постановкам шедевров русской драматургии. Теперь каждый новый исполнитель роли Фамусова, Чацкого, Софьи, Молчалина, Лизы, Скалозуба располагает большим наследием театрального опыта и театроведческой мысли.

«ГОРЕ ОТ УМА» В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

«Горе от ума» оказало и продолжает оказывать влияние на русскую драматургическую литературу, начиная с «Ревизора» Гоголя и драм Лермонтова «Странный человек» и «Маскарад». Островский сам говорил о влиянии на него «Горя от ума». Но и русская романическая литература испытала воздействие грибоедовского реализма. Обильны отголосками «Горя от ума» произведения И. А. Гончарова. — См., например, острый диалог о социализме в «Литературном вечере» (1877). Влияние образа Чацкого усматривают в горячих монологах

романтика Адуева-младшего («Обыкновенная история»); еще явственнее оно в повести Гончарова «Счастливая ошибка» (1839), герой которой переживает нечто вроде своего «горя от ума». Обильны отклики «Горя от ума» в «Обрыве», особенно в эпизоде «С. Н. Беловодова», где Райский с его горячим обращением к Софье Николаевне о бедных людях живо напоминает Чацкого. В образе чиновника Аянова возникает своеобразная вариация типа Молчалина. Гончаров, разумеется, не подражал здесь Грибоедову, но тип Молчалина облегчил романисту осмысление и изображение Аянова [80].

Уже в 30—50-е годы XIX в. «Горе от ума» вызвало целый ряд перепевов, переделок и «продолжений» (см., например, пьесу Е. П. Ростопчиной «Приезд Чацкого в Москву», 1856).

Развитие грибоедовских типов находим в сатирическом творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. («В среде умеренности в аккуратности», 1874). В некоторой аналогии со статьей Салтыкова стоят высказывания о «Горе от ума» в журнале «Искра» 1860-х годов — у В. С. Курочкина, Д. Д. Минаева; см.: «Поэты „Искры“», Л., 1955, т. 1, стр. 224—233, т. 2, стр. 366—375 и др.

Комедия Грибоедова принадлежит к самым популярным произведениям русского искусства. Со времени своего появления только на русском языке она выдержала сотни изданий в огромном количестве экземпляров.

Многократно «Горе от ума» печаталось с иллюстрациями. Первые иллюстрации к комедии встречаем в издании Е. Серчевского «А. С. Грибоедов и его сочинения», СПб., 1858. Здесь на вкладных листах даны два

---

[80] См.: *Пиксанов Н.* «Горе от ума» в творчестве Гончарова // А. С. Грибоедов. 1795—1829. Сборник статей. М., 1946. С. 110—133.

рисунка П. Бореля, изображающие балу Фамусова и беседу Репетилова с Загорецким. В роскошном издании Николая Тиблена (СПб., 1862) воспроизведены 25 рисунков М. С. Башилова. Заслугу Башилова составляет близость к исторической правде в костюмах и обстановке; в его рисунках хорошо передан сатирический пафос «Горя от ума»; созданный им тип Фамусова охотно воспроизводился сценическими исполнителями этой роли.

Ниже по художественному достоинству рисунки И. Е. Иогансона, помещенные в «полном иллюстрированном втором издании» книгопродавца К. И. Шамова (М., 1863). Через два года товарищество «Общественная польза» выпустило новое роскошное издание комедии (СПб., 1866) с 32 рисунками П. А. Соколова.

С многочисленными рисунками Д. Н. Кардовского «Горе от ума» вышло в роскошном издании фирмы Голике и Вильбор (СПб., 1913; повторено в 1917 г.) [81].

В иллюстрациях А. Н. Самохвалова (готовились к изданию в издательстве «Художественная литература». Л., 1938, но остались ненапечатанными [82]) сделана попытка передать сатирическую социально-психологическую подоплеку комедии Грибоедова.

В 1948—1957 гг. к «Горю от ума» для Гослитиздата новые иллюстрации создал художник Н. В. Кузьмин. В цветных акварелях и в черной штриховой манере здесь представлена целая галерея грибоедовских типов, выполненная с большим мастерством социальной типизации [83]. Три серии различных по манере рисунков

---

[81] См.: *Подобедова О. И.* Дмитрий Николаевич Кардовский. М., 1957. С. 41—53.

[82] Экземпляр корректурных оттисков рисунков А. Н. Самохвалова — в собрании Н. К. Пиксанова.

[83] См.: *Сокольников М. П.* Н. В. Кузьмин. М., 1964. С. 99—107.

к «Горю от ума» художницы Т. В. Шишмаревой печатались в изданиях ленинградского Детгиза (1949—1967).

Существенное влияние своей комедией оказал Грибоедов также на западную и мировую культуру.

Комедия в стихах, с капризной меной ямбических стоп, изложенная самобытным языком, изображающая старинный быт и своеобразные нравы,— оказалась переводимой на все основные языки мира и способной много сказать иноязычному читателю.

Библиографирование иноязычных переводов такого произведения, как «Горе от ума», трудное дело. Не претендуя на полноту, укажем поэтому только основные издания.

Первой усвоила «Горе от ума» в переводе немецкая литература. Немецкий перевод комедии, выполненный в стихах, появился раньше первого русского отдельного издания, тормозившегося цензурой до 1833 г. Перевод был напечатан в Ревеле в 1831 г., в серии издававшейся Кноррингом «Русской Библиотеки» и носил заглавие: «Горе от ума; oder Leiden durch Bildung». Lustspiel in vier Aufzugen, aus dem Russischen des Gribojedow. Russische Bibliothek für Deutsche. Von Karl von Knorring. Drittes Heft. Reval, 1831 (цензурное разрешение Ф. Эрдмана. Дерпт, 18 сентября 1831). Перевод был сделан с полного, но, по-видимому, не вполне исправного списка. Например, в рукописи, очевидно, было написано, в перечне действующих лиц относительно Фамусова: «управляющий казенным лесом» (вместо: местом), что и дало переводчику основание именовать Фамусова: «Oberforstmeister». Зато многие места, подвергшиеся в русских изданиях цензурным изъятиям или переделкам, переданы в переводе полностью.

Второй немецкий перевод вышел в 1853 г. в Лейпциге.

Известны также немецкие переводы 1871, 1899, 1925 гг.

Первый по времени полный французский перевод «Горя от ума» был прозаическим и принадлежал небезызвестному путешественнику по России А. Легрелю (Gand, 1884). Легрель изучал грибоедовскую литературу в Петербурге, пользуясь указаниями И. А. Бычкова, В. В. Стасова и А. С. Зарудного, что благоприятно отразилось на переводе и на вступительном очерке, очень обстоятельном, предпосланном переводу и содержащем характеристику жизни и литературной деятельности Грибоедова. Работа Легреля была заметным явлением и вызвала ряд отзывов как во французской, так и в русской журналистике. Менее удачным оказался изданный в Париже, перевод Е. Готье. Третий перевод принадлежал Э. Комбе (Париж, 1905).

В английской литературе впервые «Горе от ума» переведено прозой в 1857 г. русским литератором Н. Бенардаки. Другой перевод, тоже прозаический, вышел в Лондоне в 1913 г.

На итальянский язык комедия была переведена в 1926 г. и вторично — в 1933.

Из славянских стран наиболее значительный успех «Горе от ума» имело у поляков. Впервые отрывки из «Горя от ума» переведены по-польски в стихах в петербургском издании «Balamut», 1831, № 24 — 26. Особый интерес к Грибоедову и его комедии был проявлен в Польше в 1857 г., когда появилось сразу два перевода «Горя от ума».

Новый перевод «Горя от ума» появился во Львове в 1866 г.

На чешском языке выходил сделанный с основательным знанием русского языка и с большой тщательностью

перевод «Горя от ума» Б. Каленского (Вл. Шнабль,— Прага, 1895). Другой чешский перевод вышел в Праге в 1913 г.

У словаков известен перевод «Горя от ума» 1876 г.

В Болгарии перевод «Горя от ума» осуществил Г. Бакалов (Варна, 1898).

У сербохорватов выходил перевод Петровича (1890) и другой Поп-Манича (Ниш, 1904).

В Киеве в 1936 г. напечатан украинский перевод.

«Горе от ума» неоднократно ставилось на театре в славянских странах.

Живая память о Грибоедове, как русском государственном деятеле на Востоке, и тесные культурные связи с Россией вызвали к жизни многочисленные переводы «Горя от ума» на языках народов Кавказа.

В 1853 г. грузинский перевод комедии издал в Тифлисе кандидат московского университета Григорий Цинамзгваров. Писательница Д. Гандегели печатала свой перевод в грузинских журналах «Квали» (1900) и «Моамбэ» (1902—1903). В 1938 г. вышло новое издание «Горя от ума» в грузинском переводе.

На армянский язык комедия была переведена Тер-Асатуровым в 1886 г. Имеются переводы на азербайджанский, персидский, латышский [84], эстонский, казахский, чувашский и многие другие языки. В наше время комедия в хорошем новом переводе неоднократно ставилась в Советской Армении.

На турецком языке «Горе от ума» издано отдельной книжкой в Константинополе в 1885 г., в переводе Мурад-Бея [85]. Любопытно, что турецкая цензура 80-х го-

---

[84] Латышский перевод А. М. Упита: *Gribojedovs A. S.* Gudra cilveka nelaime. Atdzejojis Andrejs Upits. Riga, 1945.

[85] См. воспроизведение титульной страницы этого издания в кн.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. II. С. 301.

дов сделала несколько пропусков как раз в тех же местах, где к этому прибегала и русская цензура.

В кратком изложении и по условиям листажа невозможно охватить все относящиеся к этой теме обширные материалы. Нами подготавливается «Библиография произведений А. С. Грибоедова и литературы о нем», а также «Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова».

«Горе от ума» стоит на высшем уровне мировой литературы. Огромно историко-познавательное значение грибоедовской комедии благодаря ее бытовому и социальному реализму. Грибоедовская Москва европейским читателем воспринимается так же живо, как диккенсовский Лондон. Но не менее велико гуманистическое значение пьесы Грибоедова. Любовь к свободе, к родине, чувство личного достоинства, негодование против насилия над свободной личностью, над просвещением — эти черты творчества великого русского писателя делают его особенно родным и близким нашему народу, близким и понятным всему прогрессивному человечеству.

ИСТОРИЯ ТЕКСТА «ГОРЯ ОТ УМА» И ПРИНЦИПЫ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ

Вопрос о тексте «Горя от ума» по ряду неблагоприятных обстоятельств в течение десятков лет оставался нерешенным в научной литературе. При жизни Грибоедова в обезображенном цензурой виде напечатаны были только отрывки комедии. Первое издание (1833), второе (1839) и последующие также выходили с большими цензурными искажениями. Но когда в 60-х годах появилась возможность напечатать текст полностью, в руках редакторов не оказалось авторитетных рукописей или они не сумели таковыми воспользоваться в полной мере.

Позднейшим из четырех авторизованных текстов «Горя от ума» является Булгаринский список, названный так по фамилии своего владельца. Время его создания точно установить не удается. Возможно, он был изготовлен и хранился у Булгарина задолго до того, как Грибоедов сделал на его титульной странице известную надпись: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828», что было накануне отъезда Александра Сергеевича на Восток (он выехал из Петербурга 6 июня 1828 г.). Об этом мы читаем в письме Ф. В. Булгарина к М. А. Дондукову-Корсакову от 1 марта 1832 г.: «Грибоедов, уезжая посланником в Персию, дал мне полное право распоряжаться сею комедиею и передал на нее право собственности собственноручною надписью на подлинной комедии и особою формальною бумагою» [1]. Эта «формальная бумага» до нас не дошла.

[1] Библиографические записки, 1859, № 20, стлб. 621.

Рукопись переписана одним четким канцелярским почерком чрезвычайно старательно. В тексте — ряд исправлений, отчасти позднейших, отчасти неизвестного происхождения; несколько поправок сделано почерком, похожим на почерк А. С. Грибоедова. Во всяком случае, уезжая на Восток с предчувствием близкой смерти и поручая Булгарину судьбу лучшего из своих творений, Грибоедов, конечно, просмотрел оставляемый им для сцены и для печати текст. В рукописи встречаются немногие ошибки переписчика, не замеченные Грибоедовым, но они самоочевидны и поэтому не опасны.

После смерти Грибоедова Булгаринский список оставался у Ф. В. Булгарина, который охотно показывал его интересующимся, но едва ли допускал к детальному изучению, и таким образом в изданиях комедии 50-х и 60-х годов на него нередко встречаются ссылки, но сверка печатного текста производилась по нему крайне поверхностно. В 1879 г. сыновья Ф. В. Булгарина принесли рукопись в дар Публичной библиотеке в Петербурге [2]. Но еще в 1874 г. они предоставили рукопись для изучения И. Д. Гарусову, который в приложении к своему изданию «Горя от ума» (см. далее) впервые воспроизвел ее в печати с большой тщательностью (но не без существенных погрешностей, вопреки уверению в «буквальной точности»). Однако И. Д. Гарусов в своем издании совершенно не оценил ее большого значения и дал бо́льшую веру другому списку, Лопухинскому, который фальсифицирует текст грибоедовского шедевра.

Нападки Гарусова и неблагоприятная репутация Ф. Булгарина укрепили в литературных кругах недо-

---

[2] См.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1879 год. СПб., 1880. С. 65—66.

верие к Булгаринскому списку, а два других драгоценных источника — Музейный автограф и Жандровская рукопись — долгие годы оставались безвестными. Только в 1902 г. поступил в Московский Исторический музей автограф — рукопись, на девять десятых писанная самим Грибоедовым и содержащая множество характерных отличий от общепринятого текста, и в 1903 г. в печати появился его текст, прекрасно редактированный В. Е. Якушкиным [3]. Высокая авторитетность этой рукописи побудила позднейших редакторов вносить ее своеобразные разночтения в печатный текст комедии, хотя Музейный автограф представляет собой раннюю редакцию пьесы, впоследствии существенно переделанную самим автором.

В силу этих обстоятельств установился скептический взгляд на достоверность текста «Горя от ума». Думали, что Грибоедов вообще не успел закончить обработку комедии, или ожидали, что где-нибудь в архивах еще найдется подлинный текст, резко расходящийся с традиционным. Эти ошибочные взгляды укреплялись еще и тем, что одна из авторизованных рукописей — Жандровская — оставалась неизученной до 1912 г., когда она была обследована и напечатана мною с применением всех правил новейшей палеографии, текстологии и полиграфической техники [4]. До того с нею крайне поверхностно и небрежно сличался текст комедии во втором, исправленном издании Николая Тиблена (СПб., 1862), и при издании Музейного авто-

[3] Императорский российский Исторический музей... Описание памятников. Вып. III: Рукопись комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». М., 1903.

[4] «Горе от ума. Комедия А. С. Грибоедова. Текст Жандровской рукописи» / Ред., введ. и примеч. Н. К. Пиксанова. М.: изд. Л. Э. Бухгейм, 1912.

графа в 1903 г., в примечаниях В. Е. Якушкина сделано некоторое количество случайных сопоставлений с Жандровской рукописью.

После Музейного автографа Жандровская рукопись является вторым важным документом текстуальной истории «Горя от ума». До отъезда из Москвы в Петербург в 1824 г. Грибоедов подарил автограф (названный впоследствии Музейным) С. Н. Бегичеву. «На дороге,— писал он ему потом,— пришло мне в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда» [5] (т. е. 1 июня 1824 г.). Сделав эту большую вставку, Грибоедов пересмотрел и прежний текст. Бегичеву он писал: «Кстати прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься, он так несовершенен, так нечист; представь себе, что я слишком восемьдесят стихов, или лучше сказать рифм, переменил, теперь гладко, как стекло» [6]. А. А. Жандр потом сообщал Д. А. Смирнову: «Когда Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, он написал такие ужасные брульоны, что разобрать было невозможно. Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты, Он их отдал с совершенной беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия; она списала «Горе от ума» и обогатилась, потому что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня» [7]. Этот «главный список» и есть Жандровская рукопись. Она хранилась

[5] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1917. Т. III. С. 155.
[6] Там же. [7] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 274.

у А. А. Жандра, который неохотно допускал к ней исследователей, а после его смерти (1873) — в его семье; в 1901 г. поступила в московский Исторический музей. «Ужасные брульоны», представляющие переходную редакцию от Музейного автографа к Жандровской рукописи, не сохранились.

Первоначальный слой Жандровской рукописи, переданный переписчиком, во многом сближается с Музейным автографом, но весь покрыт новыми исправлениями Грибоедова.

Третьим по времени авторизованным источником текста «Горя от ума» является единственная прижизненная публикация отрывков комедии в альманахе «Русская Талия» [8]. Альманах разрешен цензурой 15 ноября 1824 г., но появился только в январе 1825 г.

В тексте этой публикации, и без того фрагментарной (печатались 7—10 явления первого действия и весь третий акт), цензура сделала много изъятий и переделок. Так, в реплике Чацкого: «Со всей Европой породнятся» (д. I, 370) слово «Европой» заменено «вселенной»; вместо: «В ученый комитет который поселился» (д. I, 380) печаталось: «*Между учеными* который поселился»; пропущена характеристика Скалозуба:

Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие маневров и мазурки!

(и т. д. — д. III, 6—7), вместо: «За армию стоит горой» (д. III, 129) — «Он за своих стоит горой». Вообще армия заботливо ограждалась от сатиры, как и гражданское чиновничество. Вместо диалога из III д.:

[8] Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год. Издал Фаддей Булгарин. СПб., 1825.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются;
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

напечатано:

Молчалин

Вам не дались чины.

Чацкий

Не всякому успех.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С иными важными людьми про вашу связь,
Потом разрыв...

Вместо слов Молчалина о Фоме Фомиче: «При трех министрах был начальник отделенья, переведен сюда»

(д. III, 203—204) — стоит: «Отличного ума и поведенья, из Петербурга к нам переведен». Вместо его же реплики «Ведь надобно ж зависеть от других» (д. III, 217) — поставлено: «Ведь надобно ж других иметь в виду» (и далее, вместо: «В чинах мы небольших» — «чтоб не попасть в беду»). В реплике Скалозуба слова: «В его высочества, хотите вы сказать» (д. III, 404) — переделаны: «То есть, хотите вы сказать». В реплике Графини-бабушки пропущены слова: «Что? к фармазонам в клоб?» (д. III, 482). В реплике Фамусова вместо: «Хоть пред монаршиим лицом» (д. III, 504) поставлено: «Перед каким ни есть лицом». Далее совсем выпущены высказывания Фамусова, Хлёстовой, княгини, Скалозуба и Загорецкого о пансионах, лицеях, педагогическом институте, сожжении книг, цензуре басен и т. п. В монологе Чацкого о «французике из Бордо» пропущены слова:

Своя провинция.— Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком
(д. III. 582—583).

И далее в этом же монологе, после стиха 596 выброшено еще пятнадцать стихов.

Эти четыре источника: Музейный автограф, Жандровская рукопись, текст «Русской Талии» и Булгаринский список — образуют цепь дошедших до нас авторизованных текстов комедии.

Сличение Жандровской рукописи с первопечатным текстом «Русской Талии» показывает, что Грибоедов сообщил Булгарину для альманаха текст «Горя от ума» после того, как закончил все исправления Жандровской рукописи, и в «Русской Талии» воспроизводился таким образом (если отвлечься от отрывочности публикации и цензурных искажений) окончательный текст этой рукописи. Немногочисленные разночтения несущест-

венны и случайны. Нельзя с уверенностью сказать, читал ли Грибоедов сам корректуру «Русской Талии», но помещенный в конце альманаха перечень «исправлений» удостоверяет, что Грибоедов не был безразличен к печатанию в альманахе отрывков «Горя от ума».

Изучение Жандровской рукописи незыблемо установило тот важный факт, что ее текст, правленный рукою самого Грибоедова в 1824 г., почти буквально совпадает с текстом Булгаринского списка, авторизованного в 1828 г. Этот последний так близок к Жандровской рукописи, что если бы не два-три характерных разночтения, можно было бы утверждать, что он с Жандровской рукописи и копирован. В текстуальном отношении Грибоедов не произвел почти ни одного изменения и не убавил ни одного стиха, не переменил ни одной рифмы, не переставил слов,— т. е. оставил текст Жандровской рукописи в новом списке в полной неприкосновенности. В новом списке соблюдены все характерные особенности грибоедовского письма, его орфография и пунктуация; употребляются те же формы живого языка («рюматизм», «три дни», «другий», «иный», «седьмсот» и т. п.). Очевидно, что окончательная редакция «Горя от ума» создана Грибоедовым еще в 1824 и потом вновь подтверждена в 1828 г.

Не раз высказывались предположения о том, что существовали и другие рукописи «Горя от ума», исходящие от А. С. Грибоедова или им просмотренные и выправленные. Однако указания эти по большей части неясны, сбивчивы, иногда основываются на фантастических предположениях и потому недостаточно достоверны. По мнению тбилисского литератора И. К. Ениколопова, работа Грибоедова над комедией продолжалась и после 1824 г. и подлинная рукопись, отразившая эту работу, погибла вместе с автором в Те-

геране. В силу этих соображений Ениколопов склонен ценить прежде всего якобы «авторизованные» рукописи, хранившиеся у кавказских друзей и родственников Грибоедова. В качестве достоверного источника текста «Горя от ума» он указывает список, принадлежавший его деду, М. А. Ениколопову (Эникалопашвили), знавшему Грибоедова лично. Другим сохранившимся рукописям, в том числе и Булгаринской, исследователь не придает существенного значения и настаивает на критическом пересмотре установленного мною текста «Горя от ума» [9].

В. С. Шадури сообщил о рукописи «Горя от ума», якобы «с авторскими поправками», принадлежавшей А. П. Опочинину (1807—1885), которая, однако, оказалась утерянной, но была восстановлена владельцем по памяти [10].

Сообщалось о так называемом Гомельском списке «Горя от ума», принадлежавшем И. Ф. Паскевичу и содержавшем будто бы собственноручные пометы или исправления автора [11]. Специальная научная экспертиза этого, однако, не подтвердила [12]. Предпринятые на Кавказе поиски «подлинной» рукописи «Горя от ума» при-

[9] См. *Ениколопов И.* К истории создания «Горя от ума» // *Грибоедов А. С.* Горе от ума. Тбилиси: изд. «Заря Востока», 1946. С. 117—157; *его же.* Еще о кавказском списке «Горя от ума» // Русская литература, 1962, № 1, С. 236—237; *его же.* Кто за Лизу, кто за Софью? // Советская культура, 1967 г., 17 окт., № 123.

[10] *Шадури Вано.* Неизвестные варианты комедии «Горе от ума» // Литературная Грузия, 1960, № 10. С. 76—86; Находка ученых. Неизвестный автограф „Горя от ума“ //Вечерняя Москва, 1960 г., 16 июля, № 167.

[11] *Охрименко П. П.* Уникальный список комедии «Горе от ума» // Советская культура, 1954, 11 февр., № 18.

[12] *Могилянский А. П.* По поводу Гомельского списка «Горя от ума» // Русская литература, 1963, № 3. С. 163—164.

няли характер кампании с сенсационным шумом в печати и, как и следовало ожидать, никаких результатов не дали [13].

Так как «Горе от ума» до 1833 г. не разрешалось цензурой к печати, оно разошлось в множестве неавторизованных списков, имевших существенное значение для изучения текста комедии.

Возникновение первых списков с подлинного текста относится к зиме 1823/24. С момента, когда текст «Горя от ума» был окончательно редактирован Грибоедовым в Жандровской рукописи, т. е. с половины 1824 г., списки стали распространяться в Петербурге и оттуда в провинции в огромном количестве. Об этом писал и сам Грибоедов в письме к С. Н. Бегичеву от 10 июня 1825 г.: «Все просят у меня манускрипта и надоедают» [14]; А. А. Жандр организовал размножение копий силами «целой канцелярии», то же делали декабристы; с этих копий повсюду снимались новые копии, и в начале 1830 г. Ф. Булгарин мог уже печатно заявить: «Ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка сей комедии, по несчастию, искаженного переписчиками» [15]. Ни одна книга не печаталась тогда в таком количестве экземпляров, сколько разошлось списков «Горя от ума».

Замечание об искажениях переписчиков справедливо относительно огромного большинства списков. Плохо

---

[13] См.: *Шадури Вано.* Неизвестное письмо Раф. Эристави. О судьбе автографа «Горя от ума» Грибоедова // Вечерний Тбилиси, 1964 г., 29 апр., № 102; Где автограф «Горя от ума?» // Литературная газета, 1964 г., 4 июня, № 66; *Гвелесиани С.* По следам бесценной рукописи // Комсомольская правда, 1965 г., 31 июля, № 178. См. также в ее книге «Мы ищем рукопись. Очерки». Тбилиси, 1966.

[14] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 154.

[15] Сын Отечества и Северный архив, 1830. № 1. С. 13.

разбирая копируемые рукописи, переписчики извращали отдельные слова и целые фразы. Так, Фамусов вместо «управляющего казенным местом» аттестуется в некоторых списках «управляющим казенным лесом»; вместо «симфония» пишется «симоропия», вместо «пеленать» — «полоскать» и т. д. Текст искажался не только по неразборчивости рукописей и по невежеству копиистов, но и произвольно, по капризу любителей, дерзавших «исправлять» Грибоедова. В этом отношении характерен список, принадлежавший ранее проф. О. Ф. Миллеру и теперь составляющий собственность Пушкинского дома: текст его так полон искажениями слов и фраз, что, можно подумать, он является сознательной переработкой грибоедовского текста. Например, вместо стиха: «Без думы, полноте смущаться» (д. I, 349) здесь написано: «Когда невинны вы, к чему ж смущаться»; вместо: «Да, чем кого господь поищет, вознесет!» (д. II, 236) — «Да, иного бог понизит, другого вознесет» и т. д. Подобные варианты не совпадают ни с Музейным автографом, в основном и окончательном его текстах и исправлениях, ни с Жандровской рукописью, вообще не оправдываются всем ходом текстуальных работ Грибоедова; иногда они нарушают элементарные требования стиха, так что являются очевидными образцами своевольной переделки. Многочисленные повторные рукописные копии «Горя от ума» создали бесконечное число «вариантов», не имеющих никакой достоверности и ценности. Описания многих списков были напечатаны, некоторые воспроизведены в печати целиком.

По сведениям П. С. Краснова [16], только в основных библиотеках и архивах Москвы насчитывается около

[16] *Краснов П.* Рукописные списки «Горя от ума» в библиотеках и архивах Москвы // Вопросы литературы, 1966, № 10. С. 253—256.

300 списков «Горя от ума», в том числе в Государственном театральном музее — 49, в Историческом музее — 37, в Библиотеке имени Ленина — 36, в Центральном государственном архиве литературы и искусства — 40, в Литературном музее — 9 и т. д. Значительное число списков комедии хранится в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), в рукописном отделении Библиотеки Академии наук, в Пушкинском доме (около ста), во многих других учреждениях и у отдельных лиц. Количество рукописных копий «Горя от ума», созданных до появления печатных изданий, было так велико, что до самого последнего времени списки комедии встречались в антикварной книжной торговле и могли быть приобретаемы.

Но и с тех пор, как появилось первое отдельное издание «Горя от ума» (1833), рукописная традиция комедии не прекратилась. Печатные издания вплоть до 60-х годов XIX в. выходили с огромными цензурными изъятиями; читатели, приобретая такое издание, часто вписывали в него от руки недостающее, черпая из полных рукописных копий «Горя от ума».

Особую группу составляют так называемые «театральные» списки, по которым «Горе от ума» исполнялось на казенных театрах в первые годы сценических постановок, в Петербурге и Москве. В 50-х годах XIX в. им придавали большое значение, как авторитетной редакции текста, но произведенное позднее их изучение показало, что театральные списки не оправдывают возлагавшихся на них надежд.

Петербургские театральные списки восходят к Булгаринской рукописи, но текст в них сильно испорчен, с одной стороны, цензурой, с другой — крайне небрежным переписыванием. Цензурой изъято много отдельных фраз и реплик и в соответствии с этим многое пе-

ределано. Московские театральные списки зависят от петербургских и с них копированы (хранятся в библиотеке московского Малого театра).

Печатных изданий «Горя от ума» — огромное количество; их можно насчитать сотнями.

Среди изданий комедии было много повторных, не имеющих текстуальной ценности или даже макулатурных, и лишь немногие имеют известное значение в истории печатного текста «Горя от ума»,

После частичной публикации в «Русской Талии на 1825 год», несмотря на усердные хлопоты самого Грибоедова, Ф. В. Булгарина, а потом наследниц поэта, цензура не разрешала отдельного издания пьесы, хотя она уже шла на казенных театрах, а в 1831 г. был напечатан в Ревеле, с разрешения цензуры, немецкий перевод.

В феврале 1831 г. вопрос о печатании «Горя от ума» рассматривался в Главном управлении цензуры по представлению С.-Петербургского цензурного комитета: «В заседании Комитета 13 сего февраля слушали представление г. цензора, коллежского советника Сенковского об известной комедии Грибоедова „Горе от ума", которую наследники его желают издать посредством печати. Г. цензор изъяснил, что, по его мнению, комедия сия писана с благонамеренною целью и может быть напечатана вполне без всяких перемен и исключений. Он находит в ней один только стих, заключающий в себе предосудительное двусмыслие, именно: „Кто что ни говори, они (т. е. Львы и Орлы), хоть и животные, а все-таки цари". Но и этот стих исправлен им, согласно с желанием покойного автора, следующим образом: „Кто что ни говори, а все они цари". Г. цензор Сенковский полагал, что даже многие существенные уважения требуют допущения сей комедии к печати,

без всяких перемен и исключений в подлинном ее тексте: по известиям, обнародованным в „Северной пчеле", в России находится слишком 40 тысяч списков сего творения Грибоедова. Если бы в „Горе от ума" и заключались места сомнительные (коих в самом деле нет в сей комедии), то две или три тысячи печатных с известными пропусками экземпляров не принесут никакой пользы обществу, в сравнении с таким необыкновенным множеством списков, ежедневно умножающихся и покупаемых за весьма дешевую цену. Напротив того, подобные пропуски были бы крайне вредны как излишняя мера предосторожности: ибо коль скоро сделается известным, что печатное издание неполно и очищено цензурою, то сей род официального преследования в отношении к любимому от публики сочинению сообщит только новую важность рукописным оного; рукописные же книги гораздо опаснее, нежели печатные, особенно потому, что представляют открытое поле к самопроизвольным допискам. Весьма легко может случиться, что люди неблагонамеренные или шалуны станут прибавлять в списках к подлинному тексту разные предосудительные стихи и намеки и „Горе от ума" возымеет участь всех почти рукописных сочинений древнего мира, кои дошли до нас искаженные тем, что называется loca spuria или местами подложными. Одно средство отвратить сие важное неудобство есть допустить напечатать „Горе от ума" без всяких изменений, что г. цензор Сенковский считает тем необходимее, что в публике распространилось мнение, будто комедия сия не печатается потому, что цензура хочет исключить из оной все занимательное и остроумное. Таким образом, полное издание оной было бы даже средством к примирению цензуры с общим мнением, чем, как полагает г. цензор, ни в коем случае пренебрегать не следует для пользы самого учреждения.

Сверх сего, не должно выпускать из виду, что нет почти ни одного сколько-нибудь образованного человека из русских, который бы не читал в рукописи и не знал наизусть всех примечательных мест „Горя от ума“. Многие даже стихи, и именно те, кои при слишком строгой цензуре могли бы подлежать исключению, превратились в апофтегмы и пословицы. Итак, исключить оные теперь из печатного издания значило бы только обратить на них излишнее внимание публики и подать повод к неуместным толкам 〈. . .〉 Г. цензор Сенковский представил также Комитету предисловие к сей комедии, долженствующее быть напечатанным вместе с оной и дающее ей направление совершенно благонамеренное, показывая, в каком духе должно считать произведение остроумного пера Грибоедова и как следует понимать рассуждения разных действующих лиц. Г. цензор Сенковский изъяснил, что он душевно убежден в безвредности сей пьесы; что когда 40 000 верных списков оной не произвели в России никакого предосудительного следствия, то две или три тысячи отпечатанных по сим спискам экземпляров тем менее в состоянии причинить оное и что он сам, не утруждая Комитета изложением всех вышеописанных соображений, вполне одобрил бы ее к напечатанию, если б мог расстаться с мыслью, что лично был дружен с покойным сочинителем, и что, питая в себе беспредельное удивление к великому его таланту, может в сем случае увлекаться некоторым пристрастием к превосходному памятнику его гения»[17].

От Главного управления цензуры поступил, однако, уклончивый ответ, и издание не состоялось.

Вскоре после этого вдова Грибоедова Нина Александровна и сестра его — М. С. Дурново оформили

[17] См.: *Бабинцев С. М.* К истории первого петербургского издания «Горя от ума» // Книга, сб. 3. М., 1960. С. 427—428.

свои права в качестве единственных наследников поэта и через Е. С. Лассен-Гефнер (родственница М. С. Дурново) и студента-медика Ивана Васильева представили в Московский цензурный комитет рукопись комедии «Горе от ума» на 63 листах[18]. Цензуровавший ее проф. Л. Цветаев возвратил рукопись в Комитет со следующим донесением: «По назначению оного Комитета читал я рукопись: Горе от ума, комедия, сочинение А. С. Грибоедова и нашел, что в 1-м и 2-м явлениях первого действия представляется благородная девушка, проведшая с холостым мущиною целую ночь в своей спальне и выходящая из оной с ним вместе без всякого стыда, а в 11-м и 12-м явлениях четвертого действия та же девушка присылает после полуночи горничную свою звать того же мущину к себе на ночь и сама выходит его встречать; находя сии сцены противными благопристойности и нравственности, одобрить сей рукописи к печатанию на основании § 3, с. 3-ей цензурного устава не могу, но как сия комедия была играна несколько раз на Московском театре, то имею честь мнение мое представить на благоусмотрение комитета»[19]. Согласившись с этим суждением как «совершенно справедливым», Московский цензурный комитет, а за ним и Главное управление цензуры отказались одобрить комедию к печати. При этом в Главном управлении отказ мотивировали не только «безнравственностью» произведения в морально-бытовом плане, но и общей идейно-политической направленностью комедии. Однако министр С. С. Уваров, возглавлявший цензурное управление, принимая во внимание, что комедия ставилась уже на

[18] См. об этом: *Краснов П.* В тисках царской цензуры // Вопросы литературы, 1967, № 5. С. 252—254.

[19] Центральный архив г. Москвы, ф. 31, оп. 5, д. 83, л. 28 об. Цит. по упом. ст. П. С. Краснова.

императорских театрах обеих столиц, не счел удобным запрещение ее к печатанию без «высочайшего» на это «соизволения» [20]. Резолюция Николая I на «деле» была: «Печатать слово от слова, как играется, можно; для чего взять манускрипт из здешнего театра». После этого, 21 августа 1833 г. Л. Цветаев дал цензурное разрешение. Через три месяца первое русское издание «Горя от ума», наконец, вышло. Издание 1833 г. [21] действительно воспроизводит театральный текст и отражает многие дефекты театральных списков. Сохранена, например, характерная примета театральных списков: в диалоге с Загорецким (д. III, явл. 17) реплики Графини внучки приписаны, вопреки авторскому тексту, Наталье Дмитриевне. Цензурных изъятий так же много, как и в театральных списках, хотя, в сравнении с «Русской Талией», здесь восстановлены 15 стихов в монологе Чацкого (д. III, явл. 22). Из монолога Фамусова (д. II, явл. 2) изъят 31 стих (ст. 65—95: «Мы, например, или покойник дядя ∾ Вы, нынешние,— нутка!»). 7 стихов изъято из диалога Фамусова и Скалозуба (явл. 5 — ст. 237—240; 248—250). Еще 7 стихов выброшено там же из монолога Фамусова о Москве (о «канцлерах в отставке по уму» и о короле прусском — ст. 294—296 и 305—308). В ответном монологе Чацкого («А судьи кто?...») отсутствует 12 стихов («Мундир! один мундир! ∾ И в воздух чепчики бросали!» — ст. 384—395). Из реплики Скалозуба изъято 6 стихов о гвардейцах и первой армии (д. II, 402—407).

---

[20] Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, ф. Грибоедова. См. в упомянутой статье П. С. Краснова. С. 254.

[21] «Горе от ума», комедия в четырех действиях в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. Москва, в типографии Августа Семена, при имп. Медико-хирургич. академии, 1833.

В IV действии изъяты из разговора Репетилова и Чацкого стихи о тайных собраниях (94—104); из монолога Репетилова, обращенного к Скалозубу,— 8 стихов о «продажных секретарях» и «радикальных лекарствах» (215—222).

Многие стихи в издании 1833 г. подверглись цензурным переделкам. Например, вместо реплик Фамусова (из II д.): «Он вольность хочет проповедать». «Да он властей не признает» — напечатано: «Вот что он вздумал проповедать» и «Он ничего не признает». В монологе Чацкого фраза «К свободной жизни их вражда непримирима» (д. II, 340) переделана: «Вражда их к нам непримирима». В реплике Репетилова вместо «но государственное дело» (д. IV, 121) печатается: «литературное есть дело».

Издание 1833 г., однако, быстро разошлось. Имеются экземпляры, в которых читатели восполняли пропущенное или искаженное цензурой от руки. Смелый «практический совет» на этот счет содержался в рецензии О. Сенковского: «В этом издании примечаются некоторые маловажные пропуски против рукописных экземпляров, которыми наводнена Россия: память нынешних читателей легко пополнит подобные места при чтении...»[22]

Следующее издание «Горя от ума» появилось только шесть лет спустя, в 1839 г. (цензурное разрешение А. Фрейганга 14 декабря 1838 г.)[23]. В издании напечатана статья К. Полевого «О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова». В текстуальном отношении это изящное миниатюрное издание стоит не выше первого.

---

[22] Библиотека для чтения, 1834, Т. 1, отд. VI. С. 44.

[23] «Горе от ума». Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова. Второе издание. С.-Петербург. В военной типографии, 1839.

В нем также много цензурных изъятий и первоисточник не более авторитетен. Правда, внесены некоторые исправления (например, реплики в диалоге с Загорецким в 17-м явл. III д. возвращены по принадлежности). Но таких исправлений немного.

Такое упорство цензуры было нелепо: полных рукописных копий «Горя от ума» обращалось больше, чем могло быть выпущено экземпляров в любом печатном издании. Гонимые слова и фразы давно стали достоянием живой речи как крылатые выражения. Но николаевская цензура упорно и тупо создавала из «Горя от ума» нелегальщину. Многие читатели испорченному изданию 1833 г. предпочитали привычные полные списки. От тридцатых и сороковых годов XIX в. до нас дошло множество датированных списков «Горя от ума». Комедия Грибоедова, словно подпольная брошюра или «Колокол» Герцена, завозилась русскими путешественниками из-за границы в полных заграничных изданиях. Известно небывалое по тем временам напечатание пьесы в двух анонимных подпольных изданиях без цензурных помет и без указания на год и место выхода. Одно из них (экземпляр его есть в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина — XVIII.154.1.43) дает полный текст комедии, одинаковый с окончательным, но сильно испорченный невежественным переписчиком и наборщиком.

Почти то же следует сказать о другом анонимном издании, которое известно только в единственном экземпляре, хранящемся у меня (ранее принадлежал И. О. Сержпутовскому). Напечатанное в ином формате и другим шрифтом, оно дает полный текст комедии; последний монолог Чацкого изложен в так называемой посредствующей редакции.

Оба издания напечатаны, вероятно, в каких-то

провинциальных штабных, полковых типографиях; за неимением французского шрифта все французские фразы в обоих изданиях наборщиком пропущены и затем вписаны чернилами от руки.

После 1839 г. в подцензурных изданиях «Горя от ума» снова наступил перерыв, длившийся четырнадцать лет.

30 января 1854 г. кончился срок литературной собственности на «Горе от ума», и в этом году вышло сразу семь отдельных изданий комедии и первое собрание сочинений Грибоедова в известной серии А. Смирдина «Полное собрание сочинений русских авторов». Все эти издания, как и следующие за ними, 1855—1857 гг., восходили в своем тексте к первому изданию 1833 г. и повторяли его недостатки. Цензурные искажения оставались те же (или еще прибавлялись новые, как, например, вместо слов: «за святцами зевать», допущенных в издании 1833 г., появилось: «за книгами зевать»). Иногда, впрочем, удавалось восполнить тот или другой из пропусков (в этом отношении следует отметить издание А. Смирдина-сына в 1857 г.).

Из дальнейших публикаций следует выделить издание Е. Серчевского [24]. Издание это, снабженное обширными биографическими и литературными материалами о Грибоедове, много способствовало ознакомлению с ним читателей. Что же касается текста «Горя от ума», то он напечатан здесь «по рукописи, употребляемой при представлении этой комедии на императорских театрах», и стоит не выше смирдинского и других тогдашних изданий. Более ценен текст, подготовленный в 1857 г. П. Е. Басистовым для издания, которое, однако, не состоялось [25].

---

[24] А. С. Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858.

[25] См.: *Пиксанов Н. К.* К литературной истории «Горя от ума». (Несостоявшееся издание комедии под редакцией П. Е. Ба

С 1858 г. появляются заграничные бесцензурные полные издания «Горя от ума». Первым из них было «единственное полное издание» комедии — Юрия Приваловского (Leipzig, Gustav Baer, 1858); вторым — «полнейшее издание» (Berlin, Ferdinand Schneider, 1858). Весь интерес их заключается в том, что они предлагали полный, без цензурных изъятий, текст «Горя от ума» — по тем или другим анонимным спискам, обращавшимся в России. Лучшее из этих изданий вышло в Берлине, в 1860 г., у Рудольфа Вагнера, и было редактировано, по-видимому, М. Н. Лонгиновым при содействии П. И. Бартенева [26]. Не предлагая особенно тщательно проработанного текста «Горя от ума», берлинское издание впервые дало обильные и точные библиографические и литературные примечания, немало послужившие в дальнейшем исследователям Грибоедова.

Первым полным русским легальным изданием оказалось издание Николая Тиблена, СПб., 1862 (цензурное разрешение В. Бекетова 25 марта 1862 г.). В нем, однако, много погрешностей, так как издатель не располагал авторитетной рукописью. Вышедшее в том же году «второе, исправленное» издание Тиблена, как утверждал издатель, «было проверено окончательно по рукописи А. А. Жандра, исправленной самим Грибоедовым» (т. е. по Жандровской рукописи). Но проверка была поверхностной и относилась только ко второй половине комедии. Однако с этого времени текст «Горя от ума» печатался уже полностью.

Первым изданием для школ было издание Я. А. Иса-

систова, 1857 г.). // Известия II Отделения Академии наук. Т. XVI, 1911, кн. 2.

[26] См.: Русское обозрение, 1896, ноябрь. С. 454—456.

кова [27]. Третье издание в этой же серии вышло уже под редакцией И. Д. Гарусова (СПб., 1873) — «с пропуском несвойственных детскому уху стихов».

В 1875 г. вышло в свет «Горе от ума» под редакцией И. Д. Гарусова [28].

Сам редактор квалифицировал свое издание как «по счету сороковое, по содержанию первое полное издание, содержащее, при новой редакции текста, 129 нигде до сих пор не напечатанных стихов, все доселе известные варьянты комедии, оценку всех изданий и рукописей „Горя от ума“ и буквально — точный текст рукописи, подаренной Грибоедовым Булгарину». Кроме этого, И. Д. Гарусов поместил в издании огромное количество примечаний — исторических, литературных, реальных и иных.

Однако воспроизведенный Гарусовым текст комедии во многом совершенно расходится с общепринятым, восходящим обыкновенно к Булгаринскому списку. При этом Гарусов опирался на одну рукопись, историю которой излагал так. Приехав в Москву в 1823 г., Грибоедов бывал в доме Лопухиных и встречался там с их воспитанницей, А. Д. Юматовой. Лопухиным Грибоедов оставил «в 1823 году полный список комедии *в ее первоначальном, но в законченном виде*, без урезок и сокращений. Проездом в 1826 году через Москву он забросил Лопухиным варьянт нескольких сцен, которые намерен был исправить для печати. Таким образом Дунюшка [А. Д. Юматова] стала владетельницею полной

[27] Классная библиотека. Литературное пособие для средних учебных заведений. Вып. 6. «Горе от ума» / С примеч. В. А. Яковлева. СПб., 1869.

[28] Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах А. С. Грибоедова. Редакция полного текста, примечания и объяснения составлены И. Д. Гарусовым. СПб., изд. «Русской книжной торговли», 1875.

рукописи». «Грибоедов в 1826 г. сам просмотрел ее собственный список, сделал кое-какие незначительные поправки и сверху текста на 1-й странице наскоро написал: „Исправляю по памяти: моего Горя не захватил. Москва, 1826 г. Ал. Грибоедов“». «События 1825 года повлияли и на семейство Лопухиных. Грибоедовская рукопись, по словам Юматовой, утратилась в 30-х годах, и она стала единственной владелицей полного текста, который и был привезен из Москвы в 1827 году в ее именье». В этом имении (в Ярославской губернии) в 1842 г. И. Д. Гарусов, тогда еще гимназист, «провел много летних дней в буквальном снятии копии с рукописи, в ее исправленном виде, выпустив, к сожалению, все, что было зачеркнуто автором, не понимая тогда цены и значения точных работ, и в августе 1842 г. привез свой список в Ярославль». В Ярославле к 5 ноября 1842 г. список был «переписан набело» под руководством П. М. Перевлесского, а в августе 1873 г. Гарусов «снял с него копию и передал ее в рукописное отделение имп. Публ. библиотеки». Но в этот новый список Гарусов «по независящим от него обстоятельствам» не мог включить тех вариантов, которые появились в его издании 1875 г. и которые якобы «приобретены были им от А. Д. Юматовой в декабре 1844 года», когда Гарусов вновь гостил у нее в селе Противье. После смерти Юматовой ее собственная рукопись исчезла, и Гарусов не мог ее уже отыскать. Тексту «Горя от ума», добытому у Юматовой, Гарусов придавал особое, исключительное значение в смысле авторитетности и достоверности. Этим текстом, как единственно верным, он измерял достоинство других доступных ему рукописей и печатных изданий комедии и в их подробном описании, данном в издании 1875 г., он систематически отмечал все отличия их от своего текста.

Оставляя в стороне огромное число сравнительно мелких отличий гарусовского текста от общеизвестного и общепринятого, приведем лишь несколько примеров наиболее существенных отличий.

В реплику Горича, характеризующего Загорецкого (д. III, явл. 9), вставлены стихи:

На днях он банк по-шулерски сорвал.
Смигнулся с шулером таким же записным
И обыграл меня. Бог с ним!
Вчера украл билет, а слышал, как соврал.

В явл. 10 того же действия сделана огромная вставка:

Хлёстова. (*Указывая на Платона Михайловича, сидящего к ней спиной.*)

А это что за чучело? Скажи, кто он?

Софья

Натальи Дмитриевны муж, Платон Михайлович.

Платон Михайлович оборачивается и кланяется.

Хлёстова

А! Знаю.— Здравствуйте! Супруга
Уж верно здесь: вы неразлучные два друга.

Наталья Дмитриевна, *подходя.*

Я кланялась, вы не всмотрелись.

Целуются

Хлёстова

Не мудрено, глаза под старость пригляделись.

Наталья Дмитриевна отходит.

Ну вот так парочка! По чести — загляденье!

Увидя двух княжон подходящих.

Ах! Боже мой; племянница, гляди,
Как у второй княжны измято на зади...
Как выемка низка! — Ну, право, омерзенье!

Ах, как растрепана она,
Как будто дома и одна!

Мимо проходят другие две княжны.

У всех запачканы, измяты шемизетки.

Увидя княгиню, ей громко:

Княгиня! Как прекрасны ваши детки!
Невесты, милы все, хоть разом под венец.

Княгиня *в сторону с досадою.*

Стара́, век зла!

Вслух:

Ростут.— О, мой Творец!
Давно ли я сама...

Хлёстова, *перебивая:*

Мы вместе с вами
К венцу шли...

Княгиня, *прерывая ее:*

Полноте! Ребенком я была.

Хлёстова *Софье:*

Приметно молодится.

Княгине:

Может, с нами
Вы завтра? нас Татьяна Юрьевна звала.

Княгиня

И нас звала; мы вместе будем.
Князь, князь! отметь! — Мы, правда, не забудем.

Отходит к гостям.

Хлёстова, *указывая Софье на Скалозуба.*

А это кто стоит там у колонны?

Софья, не дослышав, отходит к гостям.

Какие ныне стали моды,
Конец векам! — Какие талии! — Уроды!
Ну, что за галстуки? как — словно хомуты.

Увидя графиню-бабушку:

Ну вот какой чепец напялила огромный!
Смотри-ка, Сонюшка... Племянница! Где ты?

Софья подходит.

Взгляни, как стянута, в чем держится душа!
Глуха, беззубая, ряба, не хороша...
Давно бы ей пора в могилу...
А бал, так, верно, в первых здесь.

Увидев графиню-внучку:

А внучка... Что за срам! — Тьфу.. вся в прорезь!
Чуть-чуть не голая... Глядеть-то не под силу.

Обе графини подходят и кланяются

Графиня милая, мой друг! давненько с вами
В пикет, в империал мы не играли. С нами...
Ах! кажется за мной есть маленький должок?
Так с князем в-пол вы, как придется,
А после как-нибудь сочтется.

Целует графиню-внучку.

Садись, мой миленький дружек!
Как ты мила!
Как расцвела!

Графине-бабушке:

Графиня, друг мой! как я рада,
Что вижу Вас, божусь... Не вспомнюсь... без души...
Живу в такой глуши,
Друзей увидеть вся отрада.

В явл. 21, в реплике Загорецкого:

Романы?.. Что за вред!..
А вот где зло, причина бед:
Ученыя... Вот их-то брось!..
Какую-то ученую мораль
Вчера читал, потел, понять трудился,

А что молол ученый враль?
Никак я не добился.

Явл. 9 IV действия в гарусовском тексте начиналось стихами:

Репетилов, *смотря в след Хлёстовой.*

Не удалось! — К несчастью опоздал.
Вот эта нам была б под масть:
Заговорит, не даст пропасть.
Уж язычок! уж бабушка — нахал!..
Ах, бедный Чацкий! Что с тобою?
Неужли вправду говорят?..
Как жаль!.. С такою головою
Для нашего собранья — клад.
А Загорецкий!.. Сомневаюсь;
Едва ли бы он нашим стал...
Вот, как бы Скалозуб! А дай-ка, попытаюсь...
Ума в нем нет, да золотой канал.

Появившись в 1875 г., гарусовское издание не встретило веских возражений, и последующие редакторы, хотя и не без колебаний, готовы были признать подлинность гарусовских вставок [29]. Между тем, как это явствует из анализа, опубликованный Гарусовым текст, несомненно, фальсифицирован.

Гарусову остались недоступными Музейный авто-

[29] Н. С. Лесков в 1886 г. писал А. С. Суворину: «Покорно Вас благодарю за экземпляры „Горя от ума". Они очень, очень изящны. Статья Ваша — живая и чуткая. Гарусовским списком, думается, Вы, однако, напрасно пренебрегаете. Некто Алферьев в Москве имел тетрадь, где „Горе от ума" было списано его рукою, а на ней,— не знаю, по какому случаю,— была грибоедовскою рукою сделана надпись: „Верно.— Грибоедов", и стояло какое-то число. Тетрадь эта долго жила у нас в семье, и я по ней впервые выучил „Горе от ума", на котором было написано автором „верно". И то было вполне схоже с Гарусовым» (*Лесков Н. С.* Собр. соч. М., 1958. Т. 11. С. 325). Однако такого рода припоминаниям серьезного значения, конечно, придавать нельзя.

граф и Жандровская рукопись «Горя от ума», он их не видел,— а потому история текста комедии представлялась ему в извращенном виде. Недооценил он и значение Булгаринского списка как источника текста. Все это лишило Гарусова возможности критически отнестись к тексту Лопухинско-Юматовской рукописи. Историю этого текста он изложил сбивчиво и противоречиво. Он, например, утверждает, что текст Лопухинского списка был вполне закончен «в конце 1823 года»; но по показаниям ближайшего друга Грибоедова, С. Н. Бегичева, когда Грибоедов в марте 1823 г. приехал в Москву, у него были написаны вчерне только два первых акта комедии, вторые же два писаны летом в деревне Бегичева и стали известны в Москве в первоначальной редакции только осенью 1823 г. Гарусову совершенно не известно, что в тексте 1823 г. не было сцены заигрывания Молчалина с Лизой (IV д.): она, однако, имеется в Лопухинском списке. Гарусов утверждает, что, «проезжая, уже под арестом, через Москву», в 1826 г., Грибоедов виделся с Лопухиными, чего, однако, не могло быть, так как в короткую остановку Грибоедов виделся в Москве только с С. Н. Бегичевым и с его братом Дмитрием. Безобразные в эстетическом отношении вставки в третьем действии не могут принадлежать Грибоедову, так как именно третье действие напечатано в альманахе «Русская Талия на 1825 год», когда сам Грибоедов жил в Петербурге и, вероятно, наблюдал за изданием. В Булгаринском списке, авторизованном Грибоедовым в 1828 г., печатный текст 1825 г. оставлен без изменений. Вообще, во всех трех авторизованных рукописях «Горя от ума», Музейной, Жандровской и Булгаринской, нет и малейших намеков на огромные вставки в третьем и четвертом актах, появившиеся в Гарусовском тексте.

Ближайшее знакомство с этим текстом обнаруживает его компилятивность. Совершенно произвольно Гарусов включает в свой текст, который сам считает окончательным, варианты первоначального текста, незадолго перед тем опубликованные Алексеем Н. Веселовским («Русский архив», 1874, № 6). Затем обнаруживается, что печатный текст Гарусова расходится с его же собственными списками. Как уже говорилось, в 1873 г. Гарусов передал Публичной библиотеке собственноручную копию со списка, сделанную им с Юматовской рукописи, «не желая выпускать из своего семейства этого списка». «Список», оставшийся у Гарусова, оказался в двух экземплярах (хранится теперь в собрании Н. К. Пиксанова). На первом имеется надпись: «Списана с рукописи, исправленной Грибоедовым и найденной в библиотеке Лопухиных учеником VII класса Ярославской губернской гимназии Иваном Гарусовым. Правописание и разбивка по строкам те же, как исправлено Грибоедовым. Рукопись в настоящее время находится в Яросл. губ., Угл. уезда, в сельце Противье, у Авдотьи Дмитриевны Юматовой, бывшей воспитанницы Лопухиных». Этот список, на обложке которого сам Гарусов выставил № 1, очевидно тот, который он, по его же словам, сделал в имении Юматовой и «в августе 1842 привез в Ярославль». На втором списке дважды (в начале и в конце) помечено: «кончена 5 ноября 1842 г.». Очевидно, это тот список, который, по словам Гарусова, был вновь «переписан под редакцией Перевлесского набело к 5 ноября 1842 г.». Оба списка испещрены позднейшими исправлениями, причем в этих надписях приводятся ссылки на печатные издания 60—70-х годов.

Сравнение этих двух списков 1842 г. с копией 1873 г. и с печатным изданием Гарусова 1875 г. легко убеждает,

что все четыре редакции во многом расходятся между собой. Второй список не был точной копией с первого, и в нем, очевидно, остались следы произвольной «редакции Перевлесского», который, по сообщению Гарусова, «признал почти весь текст списка за несомненно принадлежащий Грибоедову», но «отметил все, не подлежащие до времени печати, стихи» (?). Третий же список, сделанный Гарусовым через тридцать лет, представляет произвольную компиляцию двух первых, противореча то одному, то другому. Наконец, печатный текст был подвергнут Гарусовым новым переделкам, поставившим его в разногласие со всеми тремя списками.

Таким образом, Гарусовский текст «Горя от ума» подвергся тройной фальсификации: кем-то были внесены огромные вставки еще в Лопухинско-Юматовский список; порча текста допущена Гарусовым в его трех списках; новая порча произведена в печатном издании 1875 г.

Все это с очевидностью обнаружено было позднее, но уже в момент шумного появления издания Гарусова почувствовалась некоторая сомнительность его открытий, и вскоре в печати это формулировал М. А. Гамазов: «Тут встречаются стихи, которых чувство мое никак не допускает безусловно признать истинно грибоедовскими... ни одна из этих вставок не гармонирует вполне с общим тоном всей пьесы, напротив, они производят какую-то досадную какофонию. ⟨...⟩ Это все равно, как если бы кто вздумал сшитое платье украсить оставшимися обрезками, потому только, что они принадлежали тому же куску материи, из которого оно выкроено» [30].

---

[30] *Гамазов М. А.* Первые представления комедии «Горе от ума» 1827—1832. Из воспоминаний участника // Вестник Европы, 1875, июль. С. 331.

Главной ценностью и заслугой Гарусовского издания является воспроизведение Булгаринского списка. Полезен также обзор рукописей (немногих, впрочем, и не самых ценных, оставшихся недоступными Гарусову), печатных изданий и переводов комедии. Однако оценки текстового достоинства разных изданий у Гарусова часто ошибочны, так как мерилом их он считал свой собственный текст, объективно заведомо недостоверный. Некоторую ценность представляют также сообщаемые Гарусовым обширные «объяснения и примечания» к тексту — исторические, литературные и реальные. Некоторые из них, впрочем, сбивчивы и свидетельствуют о невысоком уровне познания и понимания самого комментатора [31].

Самым ранним исследователем текста «Горя от ума» был Д. А. Смирнов (1819—1866). В собранных им «Материалах для истории „Горя от ума“» подробно излагалась история печатных изданий комедии, воспроизводился ее текст с вариантами по автографу, хранившемуся у Бегичева, и полная хрестоматия всех критических отзывов о Грибоедове, появившихся в печати. Но при жизни собирателя материалы Смирнова не были опубликованы, а после его смерти поступили в Общество любителей российской словесности и в 80-х годах оттуда исчезли. В некоторой доле они были использованы в статье Алексея Н. Веселовского «Очерк первоначальной истории „Горя от ума“» [32]. В этой статье по материалам Д. А. Смирнова были сообщены варианты ранней, т. е. Музейной редакции комедии и намечены некоторые моменты в работе поэта над текстом. Статья А. Н. Веселовского долгое время, за отсутствием в пе-

[31] См.: Z. ⟨*Веселовский Алексей Н.*⟩. Комментатор особого рода // Неделя, 1875, № 40.

[32] Русский архив, 1874, № 6, стлб. 1513—1576.

чати других данных о ранней редакции «Горя от ума», была первоисточником для изучения творческой истории комедии, пока в 1903 г. не был обнародован подлинный текст Музейного автографа.

Эта работа в следующем году была использована А. Н. Веселовским для редактированного им отдельного издания комедии [33]. В издание вошла биография Грибоедова; некоторые его сочинения и письма напечатаны здесь впервые; что же касается «Горя от ума», то, как сказано в примечании редактора, «в настоящем издании комедии сделан свод наиболее достоверных редакций, в примечаниях помещены варианты, указания на оригиналы действующих лиц в комедии и отношения разных мест ее к современности, которые могут быть приняты с достаточным основанием за достоверные; там же объяснены некоторые неудобопонятные слова, свойственные светскому языку Грибоедовских времен, и те подробности, которые могут способствовать лучшему уяснению плана пьесы и целей автора».

А. Н. Веселовский имел уже возможность пользоваться Музейной редакцией «Горя от ума», правда, не в оригинале, а в копии Д. А. Смирнова, и ценные данные из нее незадолго перед тем опубликовал в «Русском архиве» (1874, № 6). Таким образом, в примечания к изданию 1875 г. редактор мог ввести важные варианты раннего текста, проливающие свет на творческую историю комедии. Однако текст пьесы в издании 1875 г. представляет собой «свод наиболее достоверных редакций» и, таким образом, компилятивен, непрочен. Редактору не были доступны ни Жандровская рукопись, ни Булгаринский список. В число «достоверных редак-

[33] Русская библиотека. Т. V. А. С. Грибоедов. СПб., 1875; Изд. 2-е. СПб., 1878.

ций» включен и фальсифицированный Гарусовский текст, из которого сделаны огромные вставки в III действии.

Издание «Русской библиотеки» было повторено в 1878 г. Здесь фальсификаты Гарусовского текста уже вынесены в примечания, хотя все еще считаются подлинными Грибоедовскими вариантами: Гарусовские списки не были доступны изучению А. Н. Веселовского.

Из дальнейших изданий комедии заслуживает быть отмеченным «сорок второе издание по рукописи 1831 года, найденной в Тифлисе, с 150 вариантами», редактированное Д. Г. Эристовым (Эристави.— Тифлис, 1879). В основу текста положена рукопись, принадлежавшая А. А. Иоаннисиани и датированная 9 сентября 1831 г.; соотношение этого позднего списка с авторитетными рукописями ничем документально не удостоверено; что же касается содержания, то анализ его в сопоставлении с окончательной редакцией, Жандровской и Булгаринской рукописями, обнаруживает значительную испорченность текста тифлисской рукописи. Иногда эта порча очевидна и сама по себе; например, реплика Платона Михайловича (д. III, 497) передана: «Кто первый рассказал?», тогда как следует: «...разгласил», так как иначе разрушается рифма («...я открыл»). Таким образом, из 150 вариантов, насчитанных редактором, огромное большинство объясняется простой порчей списка; другая часть — кажущиеся разночтения, так как редактор сопоставлял свой текст с фальсифицированным Гарусовским текстом.

С 1879 г. широкое распространение получили издания «Горя от ума» под редакцией П. А. Ефремова («Дешевая библиотека» А. С. Суворина). Имея в виду широкую публику, Ефремов не дает никаких пояснений к установленному им тексту. Его текст, несомненно,

компилятивный, построенный на списках, примыкающих к окончательной редакции; Жандровского и Булгаринского текстов Ефремов не знал, но воздержался от заимствования фальсификатов из Гарусовского текста. За позднейшими, повторными изданиями установленного им текста Ефремов, по-видимому, не следил, так что в поздних его изданиях не отразились новые текстовые открытия (например, Музейный автограф), и даже вкралась порча прежнего текста (например, барон фон Клоц с 7-го издания, 1886 г., неправильно именуется: фон Клок). Ефремовский текст был образцом для дешевых изданий; он же был воспроизведен в роскошном издании А. С. Суворина 1886 г., с предисловием издателя. Здесь, в послесловии и примечаниях, даны варианты по «первоначальному», т. е. Музейному тексту и Гарусову.

Новый этап в изучении Грибоедова начался в 1889 г. выходом «Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова. Под редакцией И. А. Шляпкина. В двух томах» (СПб., 1889). «Горе от ума» напечатано здесь в двух редакциях: окончательной и «первоначальной». Редактору были доступны рукописи: Булгаринская, Музейная в обработке Д. А. Смирнова, Миллеровская и несколько других, менее значительных; широко использованы также печатные издания комедии, русские и заграничные. В примечаниях к окончательному тексту редактор дал систематическое сопоставление его с другими рукописными и печатными текстами. Таким образом, к изучению были привлечены разнообразные материалы в небывалом дотоле объеме; и позднее редакторы Грибоедова часто не ставили издание в такой широте, предпочитая черпать из издания 1889 г. (таковы, например, два издания А. Ф. Маркса под редакцией А. И. Введенского, 1892 и 1903 гг.).

К сожалению, принципы установления текста «Горя от ума» не были точно формулированы и последовательно проведены И. А. Шляпкиным. Подчиняясь несправедливой оценке И. Д. Гарусова, редактор не придал Булгаринскому списку той авторитетности, которую он имеет, и не положил его в основу издания. Жандровская рукопись тоже почти не использована редактором. Музейный автограф непосредственно не был доступен И. А. Шляпкину, и редактор располагал только сводной рукописной работой Д. А. Смирнова.

В силу таких обстоятельств и в издании 1889 г. текст «Горя от ума» оказался компилятивным, как указал и сам редактор: «текст, напечатанный у нас, сводный, из лучших, по нашему разумению, рукописей и изданий: известно, что подлинного текста руки Грибоедова пока неизвестно» [34]. Эклектическим оказался и «первоначальный» текст комедии, данный в приложении; в основу его положен Музейный текст, насколько его можно было констатировать по сводной работе Смирнова, но в этот текст вставлены «варианты» по Гарусовскому, т. е. фальсифицированному тексту.

К 1892 г. относится новая попытка частичной фальсификации «Горя от ума»: в сборнике «Помощь голодающим» [35] был напечатан приписанный А. С. Грибоедову «Пролог» к «Горю от ума». Сообщивший текст Н. М. Городецкий в сопровождающем публикацию письме пояснил: «В период моего студенчества, в начале 60-х годов, я познакомился с семейством гг. Каневских, в библиотеке которых, в числе нескольких старых книг, мне удалось увидеть довольно старый рукописный экземпляр „Горя от ума“ с прологом, никогда не появлявшимся в печати. При случайной, через 25 лет, встрече с г-жой

[34] Цит. изд. Т. II. С. 521.
[35] Помощь голодающим. М., 1892. С. 249—252.

К. я вспомнил об имевшемся у нее списке „Горя от ума“, но, к сожалению, услыхал, что она совершенно не помнит, куда девалась помянутая рукопись. Рассказав, между прочим, о своей неудаче, бывшей в дружеских с г-жой К. отношениях, моей близкой родственнице, А. М. Разумовой, я услыхал от нее, что один листок рукописи, именно тот, на котором написан был „пролог“, сохранился у нее вложенным в печатный экземпляр Грибоедовской комедии. Р. не могла припомнить, как к ней в библиотеку попал только один этот листок, и не могла дать никаких указаний, у кого могла быть вся рукопись. Она передала в мое распоряжение сохранившийся у нее, пожелтевший от времени листок, который я, в свою очередь, передаю для Сборника в пользу голодающих. К моему сожалению, несмотря на все мои старания, мне не удалось узнать — когда, кем и с какого экземпляра был переписан список, имевшийся у К., и я не мог найти неоспоримых доказательств того, что помещенный в рукописи „пролог“ принадлежит перу творца „Горя от ума“. Одно, что придает вероятность этому, заключается в том, что, судя по бумаге и чернилам рукописи (уже в начале 60-х годов бывшей довольно старой), можно не без серьезного основания предположить, что список был переписан еще при жизни поэта, когда едва ли могло кому придти в голову совершать подделку. Самый характер стихов „пролога“, местами неотделанных, скорее дает повод предположить, что „пролог“ был действительно написан Грибоедовым и потом отвергнут поэтом, как мало дополняющий содержание комедии».

Все эти указания и соображения имеют целью укрепить достоверность «Пролога». Подчиняясь им, Арс. И. Введенский перепечатал «Пролог» в издании А. Ф. Маркса 1892 г. (и в повторных); другую пере-

печатку см. в «Литературном вестнике» (1904, кн. 2). Однако подлинность «Пролога» остается более чем сомнительной. Рассказанная Н. М. Городецким внешняя история рукописи не возводит ее к самому Грибоедову или к его времени. Ни в письмах самого Грибоедова, ни в воспоминаниях С. Н. Бегичева, давшего наиболее точные сведения о ранней истории «Горя от ума», ни у других современников нет нигде и намеков на существование «Пролога» к пьесе. Стихи «Пролога» обнаруживают вопиющую безграмотность, заставляющую оставить всякую мысль о причастности к ним А. С. Грибоедова.

Таким образом, мы не располагаем никакими свидетельствами подлинности «Пролога» «Горя от ума» и вынуждены признать его очевидной подделкой *. Возможно, что мотив «Пролога» подсказан фантазии его сочинителя словами Лизы:

Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался.—
Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь.—
А он в ответ: — «Недаром, Лиза, плачу,
«Кому известно, что найду я воротясь?
«И сколько может быть утрачу!»

---

* В 1974 г. появилась статья Г. В. Ермоленко «О прологе к комедии А. С. Грибоедова „Горе от ума“» (Вопросы статистической стилистики. Киев: Наукова думка, 1974. С. 251—262), где на основе частотных сопоставлений делается вывод о принадлежности этого «Пролога» перу самого А. С. Грибоедова. Основательную критику этой скороспелой работы дал С. А. Фомичев в статье «Просчеты статистической стилистики» (Русская литература, 1975, № 4. С. 200—202). Еще ранее о невозможности приписать этот «Пролог», стихи которого «обнаруживают вопиющую безграмотность», Грибоедову, писал Б. В. Томашевский (в его статье «Стих Горя от ума» // Русские классики и театр. Л.; М., 1947. С. 194).

Ниже приводится полный текст напечатанного в 1892 г. «Пролога».

ПРОЛОГ К «ГОРЮ ОТ УМА»

Чацкий и Лиза

Чацкий

Я еду, и сейчас: заехал я проститься...

Лиза

Как так? Вы едете? Надолго ли? Куда?

Чацкий

Подальше от Москвы; быть может, навсегда.

Лиза

Раздумали жениться?

Чацкий

На ком!

Лиза

На нашей барышне-с?! она...

Чацкий

Какая ты плутовка!
Пусть скажет мне сама
Что мил я ей, желает, чувствует, готова,
Составить счастие мое...

Лиза

Сказать-то ей неловко
Самой такое слово!

Чацкий

Ведь для невесты нет отрады никакой,
Когда ведут ее немилою рукой
К венцу... К тому же —
В каком есть надобность ей муже?

Л и з а

О ком же барышня твердит, как не о вас!

Ч а ц к и й

Как? Обо мне?!. Я думаю, что каждый час
Она толкует о знакомых,
О суженых и о влюбленных,
Об острых по уму, о милых на паркете,
О фраке щегольском, о форменном колете.

Л и з а (*прерывая*).

Помилуйте: она вас любит, обожает:
Весь век желает с вами проводить.

Ч а ц к и й

Так что ж она молчит о том, скрывает?
Ведь я не чуждый ей,—
И не злодей...
Родные наши все друг друга не чуждались.—
Быть может, упрекнут за то, что мы расстались,
Среди взаимных чувств борьбы
Не сочетав счастливейшей судьбы...
. . . .
Дней на пяток
Я остаюсь в Москве... Здесь буду в четверток,
На будущей неделе,—
И все слова ее проверю я на деле...
О, сердце жалкое; о, как оно страдает! (*Уходит.*)

Л и з а

Да, да: уж барышня комедию сыграет...
И с вашим сердцем и с умом:
Они, давно уже, вдвоем!!!

Так же необоснованно Грибоедову приписывался «эпиграф» к «Горю от ума»:

Судьба проказница, шалунья
Определила так сама:
Всем глупым счастье от безумья,
А умным — горе от ума.

(Вариант второго стиха: «Устроила на свете так она»). Этот эпиграф, имеющийся еще в списках 1824 г., около 20 раз предпосылался комедии в изданиях 1860—1912 гг. Однако ни в одном из авторизованных списков этого эпиграфа нет, нет и никаких других указаний на принадлежность его Грибоедову. В некоторых списках автором его назван А. И. Полежаев (см.: П. Краснов. Почему эпиграф к комедии «Горе от ума» не включается в современные издания.— «Литература в школе», 1966, № 4, стр. 77).

С 900-х годов в газетах и журналах появляются статьи и заметки Н. В. Шаломытова об истории создания и печатания «Горя от ума» [36]. Среди них нет ни одного значительного исследования, но благодаря деятельности и энергии Н. В. Шаломытова драгоценные рукописи «Горя от ума» — Музейная и Жандровская,— а также письма Грибоедова к Бегичеву поступили в московский Исторический музей.

В дальнейшей истории печатного текста «Горя от ума» важным моментом была публикация Музейного автографа под редакцией и с обильными примечаниями В. Е. Якушкина (М., 1903). Под сильным впечатлением этого издания оказалась редакторская работа Ю. Э. Озаровского. Подготовленный им текст комедии [37] является смесью позднейшего, Булгаринского текста

---

[36] К семидесятипятилетию «Горя от ума» в печати // Русские ведомости, 1908 г., 21 авг., № 193; К истории мытарства великой комедии. По поводу 80-летия «Горя от ума» на московской сцене // Новое время, 1910, № 12253 и 12260; Из неизданных материалов Д. А. Смирнова к биографии А. С. Грибоедова // Исторический вестник, 1909, III—IV; Неизданное предисловие Д. А. Смирнова к «Горю от ума» // Русская старина, 1909, II, и др.

[37] Пьесы художественного репертуара и постановка их на сцене. Вып. II. «Горе от ума». СПб., изд. М. Д. Мусиной, 1905.

с ранним, Музейным, причем редактор восстанавливал в тексте те варианты, которые сам Грибоедов отменил в окончательной редакции.

В 1912 г. в издании Л. Э. Бухгейм в Москве вышло издание Жандровской рукописи «Горя от ума» под моей редакцией, с моими примечаниями и вводной статьей. Никто из исследователей Грибоедова до того времени не изучал этой рукописи, что вредно отражалось на установлении точного текста комедии и на понимании ее истории. В сопоставлении с Жандровским текстом впервые раскрылось важное значение Булгаринского списка, прежде пренебрегаемого, а в результате получился важнейший вывод: из сопоставления Булгаринского списка с Жандровской рукописью становится очевидным, что творческая фантазия поэта выкристаллизовалась в твердые формы. На протяжении четырех лет, от Жандровской рукописи через первопечатные фрагменты к Булгаринскому списку, текст «Горя от ума» оставался неизменным. После этого пессимизм в отношении возможности установления твердого текста «Горя от ума» должен был рассеяться: сравнительное изучение трех главных рукописей комедии позволяет установить текст с не меньшей достоверностью как если бы комедия вся, и без цензурных вторжений была напечатана при жизни автора. Колебания стали возможны только в двух-трех словах из всего текста и в нескольких случаях с орфографией и пунктуацией. Однако известно, что даже личное наблюдение автора не спасает текст от мелких (и крупных) неточностей. В орфографии и пунктуации между списками наблюдаются колебания и разногласия, создававшиеся как переписчиками этих рукописей, так и самим Грибоедовым, не всегда последовательным в правописании. Впрочем, в громадном количестве и в наиболее характерных

случаях правописание обеих рукописей также совпадает.

Изучение и издание Жандровской рукописи наносило удар по гарусовскому тексту, который в течение сорока лет вводил в заблуждение исследователей и причинял большой вред, внося путаницу в текстовую и творческую историю «Горя от ума». Не зная Жандровской рукописи и не подозревая о ее высоком значении, единственного конкурента своему тексту Гарусов видел в Булгаринском списке, «недостоверность» которого он думал изобличить одним только буквальным воспроизведением его в печати.

Опубликование и исследование Жандровского текста открыло путь к научному установлению окончательного текста «Горя от ума». Это было сделано во втором томе академического издания сочинений Грибоедова [38]. Здесь мной был дан опыт восстановления подлинного текста (не без промахов первого опыта, которые выправлялись позднее).

Строгое следование двум тождественным авторизованным рукописям устраняет множество погрешностей, вкравшихся в прежние компилятивные издания, и воссоздает подлинный Грибоедовский язык, правописание, пунктуацию. Домыслы редакторов прежних изданий не раз приводили к искажениям и ошибкам в печатном тексте комедии. Например, Чацкий говорит о московском театрале: «Но *должников* не согласил к отсрочке» (II, 370). Старым редакторам такое словоупотребление представлялось непонятным и бессмысленным, и они эту фразу переделывали «по смыслу»: «Но *кредиторов* он не согласил к отсрочке»,— хотя

---

[38] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. II / Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова. СПб., издание Разряда изящной словесности имп. Академии наук, 1913.

«должников» стоит во всех авторизованных рукописях, начиная с Музейного автографа. В старинном словоупотреблении слово «должник» имело обоюдное значение: и тот, кто одолжает (кредитор) и тот, кто одолжается.

По авторизованным рукописям восстанавливаются черты живого московского говора, соблюденные автором, но уничтоженные в угоду литературному шаблону: «три дни», «у барышне», «у батюшке», «у докторше», «от испуги», «испуга» (именительный падеж), «испужал», «сурьезный». Восстанавливаются особенности старинного барского произношения иностранных слов: «жоке», «клоб», «рюматизм», «Бейрон», «карбонари». Некоторые из восстанавливаемых чтений придают новый смысл стиху. Так, знаменитое изречение Скалозуба о Москве читается в рукописях иначе, чем в традиционном печатном тексте; в печати: «дистанция огромного размера» (т. е. Москва далеко ушла от других столиц), а в рукописях — «дистанции огромного размера» (т. е. Москва обширна, в ней расстояния огромны). Фраза Софьи по поводу ушибленной руки Молчалина обычно передавалась: «пошлите к доктору», в рукописях же она интимнее: «пошлемте к доктору». В высказывании Чацкого о русском народе следует читать: «бодрый наш народ» (а не «добрый»). Характеристика сентиментализма Софьи в определении Молчалина ярче в подлиннике, чем в печатной вульгате: «*плачевной* нашей крали» (вместо «*печальной*»). Во многих случаях текст заметно выигрывает от восстановления подлинной авторской пунктуации. В монологе Чацкого прежде печаталось: «И прослывет у них мечтателем опасным». «Опасный мечтатель» — это одно понятие, один образ. А в рукописях: «мечтателем! опасным!!», т. е. даются два понятия, два образа, причем образ опасного при-

дает фразе бо́льшую вескость, значительность (ср. у Фамусова: «опасный человек!»).

Стремясь оттенить, усилить интонацию, Грибоедов прибегал к риторической пунктуации, к удвоению, даже к утроению знаков препинания (например в речи Молчалина: «Татьяна Юрьевна!», «С Татьяной Юрьевной!!», «Татьяна Юрьевна!!!»; обличительное, протестующее значение слов Чацкого оттеняется тройным восклицательным знаком: «Распроданы по одиночке!!!). В споре с Чацким, задавая ему колкий вопрос, Софья усиливает иронию обилием вопросительных интонаций:

Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?

Такая пунктуация усиливает лирический, патетический тон всей пьесы.

В приложении к окончательному тексту в академическом издании вновь напечатан текст Музейного автографа (с исправлением немногих оплошностей издания В. Е. Якушкина).

Текст, установленный в академическом издании, был принят театрами и перепечатывался в массовых изданиях (например в «Универсальной библиотеке» издательства «Польза». Изд. 3. М., 1918, в дешевом издании «Антика», 1914, в роскошном издании с рисунками Д. Н. Кардовского, 1913 и др.).

Однако и после академического издания 1913 г. возобновлялись прежняя путаница и произвол. В отзыве на издание профессор классической филологии и театровед Б. В. Варнеке [39] пытался защитить старые

---

[39] *Варнеке Б. В.* А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений / Под ред. Н. К. Пиксанова. Томы I и II // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1914. Т. XIX, кн. 2. С. 286—292.

взгляды и приемы, предложив составлять текст «Горя от ума» эклектически, из смеси Музейного автографа и Жандровской рукописи, высокого значения которой он вообще не понял. Предлагая те или иные «исправления» в тексте комедии по Музейному автографу, Б. В. Варнеке не учитывал того, что Музейный автограф есть *ранняя* редакция комедии, впоследствии основательно переделанная автором.

Характерны для старинного редакторского произвола высказывания Б. В. Варнеке о пунктуации. Подлинная Грибоедовская пунктуация замечательна: она выразительна, эмоциональна, дает богатство интонаций. Но Грибоедов бывал непоследователен и невнимателен к пунктуации. Редактор академического издания не скрыл этого от читателей; осталось место для споров и сомнений. Однако спорных пунктов немного, и они не так существенны; там, где нет твердой опоры на подлинный текст, знаки препинания избирались редактором осторожно, со средней мерой выразительности. Б. В. Варнеке же настаивал, чтобы редактор «привлек себе на помощь в этом специалиста-декламатора или послушал бы, как размечает комедию своей читкой В. Н. Давыдов». Но почему именно Давыдов, а не кто другой; Станиславский, например? И как быть редактору, если оба артиста уже скончались? — Ясно, что «декламационный» метод пунктуации — это все та же редакторская вкусовщина, с которой необходимо покончить. Мои возражения Б. В. Варнеке были напечатаны в том же органе [40].

---

[40] *Пиксанов Н. К.* По поводу отзыва об академическом издании сочинений А. С. Грибоедова // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1915. Т. XX, кн. 4. С. 18—23. См. также: Контекст 1984. М., Наука, 1986. С. 195–235.

Другой театровед и театральный постановщик, П. П. Гнедич, не ограничиваясь уже теоретическими высказываниями, сам осуществил издание «Горя от ума», дав полную волю вкусовщине и отсебятине. В 1919 г. он подготовил издание «Горя от ума» [41], в предуведомлении к которому было сказано: «Настоящий текст комедии представляет собой воспроизведение издания Академии наук 1913 года, причем внесены изменения, особенно в знаках препинания, в таком количестве: в первом акте — 410; во втором — 355; в третьем — 390; в четвертом — 420. Итого, настоящее издание отличается от академического 1575 поправками. В конце книги приложен ряд примечаний, объясняющих причины изменения текста того или другого стиха, а также предложены некоторые варианты».

Тысяча пятьсот семьдесят пять «поправок» — это так небывало много, что совершенно ясно: «театральный» текст П. П. Гнедича отнюдь не является «воспроизведением» издания Академии наук. Редакция П. П. Гнедича — явление своеобразное, и редактор академического издания ни в какой мере не может разделять ответственность за него с П. П. Гнедичем. А так как академическое издание является воспроизведением подлинного текста А. С. Грибоедова, то полторы тысячи «поправок» Гнедича направлены и против Грибоедова. Применяя недопустимый прием, П. П. Гнедич пишет: «академическое издание уводит со сцены одну Софью», «академическое издание пишет», «Академия поставила» и т. д., хотя П. П. Гнедич должен был бы знать, что все это делает не Академия, а сам Грибоедов. В этом легко убедиться, наводя справки в печатных изданиях

---

[41] *Грибоедов А. С.* Горе от ума. Редакция театрального текста и примечания П. П. Гнедича. Пб., 1919.

трех грибоедовских рукописей и в приложенных к ним факсимильных снимках, или непосредственно по подлинникам в архивах. Однако три драгоценные рукописи «Горя от ума» П. П. Гнедич пренебрежительно называет «рукописями, просмотренными автором», или «воспроизведенными писарским почерком», хотя критик обязан был знать, что Музейная рукопись есть подлинный автограф Грибоедова, что Жандровская рукопись вся тщательно выправлена рукой Грибоедова и в ней имеются целые страницы, писанные самим автором. Много раз Гнедич упоминает «Румянцевскую рукопись», которой не существует.

При такой неосведомленности и небрежности П. П. Гнедич усердно создает свои полторы тысячи «поправок», искажающих подлинный текст «Горя от ума». Основания для этого — чисто субъективные и вкусовые. Например: «Академическое издание в первом монологе Фамусова вместо „все они с прискорбьем вспоминают" пишет „прискорбно". Думаю, что первое лучше»,— заявляет П. П. Гнедич. Почему лучше,— не поясняет, но вносит «поправку» — вопреки всем трем грибоедовским рукописям. Знаменитый монолог Чацкого «А судьи кто?» стоил драматургу огромного труда. Он дошел до нас в четырех последовательных редакциях; окончательная разработана более полно, она обширнее, стройнее, яснее. Но Гнедичу она не нравится, и он зачеркивает ее первую половину и вставляет кусок из первоначальной редакции.

Своеобразная, выразительная подлинная пунктуация Грибоедова, богатая эмоциональными знаками, также пришлась не по душе подготовителю «театрального» текста. Приведя стих: «От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!» (д. I, 94), Гнедич рассуждает: «Зачем? Достаточно тут поставить запятые»,— не ду-

мая о том, что так расставил знаки сам Грибоедов. «Я совершенно не согласен,— восклицает Гнедич,— со знаком препинания, что ставит академическое издание в 111 стихе:

Уж о твоем ли не радели
О воспитаньи! с колыбели!» —

и «поправляет» (Грибоедова!): «О воспитаньи с колыбели?»

Произвольно изменяя пунктуацию Грибоедовского текста, единственным и достаточным аргументом редактор считал ссылку на того или иного выдающегося актера, который соответствующим образом интонировал реплику. «Такие знатоки декламации,— писал П. П. Гнедич в примечаниях к своему изданию,— как Щепкин, Самарин, Сосницкий, Давыдов, Ленский, Южин,— выработали известный канон, дали нам известную традицию. С этой традицией следует считаться несравненно больше, чем со знаками препинаний в рукописях, воспроизведенных писарским почерком» (стр. 88). Однако отразившаяся в этих рукописях творческая воля самого автора не может быть заменена волей актеров — хотя бы потому, что актерская традиция текуча, нигде не закреплена, устанавливается устным преданием со всеми его случайностями и относится не к тексту пьесы, а к общим приемам ее сценического исполнения. По всем этим причинам руководствоваться актерской традицией при издании драматических произведений практически невозможно, да Гнедич по существу этого и не делает, опираясь всецело на собственный произвол. Несостоятельной была самая идея П. П. Гнедича — дать за автора особый «театральный» текст комедии, ибо текст, предназначенный для театра, ничем не должен отличаться от текста, установленного научно. В издании для театра важно иметь только

театральный комментарий, а не «театральный текст» [42].

Сугубо экспериментальным изданием была вышедшая в Париже книга В. Л. Бурцева [43]. Исходя из того, что до нас не дошло ни одной тщательно обработанной авторской рукописи «Горя от ума» или хотя бы тщательно сделанной с нее копии, редактор ставил себе задачей, бережно относясь к каждому слову Грибоедова, «не следовать слепо, без критики, за литературной формой, в которой Грибоедов оставил нам свое произведение» (стр. 16). Вслед за обширным «Введением», в первой части издания приводится текст «Горя от ума» (только I действия), каким редактор считал нужным дать его для широкой публики после изучения всех дошедших источников, а во второй — разночтения разных рукописей и печатных изданий, служившие редактору материалом для его выводов.

Еще большим, чем у Бурцева, произволом редакционных приемов отличается издание «Горя от ума», подготовленное Е. А. Ляцким (Стокгольм, 1921).

Вероятно, чтоб упростить задачу установления текста комедии, столь усложненную и по-разному разрешаемую исследователями, К. И. Халабаев и Б. М. Эйхенбаум в своем издании «Горя от ума» [44] перепечатали с исправлениями Булгаринский список.

В том же году под моей редакцией «Горе от ума» вышло в Госиздатовской серии «Классики русской ли-

---

[42] Подробнее об издании П. П. Гнедича см.: *Пиксанов Н. К.* Рецидив редакторской безграмотности // Научные известия: Сборник второй. Философия. Литература. Искусство. М., 1922. С. 241—255. Перепеч. в сб.: Контекст–1984. С. 208—223.

[43] *Грибоедов.* Горе от ума. (Горе уму). Комедия в стихах (в 4-х действиях) / Под ред., с примеч. и вступ. ст. В. Л. Бурцева. (Первое действие.) Вып. 1. Париж, 1919.

[44] *Грибоедов А. С.* Горе от ума. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

тературы» [45]. В 1928 г. издана моя монография о текстовой и творческой истории «Горя от ума» [46]. Книга эта направлялась против скептицизма в отношении текста «Горя от ума», вследствие которого и возникали странные издания Гнедича, Бурцева и др.

В дальнейшем «Горе от ума» издавалось в серии «Русские и мировые классики», редактировавшейся А. В. Луначарским и мной [47]. Результатом нового пересмотра текста пятого издания этой серии по всем источникам было издание 1938 г. под моей редакцией [48].

Ряд изданий «Горя от ума» вышли под редакцией В. Н. Орлова [49]. Комедия Грибоедова печаталась в них по тексту Булгаринского списка с отдельными исправлениями по Музейному автографу и Жандровской рукописи.

После юбилея 1945 года кабинет театра Островского и русской классики Всероссийского театрального общества подготовил к печати новое издание «Горя от ума», выпущенное со специальным назначением: для театра — для постановщиков, актеров, театральных

---

[45] *Грибоедов А. С.* Горе от ума / Ред. Н. К. Пиксанова. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

[46] *Пиксанов Н.* Творческая история «Горя от ума». М.; Л., 1928.

[47] *Грибоедов А. С.* Горе от ума / Ред., введ. и комм. Н. К. Пиксанова. Изд. 1—5. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1927—1932.

[48] *Грибоедов А. С.* Горе от ума. Л.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1938.

[49] *Грибоедов А. С.* Сочинения / Ред. В. Орлова. Л.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1940. Изд. 2-е. Л., 1945; *Грибоедов А. С.* Сочинения в стихах / Вступ. ст., подг. текста и прим. В. Орлова. Л.: Сов. писатель, 1951 (Библиотека поэта. Большая серия); *Грибоедов А. С.* Избр. произв. Л.: Сов. писатель, 1952 (Библиотека поэта. Малая серия); *Грибоедов А. С.* Сочинения / Подг. текста, предис. и комм. Вл. Орлова. М.: Гослитиздат, 1953; то же — М., 1956; М.; Л., 1959.

художников и других работников театра [50]. Первоочередной задачей было предоставить театрам предельно точный текст «Горя от ума», публикация которого сопровождается моей текстологической статьей. Статьи В. А. Филиппова и Н. С. Ашукина анализируют язык комедии и отраженный в ней быт старого московского барства. Этапы, итоги и проблемы сценической истории «Горя от ума» сжато излагает моя статья. Многочисленные иллюстрации воспроизводят постановки «Горя от ума», имеющие историческое значение. Книга вызвала рецензию Л. П. Гроссмана [51], с критической оценкой также и установленного мною текста «Горя от ума», однако кроме двух-трех замечаний, заслуживающих внимания, основные положения рецензента принять невозможно: Л. П. Гроссман настаивал на якобы существующем особом — «театральном» тексте комедии, основывающемся на звучании ее со сцены.

Последнее по времени издание комедии Грибоедова на русском языке осуществлено среди стихотворных сочинений А. С. Грибоедова в Большой серии «Библиотеки поэта» (второе издание) [52]. Книга открывается содержательной статьей И. Н. Медведевой, прослеживающей исторические и идейно-творческие предпосылки создания «Горя от ума». В примечаниях (стр. 487) положение с источниками текстов Грибоедова характеризуется как «крайне неблагополучное» и таким образом воскрешается негодная легенда о недостоверности

[50] *Грибоедов А. С.* Горе от ума. Пьеса, статьи, комментарии / Под ред. Н. Пиксанова и Вл. Филиппова. М.: Искусство, 1946.

[51] *Гроссман Л.* Книга о комедии Грибоедова // Театр, 1947, № 7. С. 60—64.

[52] *Грибоедов А. С.* Сочинения в стихах / Вступ. ст., подг. текста и примеч. И. Н. Медведевой. Л.: Советский писатель, 1967. (Библиотека поэта. Большая серия).

печатного текста «Горя от ума». Текст печатается по Жандровской рукописи, с учетом позднейших разночтений Булгаринского списка (на стр. 491 замечается тенденция принизить его значение в качестве источника текста) и поправками по автографу. В итоге этот способ не дает ничего существенно отличающегося от того текста комедии, который был установлен мною в 1913 г. Полностью напечатана ранняя редакция «Горя от ума», однако точного движения всех вариантов эта публикация не отражает.

Вся полуторастолетняя история текста «Горя от ума» есть история искажений авторского текста и борьбы с этими искажениями. В искажениях участвовали и цензоры, и актеры, и постановщики, и критики, и литературоведы-текстологи. Многое объяснялось «объективными» причинами: принуждениями цензуры, отсутствием авторизованных рукописей, неразработанностью основ текстологии. В настоящее время все это изжито. Все основные грибоедовские рукописи не только разысканы и доступны для повторных изучений в архивах, но и опубликованы в основательных научных изданиях. Многие важные источники оказались утерянными: не сохранились, например, черновики «Горя от ума»; исчезли посредствующие редакции, погиб список комедии, вероятно, находившийся у Грибоедова в Тегеране перед катастрофой 1829 г. Для набора в «Русскую Талию» и еще раньше — для представления в цензуру, вероятно, был сделан особый список, авторизованный Грибоедовым, но и он до нас не дошел.

Но и при наличии трех авторизованных рукописных текстов и текста первопечатного мы получаем богатые данные для творческой истории комедии и прежде всего — для установления ее окончательного текста.

С Грибоедовым и его шедевром случилось то, что случается не всегда: творческая воля поэта осуществилась полностью в рукописном тексте, и этот текст дошел до нас в желанной полноте и точности. И хотя при жизни Грибоедова не состоялось полного издания его комедии,— текст «Горя от ума» в его окончательной авторской редакции установлен тверже, чем, например, тексты «Евгения Онегина» или «Мертвых душ», издававшихся при жизни своих авторов.

* * *

В основу моей редакторской работы над текстом «Горя от ума», проводившейся в течение многих лет и с наибольшей обстоятельностью отраженной во II томе Полного собрания сочинений Грибоедова (СПб., 1913), легло изучение трех вышеназванных авторизованных рукописей, а также текста альманаха «Русская Талия» и огромного количества списков комедии. Изучение всех этих рукописей дало возможность установить последовательность и филиацию рукописных изводов, определить аутентичность и ценность тех или иных вариантов и устранить подделки. Строгое следование авторизованным рукописям позволило устранить из текста комедии множество погрешностей, вкравшихся в прежние компилятивные издания.

Предлагаемое издание «Горя от ума» рассчитано на широкий круг читателей. Основное его задание — научно-текстологическое: с возможной точностью и полнотой установить окончательный текст гениального произведения Грибоедова и рядом с этим дать ранний текст и варианты комедии как необходимый документ творческой истории «Горя от ума». В таком назначении это издание прежде всего адресуется ученым — литературоведам. Но «Горе от ума» — достояние широких

кругов читателей. Ближайшим образом это — школа, высшая и средняя, с ее преподавателями, студентами, школьниками, деятели театра — постановщики и актеры. Вместе с тем, великое произведение обращается к читателям не только многонациональной родной страны, но и иных стран. Бессмертная комедия второе столетие не сходит с репертуара русских в том числе советских театров, а также театров иностранных. Это служение мировой культуре обязывает нас создать вокруг «Горя от ума» обширный комментарий, который ответил бы нуждам разных категорий читателей. Поэтому в нашем издании предлагаются статьи и примечания, касающиеся большого круга вопросов.

Однако такой материал не претендует и не может претендовать на исчерпывающую полноту. В нашем издании мы стремились поставить и посильно разрешить только основные проблемы, связанные с эстетическим, идейным, педагогическим и подобными значениями произведения Грибоедова. Мы стремились при этом использовать все лучшее из обширной специальной литературы о Грибоедове, не избегая порою и полемики с ошибочными взглядами.

Настоящее издание является итогом моих длительных работ, начиная с 1903 года.

Текст снова перепроверен по главным источникам: Булгаринскому и Жандровскому спискам, Музейному автографу и первопечатному тексту «Русской Талии». Булгаринский список важен как самый поздний, а Жандровский — как содержащий большое число поправок, внесенных рукой самого автора. Значение Музейного автографа, представляющего собой раннюю редакцию текста, впоследствии основательно переделанную автором, а также отрывочной публикации в «Русской Талии», сильно искаженной цензурой, разумеется,

Действие	Стих	Чтение Булгаринской рукописи	Исправлено	Источник исправления
Список «Действующие»		Г. N.	Г. Н.	См. в примечаниях.
I	48	Фамусов	Фамусов *(зажимает ей рот)*	Музейный автограф, Жандровская рукопись.
	56	Фамусов	Фамусов *(торопливо)*	То же
	303	К вам Александр Андреич Чацкий.	К вам Александр Андреич Чацкий. *(Уходит)*	»
	416	Лиза	София	Музейный автограф.
II	408	упал, убился! —	упал, убился! — *(Теряет чувства)*	» »
III	148	*за нею Лиза*	*за нею и Лиза*	Музейный автограф, Жандровская рукопись, «Русская Талия».
	292	Платон Михайлович	Платон Михайлович *(со вздохом)*	
IV	376	*отталкивает*	*отталкивает его*	Жандровская рукопись.
	460	Я постараюсь. в набат я приударю,	Я постараюсь, я, в набат я приударю,	Музейный автограф, Жандровская рукопись.

намного ниже. Показания этих источников принимались во внимание в случае расхождения между двумя основными списками.

О разночтениях между перечисленными четырьмя источниками можно судить из раздела вариантов. (Текст Музейного автографа печатается в книге целиком.)

Ниже приводятся наиболее существенные (кроме орфографических, пунктуационных и случаев явных ошибок) из исправлений, внесенные в текст настоящего издания сравнительно с Булгаринской рукописью (см. таблицу на стр. 442).

Особенность Булгаринского списка составляет некоторая скупость в постановке знаков препинания, вследствие чего в ряде мест подчас отсутствуют совершенно необходимые знаки. В этих случаях подготовителям настоящего издания приходилось проставлять знаки, сообразуясь со смыслом, а также исходя из других источников текста.

В нескольких случаях прилагательные мужского рода в именительном падеже имеют в списке окончания *-ой* — вместо *-ый* (напр. «не надутой» — I, 417, «он человек заметной» — III, 396), которые мы не сохраняли даже в случае рифмовки со словами на *-ой*, так как фонетически рифма при любом написании остается достаточно полной.

В подготовке издания принимал деятельное участие текстолог и комментатор А. Л. Гришунин. Ему принадлежит перепроверка обеих редакций «Горя от ума» по первоисточникам, подготовка вариантов, компоновка материалов и отдельные справки в комментариях, новые библиографические материалы и участие в общей монтировке книги. Приношу ему за это мою благодарность.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОТОТИПЫ «ГОРЯ ОТ УМА»

Сведений о реально существовавших лицах, послуживших прототипами «Горя от ума», имеется много, но достоверность их невелика. От самого Грибоедова, в его бумагах и сочинениях, до нас не дошло никаких указаний по данному вопросу, и все, чем мы располагаем, — сбивчивые, неточные и противоречивые показания современников, часто из вторых и третьих рук. Так, Р. М. Зотов рассказывает: «Когда Грибоедов приезжал в Петербург с Кавказа до отправления своего в несчастное персидское посольство, где он так печально погиб для отечества и литературы, он многим, в том числе актеру Сосницкому, рассказывал, на какие именно лица он писал роли своей комедии. Он взял все эти типы в Москве, кроме одного Репетилова, который долго служил в Петербурге. Грибоедов описывал характеристику каждого лица, образ его жизни, привычки и приемы, так что «Горе от ума» должно было иметь в свое время двойную занимательность. Теперь эти предания исчезли; едва ли кто знает эти типы, а актеры, играющие их, — всего меньше» (*Зотов Р. М.* Театральные воспоминания. СПб., 1860. С. 84). Конечно, бытовые и психологические черты своих героев Грибоедов списывал с натуры, с представителей русского, в частности московского общества. В воспоминаниях С. Н. Бегичева сохранился рассказ о том, как Грибоедов, приехав в 1823 г. с Кавказа в Москву, усиленно изучал московское общество и с этой целью «пустился в большой московский свет, бывал на всех балах, на всех праздниках, пикниках и собраниях, по дачам и проч., и проч.» («Русский вестник», 1892, № 8, стр. 306). Но, разумеется, в художественных образах поэта не было простого копирования

с определенных лиц, хотя яркая типичность его героев невольно вызывала в современниках догадки об их оригиналах. Такие догадки начались сразу, как только комедия стала известна в Москве, т. е. с 1823 г. В Москве открылась настоящая охота за прототипами грибоедовских героев, и этим была очень встревожена сестра драматурга, Мария Сергеевна. Впоследствии она рассказала Д. А. Смирнову: «Я предупреждала Александра, что он с комедией наживет кучу врагов себе, а еще более мне, потому что станут говорить, что злая Грибоедова указала брату на оригиналы.— „Да какие же оригиналы?“ — спросил он. — Помилуй, да ведь твои Тугоуховские разве не Ш-х-ские? — „Я твоих Ш-х-ских не знаю“, — отвечал он» (Русский архив, 1874, VI, с. 1555).

К. Полевой, современник и знакомый Грибоедова, хорошо знавший московское общество, в предисловии ко второму изданию «Горя от ума» (1839, стр. XXII—XXIII) писал: «Поэт так умел очертить свои лица, что мы, кажется, видим их перед собою. Многие хотели отыскивать их в обществе и называли по именам некоторых известных людей, будто бы изображенных Грибоедовым. Труд тщетный, но однако ж он служил доказательством верности изображений... Забавно, что в Москве, где происходит действие комедии, называли Фамусовым, Скалозубом, Репетиловым то одно, то другое лицо, и нам случалось слышать даже споры, где один утверждал, что Грибоедов изобразил такого-то, а другой доказывал, что напротив такого-то. Ошибались и тот, и другой». В. К. Кюхельбекер, ознакомившись в своем тюремном заключении с некоторыми догадками критиков относительно прототипов «Горя от ума», отмечал в дневнике в 1833 г.: «...Грибоедов писал „Горе от ума“ почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано, знаю, что поэт никогда не был намерен писать подобные портреты: его прекрасная душа была выше таких мелочей» (*Кюхельбекер В. К.* Дневник, Л., 1929, С. 91).

Все те указания на прототипы «Горя от ума», которые имеются в грибоедовской литературе, следует принимать не в прямом, а в условном значении, т. е.

что то или другое лицо из числа современников Грибоедова похоже более или менее на того или иного героя комедии и могло дать ту или другую черту для выведенного художественного типа, причем, конечно, в большинстве случаев поэт отвлекал характерные типичные черты от многих лиц и свободно их комбинировал.

Прототипом Фамусова (от лат.: fama — молва) называли дядю Грибоедова, Алексея Федоровича. Сам поэт в отрывке «Характер моего дяди» так изображает его: «Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующим, характер моего дяди. Историку предоставляю объяснить, почему в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэллировались, но всякий пылал непреодолимою страстью обманывать женщин в любви, мужчин в карты или иначе; по службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанном ни на какой истине; но за то как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы — спутники до первого затмения! Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравоучений: „*я*, брат!“». Нельзя не признать, что самый тон этой характеристики близко напоминает монологи Чацкого, обращенные к Фамусову. «Образец нравоучений» дяди поэта „*я*, брат!“ воспроизводится в словах Фамусова: «Мы, например...» (д. II, 65). А. Ф. Грибоедова же напоминают слова Чацкого: «Не тот ли, вы к кому меня еще с пелен, для замыслов каких-то непонятных, дитей возили на поклон». Сохранился рассказ С. Н. Бегичева, что именно так поступал с юношей-Грибоедовым его дядя. Широкое гостеприимство Фамусова также напоминает Грибоедова-дядю, о котором К. Н. Батюшков писал Н. И. Гнедичу в феврале

1810 г.: «Сегодня ужасный маскарад у г-на Грибоедова, вся Москва будет». Но, разумеется, сходство не идет далее нескольких черт — психологических и бытовых. В Фамусове столько типичного, что в нем узнавались черты многих московских бар.

По связи с А. Ф. Грибоедовым, предполагаемым прототипом Фамусова, в его же семье искали прототип С о ф ь и. Возможно, некоторые черты Софьи Павловны Фамусовой напоминают одну из двух дочерей А. Ф. Грибоедова, Софью Алексеевну, вышедшую замуж за С. А. Римского-Корсакова, но совершенно невероятно, чтобы драматическая ситуация Софьи Фамусовой была подсказана обстоятельствами в семье А. Ф. Грибоедова. Автор «Горя от ума» был так тесно связан с семьей своего дяди, так дружен со своими двоюродными сестрами, что никогда не решился бы подобные обстоятельства сделать мотивом сценической интриги.

Догадок о прототипе М о л ч а л и н а современниками высказано много. В. В. Каллаш сообщил, что на полях одной старинной рукописи «Горя от ума» им был назван некто Полуденский, секретарь почетного опекуна Лунина (Русский архив, 1905, № 5, стр. 175—176). Кроме этого свидетельства мы располагаем еще только одним глухим указанием А. Н. Веселовского: «Молчалин срисован с одного усердного посетителя всех знатных прихожих, умершего уже давно в сане почетного опекуна» (Русский архив, 1874, № 6, стлб. 1540).

Лицом, на которое указывали как на прототип Ч а ц к о г о, был П. Я. Чаадаев. Об этом говорили уже осенью 1823 г., когда комедия впервые стала известной в рукописи. Пушкин писал П. А. Вяземскому из Одессы в декабре 1823 г.: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Л., 1937. Т. 13. С. 81). Слух об осмеянии Чаадаева оказался вздорным, в чем Пушкин убедился, как только прослушал «Горе от ума» в чтении И. И. Пущина в Михайловском в январе 1825 г. Но сближение Чацкого с Чаадаевым сохранилось в устной, потом в пе-

чатной традиции. И. Д. Гарусов поместил даже в своем издании «Горя от ума» (1875) особое рассуждение «Прототип Чацкого — Чаадаев», но не привел в доказательство этой мысли никаких фактических данных. Позднее Гарусова на сходстве Чацкого с Чаадаевым настаивал А. И. Кирпичников (П. Я. Чаадаев. По новым документам // Русская мысль. 1896, № 4. С. 154—155), ссылаясь на то, что в стихотворении Ф. Н. Глинки о Чаадаеве сказано, что он «пил из чаши жизни муку и выпил горе от ума», а также на то, что в пьесе Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву» Чацкий изображен плешивым. Ему возражал А. И. Маркевич (Филологические записки, 1897, № 2). Ряд новых наблюдений о Чаадаеве как прототипе Чацкого сделал Ю. Н. Тынянов в статье «Сюжет „Горя от ума“» (см.: ЛН. М., 1946. Т. 47—48. С. 161—172). Там же (С. 173—176) развернута аргументация об отражении в образе Чацкого характера и биографии В. К. Кюхельбекера. О значении Кюхельбекера, вернувшегося из-за границы, опального, неудачливого — для конструирования образа Чацкого и деталей «Горя от ума» Ю. Н. Тынянов писал также в статье «Французские отношения Кюхельбекера» (ЛН. М., 1939. Т. 33—34. С. 360—361).

Несомненно, что в образе Чацкого отразились подлинные черты характера и воззрений самого Грибоедова, каким он рисуется в его переписке и в воспоминаниях современников: горячий, порывистый, подчас резкий и независимый. В речи Чацкого Грибоедов вложил все лучшее, что сам думал и чувствовал. Можно с несомненностью сказать, что взгляды Чацкого на бюрократию, жестокости крепостного права, подражание иноземцам и т.п. — подлинные взгляды Грибоедова. Любопытно, что в жизни Грибоедов говорил словами Чацкого; когда в следственной комиссии по делу декабристов его спросили, почему он «неравнодушно желал русского платья», Грибоедов отвечал письменно: «Русского платья желал я потому, что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отечественных нравов, сердцу моему чрезвычайно любезных» (*Щеголев П. Е.* А. С. Грибоедов и декабристы. По архивным материалам. СПб., 1905. С. 17).

По рассказу некоей Новосильцевой, Грибоедов сам однажды попал в ситуацию, сходную с изображенной им в пьесе,— когда по Москве распространился слух, будто он сошел с ума, и встревоженные друзья спешили его навестить, чтобы проверить справедливость слуха. Одному из этих друзей, Ф. Я. Эвансу, Грибоедов «рассказал, тревожно ходя взад и вперед по комнате, что дня за два перед тем был на вечере, где его сильно возмутили выходки тогдашнего общества, раболепное подражание всему иностранному и, наконец, подобострастное внимание, которым окружали какого-то француза, пустого болтуна. Негодование Грибоедова постепенно возрастало и, наконец, его нервная, желчная природа высказалась в порывистой речи, которой все были оскорблены. У кого-то сорвалось с языка, что «этот умник» сошел с ума, слово подхватили, и те же Загорецкие, Хлестовы, гг. N. и D. разнесли его по всей Москве.

— Я им докажу, что я в своем уме, — продолжал Грибоедов, окончив свой рассказ. — Я в них пущу комедией, внесу в нее целиком этот вечер: им не поздоровится. Весь план у меня уже в голове, и я чувствую, что она будет хороша» (А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 333).

Наконец, если не прототипом, то типом для Чацкого могли служить многие декабристы.

Яркая типичность образа С к а л о з у б а поощряла современников к бесконечным предположениям о его оригинале. Смутное московское предание считало таковым Сергея Александровича Римского-Корсакова, женившегося на Софье Алексеевне Грибоедовой, которую в свою очередь называли прототипом Софьи Фамусовой (*Гарусов И. Д.* — издание 1875 г. С. 260; *Оболенский Д. Д.* — Русский архив, 1895, № 3. С. 366 и др.). По другой версии, оригиналом Скалозуба следует считать полковника (или генерала) Фролова (*Стахович А. А.* Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 153—154, *Филипсон Г. И.* Русский архив, 1883. Т. III. С. 255). Третьи называли прототипом Скалозуба И. Н. Скобелева (Петербургская газета, 1873 г., 14 авг., № 55; Голос, 1867 г., 5 дек., № 331).

А. Н. Веселовский, основывавшийся на изустной

московской традиции, писал: «Относительно лица, послужившего оригиналом Скалозуба, были разные мнения. Одни видели в нем Паскевича, другие с несколько бо́льшим основанием лицо, еще выше поставленное в управлении армии» (намек на Аракчеева или на великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I). Но здесь же А. Н. Веселовский заявляет: «Сергей Сергеевич Скалозуб, воплотивший в себе тип фрунтовика-служаки, какими кишели в то время войска, разумеется, снят с натуры и, хотя потом подновлен несколькими чертами, взятыми у *одной* определенной личности (именно дивизионного генерала Фр-л-ва), представляет как бы собирательный характер, в котором обрисован целый класс подобных людей» (Русский архив, 1874, № 6, стлб. 1534—1535).

Есть сведения о том, что тип Скалозуба автор «Горя от ума» наблюдал еще в юности, среди офицеров Иркутского полка, в котором Грибоедов служил. (*Альбовский Е.* История Иркутского полка, ч. II. Минск, 1902). Декабрист Н. Лорер говорит, что вызвавший бунт Семеновского полка (1820) полковник Шварц был «человек без всякого образования, тип Скалозуба в «Горе от ума». До той же поры он командовал армейским полком и отличался своею строгостью, формалистикой, ни о чем больше не умел говорить, как о ремешках, пригонке аммуниции, выправке и проч.» (*Лорер Н.* Из записок декабриста // Русское богатство, 1904, № 3. С. 61). Декабрист И. Д. Якушкин заявляет: «На каждом шагу встречались Скалозубы не только в армии, но и в гвардии, для которых было непонятно, чтобы из русского человека возможно выправить годного солдата, не изломав на его спине нескольких возов палок». (*Якушкин И. Д.* Записки. М., 1905. С. 18).

Наиболее единодушны современники и историки в определении прототипа Анфисы Ниловны Х л ё с т о в о й. Ее оригиналом называют Настасью Дмитриевну Офросимову, большую московскую барыню, известную своим умом, крутым характером, откровенностью и причудами. Она была чрезвычайно популярна в большом обществе допожарной Москвы, и о ней сохранилось много рассказов и анекдотов. Д. Н. Свербеев передает

любопытные подробности об одной из встреч с Офросимовой: «Возвратившись в Россию из-за границы в 1822 году и не успев еще сделать в Москве никаких визитов, я отправился на бал в Благородное собрание; туда по вторникам съезжалось иногда до двух тысяч человек. Издали заметил я сидевшую с дочерью на одной из скамеек между колоннами Настасью Дмитриевну Офросимову и, предвидя бурю, всячески старался держать себя от нее вдали, притворившись, будто ничего не слыхал, когда она на ползалы закричала мне: „Свербеев! поди сюда!" Бросившись в противоположный угол огромной залы, надеялся я, что обойдусь без грозной с нею встречи, но не прошло и четверти часа, как дежуривший на этот вечер старшина, мне незнакомый, с учтивой улыбкой пригласил меня идти к Настасье Дмитриевне. Я отвечал: „сейчас". Старшина, повторяя приглашение, объявил, что ему приказано меня к ней привести.— „Что это ты с собой делаешь? Небось, давно здесь, а у меня еще не был! Видно, таскаешься по трактирам, да по кабакам, да где-нибудь еще хуже,— сказала она,— оттого и порядочных людей бегаешь. Ты знаешь, я любила твою мать, уважала твоего отца" ...и пошла, и пошла! Я стоял перед ней, как осужденный к торговой казни, но как всему бывает конец, то и она успокоилась». (*Свербеев Д. Н.* Записки. М., 1899. Т. I. С. 262—263). «Старуху-Хлёстову я хорошо помню,— пишет другой мемуарист: — это была Настасья Дмитриевна Офросимова; ⟨...⟩ ее же под именем Марии Дмитриевны Ахросимовой, описал в «Войне и мире» граф Л. Н. Толстой. Офросимова была одного с нами прихода Иоанна Предтечи в Старой Конюшенной; она строго блюла порядок и благочиние в церкви, запрещала разговоры, громко бранила дьячков за непристойное пение, или за нерасторопность в служении; дирала за уши (как Чацкого) мальчиков, выходивших со свечами при чтении Евангелия и ходивших с тарелочкою за свечным старостой, держала в решпекте и просвирню. К кресту Офросимова всегда подходила первою, раз послала она дьячка к незнакомой ей даме, которая крестилась в перчатке, громко, на всю церковь, дав ему приказание: „Скажи ей, чтоб сняла собачью шкуру!"» (*Стахович А. А.* Указ.

соч. С. 154; см. также: *Гершензон М.* Грибоедовская Москва. Изд. 2-е. М., 1916. С. 107—111). Прикрепление Хлёстовой к оригиналу Офросимовой — одно из самых убедительных в литературе о прототипах грибоедовских героев, хотя есть и другие указания на прототипы Хлёстовой, которую близко напоминают, например, душевный облик и внешнее поведение самой матери поэта, Настасьи Федоровны Грибоедовой (см. Русское слово, 1859, № 4, С. 1).

По сообщению А. Н. Веселовского, основанному на московской традиции, оригиналом Репетилова (от лат.: repeto — повторяю) послужил Николай Александрович Шатилов, с которым Грибоедов служил в Московском гусарском, а потом в Иркутском гусарском полку. «Господин этот, по словам Бегичева, был добрый малый, очень пустой и одержимый несчастной страстью безпрестанно острить и говорить каламбуры. Этим наконец он так надоел Грибоедову, что тот купил альманах анекдотов Биевра и как только тот каламбур, к нему сейчас обращался с вопросом: „На какой странице?“ — Свое, ей богу, свое,— отвечал он всегда. Остряк этот был в Москве, когда Грибоедов привез туда оконченную комедию. Автор сам прочел ему роль Репетилова. Тот расхохотался, говоря: „Я знаю, на кого ты тут метишь! — На Чаадаева“...» (Русский архив, 1874, VI, стлб. 1555).

В указаниях на оригиналы Загорецкого имеется несколько вариантов. И. Д. Гарусов, специально собиравший на этот счет сведения, писал, что «одни признавали в нем только что начинавшего свою карьеру, ловко втиравшегося в знать, не брезгавшего никакими средствами для наживы московского и ярославского откупщика А-ва 〈...〉, другие видели в нем тоже откупщика, но московского, *-ва, впоследствии ставшего крупным капиталистом. Третьи думали, что выведен в Загорецком один из содержателей игорных домов, шулер, обыгрывавший всех наверняка...» (издание 1875 г. С. 371—372). В качестве иного оригинала Загорецкого еще ранее был указан третьестепенный литератор А. Элькан (см.: *Л.* 〈*ернер*〉 *Н.* Прототип Загорецкого.— Русская старина, 1908, № 12. С. 607—613). По словам А. Н. Веселовского, «для определения

оригинала Загорецкого существует более разнообразных предположений, чем относительно других действующих лиц. Явный признак, что современное общество изобиловало темными личностями в этом роде. С наибольшим правдоподобием до сих пор указывали на Арс. Барт-ва» (Русская библиотека, вып. V, изд. 2. С. 158). Разных лиц называют также прототипом Платона Михайловича. «В лице добродушного и неповоротливого, честного малого Платона Михайловича Горичева,— писал А. Н. Веселовский,— Грибоедов не задумался изобразить своего старого приятеля и родственника, Илью Ивановича Огарева и, по старым рассказам, сам же приехал к другу и признался, что вставил его в свою комедию» (Русский архив. 1874, VI, стлб. 1540). С Огаревым Грибоедов встречался на Кавказе, где тот служил на военной службе. Впоследствии Огарев был архангельским и пермским губернатором.

Другим прототипом Платона Михайловича называли Дмитрия Никитича Бегичева, с которым Грибоедов был дружен, как и с его братом, С. Н. Бегичевым. «Дмитрий Никитич, отличавшийся необычайным добродушием в обхождении, казалось, должен был навсегда оставаться добрым московским семьянином» (*Полевой К. А*. Записки. СПб., 1888. С. 297), но потом он получил место губернатора в Воронеже. Племянница Бегичевых, Е. П. Соковнина, возражала К. А. Полевому, ссылаясь на энергично-деятельный характер Д. Н. Бегичева. Молву же об изображении Д. Н. Бегичева в роли Платона Михайловича она объясняет одной случайностью: «В 1823 г. А. С. Грибоедов гостил летом в деревне друга своего Степана Никитича Бегичева, и здесь исправлял и кончал свою бессмертную комедию, поселясь в саду, в беседке, освещаемой двумя большими окнами. Д. Н. Бегичев в это лето приехал к брату с своей женою. Раз Грибоедов пришел в дом к вечернему чаю и нашел обоих братьев Бегичевых сидящими у открытого окна в жаркой беседе о давно прошедших временах. Так как вечер был очень теплый, то Дмитрий Никитич расстегнул жилет. Жена его Александра Васильевна, урожденная Давыдова, несколько раз подходила к нему, убеждая застегнуть

жилет и ссылаясь на сквозной ветер. Д. Н., увлеченный разговором, не обращал внимания на ее просьбы, и, наконец, с нетерпением воскликнул: „Эх, матушка!“ и, обратясь к брату, сказал: „А славное было время тогда! А. С. Грибоедов, безмолвный свидетель этой сцены, расхохотался, побежал в сад, и, вскоре за тем принеся свою рукопись, прочел им сцену между Платоном Михайловичем и Натальей Дмитриевной, только что им написанную, прибавив при этом: «Ну, не подумайте, что я вас изобразил в этой сцене; я только что окончил ее перед приходом к вам“. Конечно, все смеялись, и так как этот маленький эпизод был передан Д. Н. Бегичевым братьям его жены и, между прочим, Денису Васильевичу (Давыдову, поэту.— *Н. П.*), словоохотливому весельчаку, то не мудрено, что стоустая молва поспешила разнести весть, что А. С. Грибоедов изобразил своего друга Д. Н. Бегичева в роли Платона Михайловича. Жена Д. Н. Бегичева, Александра Васильевна, не имела ничего общего с светской и бесцветной московской барыней Натальей Дмитриевной, изображенной в „Горе от ума“». (*Соковнина Е. П.* Воспоминания о Д. Н. Бегичеве.— Исторический вестник, 1889, № 3. С. 665—666).

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Г-н Н. и *Г-н Д.*— В прежних изданиях эти инициалы печатались французскими литерами, и получалось впечатление, что в III д. (явл. 14 и 15) говорят два француза, тогда как они ведут себя как исконные москвичи. Между тем, инициал N в старину часто употреблялся в русской графике взамен русского Н. Инициал Д одинаков в русской и французской рукописной графике. Показательно, что в единственной прижизненной публикации «Русской Талии» эти инициалы печатались по-русски.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление IV, стих 90. *А всё Кузнецкий Мост, и вечные французы...*— Кузнецкий Мост был одной из главных торговых улиц Москвы со многими французскими магазинами.

IV, 95. *И книжных и бисквитных лавок!* — На Кузнецком Мосту были книжные магазины, торговавшие иностранными, главным образом французскими, книгами и принадлежавшие французам. Бисквитные лавки — кондитерские.

IV, 131. *Берем же побродяг, и в дом и по билетам.*— В дворянских семьях, кроме постоянных домашних учителей, бывали еще учителя приходящие; после каждого урока они получали «билеты» — квитанции, по которым потом начислялась плата.

IV, 134. *...в жены их готовим скоморохам!* — В древней Руси скоморохами назывались профессиональные, придворные и бродячие музыканты, певцы и плясуны; скоморохи бывали у богатых бар и в XVIII в., потом слово «скоморох» употреблялось как синоним актера (с пренебрежительным оттенком).

IV, 137. *Дал чин ассесора...* — Коллежский асессор — чин VIII класса, равный капитану в армии. Переход из IX класса в VIII, особенно для недворян, считался наиболее трудным. До 1845 г. с этим чином было связано получение потомственного дворянства.

VII, 341. *...с мадамой за пикетом...* — С гувернанткой Софьи за карточной игрой.

VII, 356. *...т же стихи в альбомах.* (Ср. стихи

423—424.) — В 20-х годах XIX в., при редкости и дороговизне книги, в большом ходу были рукописные альбомы, куда выписывались понравившиеся стихотворения. В альбомы писали, по просьбе владельцев, и выдающиеся поэты — Пушкин, Лермонтов и др. (См. характеристику таких альбомов в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, гл. IV, XXVII—XXXI.)

VII, 359—360. *...Английского клоба//Старинный, верный член до гроба?* — Ср. действие четвертое, явл. IV, стих 92: «*Чай в клубе? — В Английском*. Английский клуб был самым аристократическим клубом Москвы, в члены которого выбирались только представители родового и богатого барства. До пожара 1812 г. клуб помещался в доме кн. Гагариных у Петровских ворот (ныне — клиническая больница); в 1813 г. — на Петровке, но вскоре был переведен в дом Н. Н. Муравьева на Б. Дмитровке; с 1831 г. — в доме гр. Разумовской на Тверской (ныне Музей Революции).

VII, 362. *А этот, как его, он турок или грек?..* — И. Д. Гарусов (изд. 1875, стр. 168), ссылаясь на П. А. Вяземского, усматривал здесь намек на Сибилева. У Вяземского читаем: «Был еще оригинал, повсеместный, всюду являющийся, везде встречаемый... Он был вхож в лучшие дома. Дамский угодник, он находился в свите то одной, то другой московской красавицы. Откуда был он? Какое было предыдущее его? Какие родственные связи? Никто не знал, да никто и не любопытствовал знать. Знали только, что он дворянин Сибилев, и довольно. Аристократическая, но преимущественно гостеприимная Москва не наводила генеалогических справок, когда дело шло о том, чтобы за обедом иметь готовый прибор для того или для другого. Сибилев имел в Москве, вероятно двадцать или тридцать таких ежедневно готовых для него приборов... У него были кошачьи ухватки. Он часто лицо свое словно облизывал носовыми платками, которых носил в кармане по три и по четыре» (Русский архив, 1872, № 2, стлб. 486—488).

М. О. Гершензон (Грибоедовская Москва. С. 100—102) прототипом «турка или грека» считает грека Метаксу, действительно, более близкого к грибоедовскому образу, чем русский дворянин Сибилев.

VII, 367. *...трое из бульварных лиц...* — Из постоянных посетителей бульваров. Во времена Грибоедова бульвары были в Москве излюбленным местом гулянья — не только для простонародья, но и для бар. Тверской и Пречистенский бульвары играли в Москве роль петербургского Невского проспекта.

VII, 371—378. *А наше солнышко? наш клад?* ∽ *Певец зимой погоды летней.*— (ср. также II, д., ст. 365—372). — В грибоедовское время в Москве было несколько крепостных театров. В монологе Чацкого речь шла, по-видимому, об известном московском театрале П. А. Познякове, в театре которого французы давали спектакли, когда заняли Москву в 1812 г. Об этом упоминает сам Грибоедов в плане драмы «1812 год» (см.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. I. С. 263, 302). П. А. Вяземский писал о Познякове: «Он приехал в первопрестольную столицу потешать ее своими рублями и крепостным театром. Он купил дом на Никитской (ныне принадлежащий князю Юсупову), устроил в нем зимний сад, театральную залу с ложами и зажил что называется домом и барином: пошли обеды, балы, спектакли, маскарады. Спектакли были очень недурны, потому что в доморощенной труппе находились актеры и певцы не без дарований. ⟨...⟩ Нечего и говорить, что на балах его, спектаклях и маскарадах не было недостатка в посетителях: вся Москва так и рвалась и назывался па приглашения его.

> Да и кому в Москве не зажимали рты
> Обеды, ужины и танцы?

⟨...⟩ Позняков самодовольно угощал Москву в своих покоях и важно на маскарадах своих расхаживал наряженный не то персиянином, не то китайцем. Нет сомнения, что о нем говорится в „Горе от ума“:

> На лбу написано: театр и маскарад.

Не забыл Грибоедов и бородача, который во время бала, в тени померанцевых деревьев „щелкал соловьем“:

> Певец зимой погоды летней».

(Русский архив, 1873, № 10, стлб. 1983—1984; перепечатано в полном собр. сочинений П. А. Вяземского, т. VIII. СПб., 1883. С. 160—162). Другим прототипом

грибоедовского театрала называли помещика Ржевского, продавшего свою балетную труппу дирекции императорских театров. «Он на эти фарсы пробухал 4000 душ»,— писал о нем А. Я. Булгаков (Русский архив, 1901, № 5. С. 27—28, 31).

VII, 373. *Дом зеленью раскрашен в виде рощи...* — В грибоедовское время был обычай расписывать стены комнат цветами, деревьями; такие комнаты назывались боскетными.

VII, 377. *Был спрятан человек и щелкал соловьем...*— Сохранились воспоминания, что у одного московского барина крепостной человек мастерски подражал щелканью соловья.

VII, 379—380. *...книгам враг, // В ученый комитет который поселился...* — Ученый комитет был учрежден в 1817 г. при Министерстве духовных дел и народного просвещения. Он рассматривал учебники и пособия для школ всякого рода, а также проекты по учебной части, и проводил в делах просвещения реакционную политику. Тогдашняя литература очень страдала от придирок Ученого комитета.

VII. 386. *И дым Отечества нам сладок и приятен!* — Не вполне точная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» (1798):

Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.—

в свою очередь восходящая к «Одиссее» Гомера и к латинской пословице «Et fumus patriae dulcis» («И дым отечества сладок»). Известен ряд случаев использования этого выражения писателями и журналами XVIII — начала XIX в. еще до Грибоедова (см.: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1966. С. 264—266). Однако в широкое обращение этот образ вошел как цитата из «Горя от ума». На заимствованный характер стиха указал сам Грибоедов, выделив его курсивом.

VII, 389—390. *...всё девушкой, Минервой? // Все фрейлиной Екатерины Первой?* — Минерва (Афина) — римская (греческая) дева-богиня мудрости; фрейлина — придворная дама или девица, состоявшая при императрице. Чацкий называет не Екатерину II, а Екатерину I,

очень давно умершую,— иронически указывая тем самым на древний возраст «фрейлины».

VII, 400—404. *Наш ментор, помните колпак его, халат ∾ Что нам без немцев нет спасенья!* — Ментор — в «Одиссее» Гомера — воспитатель сына Одиссея, Телемака; в нарицательном смысле — воспитатель, наставник. В охарактеризованном здесь менторе-немце биографы готовы видеть первого гувернера Грибоедова, Иоганна-Бернгарда Петрозилиуса, хотя характеристика слишком обща и может одинаково годиться для многих тогдашних немцев-воспитателей.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

I, 3. *...пономарь...* — низший церковнослужитель, во время богослужения быстро читавший по книгам установленные молитвы.

I, 20—21. *...камергер, // С ключом...* — Камергеры (придворное звание) носили на парадных мундирах золотой ключ.

I, 21. *...и сыну ключ умел доставить...* Т. е. провел и сына в камергеры.

II, 65—66. *... покойник дядя, // Максим Петрович...* — Прототипом Максима Петровича считали екатерининского вельможу Н. Н. Новосильцева, жившего на покое в Москве и поражавшего всех своим великолепием и роскошью. Однако круг лиц из числа «тузов», живших тогда в Москве, к которым подходила бы эта характеристика, был широким.

II, 73. *...тупеем не кивнут.* — Тупей (франц. toupet) — собранный на затылке пучок волос; старинная прическа.

II, 74. *Вельможа в случае...* — т. е. в милости, в «фаворе» у царя или царицы. Ср. у И. А. Крылова — название басни: «Слон в случае».

II, 80. *На куртаге...* — Старинное слово (из франц. cour — двор и немецк. Tag — день) — приемный день при дворе.

II, 121 *...он карбонари!* — Карбонарии («угольщики») — члены революционной политической организации в Италии. Движение карбонариев, начавшееся в 1817 г., в 1820—1821 гг. приняло характер революции в Неаполе, Пьемонте и Папской области. В России декабристы горячо сочувствовали карбонариям

и имели с ними некоторые связи (см. *Ковальская М. И.* Итальянские карбонарии и передовая Россия // Вопросы истории, 1967, № 8, с. 78—90). Для читателей 1823—1824 гг. восклицание Фамусова о карбонарстве Чацкого имело всю остроту злобы дня.

V, 222. *За третье августа, засели мы в траншею...*— По сообщению М. В. Нечкиной (*Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 277—278), 3 августа 1813 г. никаких боевых действий не было, так как до 14 августа действовало Плесвицкое перемирие, русские войска стояли в Богемии и офицерство в основном веселилось в Праге, где в этот день состоялось свидание Александра I с австрийским императором Францем II. «Подвиг» Скалозуба, таким образом, только в том и состоял, что они «засели в траншею».

V, 223. *Ему дан с бантом, мне на шею.*— Царские ордена прикреплялись к ленте присвоенного данному ордену цвета. Низшие ордена (IV и III степени) носились в петлице и лента могла завязываться бантом; высшие (I и II степени) — на шее. Согласно любезному разъяснению В. М. Глинки (Государственный Эрмитаж), — «с бантом» — несомненно, орден Владимира 4-й степени, а «на шею» — почти бесспорно Анны 2-й степени: Владимира 4-й Скалозуб уже, очевидно, имел — согласно старшинству орденов. Если бы ему дали Владимира 3-й степени, это нарушило бы принятую последовательность награждений.

V, 226—228. *Но крепко набрался каких-то новых правил ∾ книги стал читать.* — В образе двоюродного брата Скалозуба видели декабриста П. Д. Черевина, который рано оставил военную службу и поселился в деревне, намереваясь заняться улучшением благосостояния крестьян. П. Д. Черевин был автором исторических исследований и умер в возрасте 24 лет. Сочувственный некролог в «Вестнике Европы» (1824, № 14, с. 149—152) посвятил ему декабрист С. Д. Нечаев.

V, 294. *Прямые канцлеры в отставке...* — Канцлер — высший гражданский чин. В Москве не у дел жило много вельмож, которые непрочь бывали разыгрывать «оппозицию» на словах в Английском клубе.

V, 302. *Присутствовать пошлите их в Сенат!* — В Москве тогда еще существовали «департаменты» выс-

шего судебного учреждения — Сената, находившегося в Петербурге.

V, 306. *...король был прусский здесь...* — Прусский король Фридрих-Вильгельм III, отец великой княгини Александры Федоровны, приезжал в Москву 4(16) июня 1818 г. и пробыл в столице 11 дней, бывая на балах, обедах и т.п.

V, 320. *Пожар способствовал ей много к украшенью.* — Пожар в 1812 г., при нашествии французов. После пожара Москва заново отстраивалась.

V, 342. *Времен Очаковских и покоренья Крыма.* — Т. е., очень давно. Крепость Очаков на Днепровском лимане взята у турок в 1788 г. и присоединена к России. В 1783 г. состоялось присоединение к России Крыма. Действие же «Горя от ума» происходит около 1820 г.

V, 353. *...клинеты-иностранцы...* — иностранцы, нашедшие себе покровительство у русских знатных бар. Среди них было еще значительное число французских эмигрантов, бежавших от революции 1789 г.

V, 360. *...Нестор негодяев знатных...* — Нестор — герой «Илиады» Гомера, один из предводителей греков, осаждавших Трою, глубокий старик, отличавшийся своими мудрыми советами. В нарицательном смысле — советчик, руководитель.

V, 368. *Сам погружен умом в Зефирах и Амурах...* — т. е. занят обучением крепостных актеров, изображающих в балете фантастические образы зефиров (ветерков) и амуров (божков любви). См. прим. к б. 371—378 первого действия.

VI, 402. *...к гвардионцам...* — к офицерам лейб-гвардейских полков, учрежденных в 1813 г. Гвардионцы получали преимущество одного чина перед армейскими офицерами.

VIII, 452. *...Для компаньи?* — По сообщению П. А. Вяземского, первоначально эта часть стиха относилась к реплике Чацкого и по его совету была передана Лизе: «Чацкий говорил: „Желал бы с ним убиться для компаньи". Тут заметил я, что влюбленному Чацкому... неловко употреблять пошлое выражение „для компаньи", а лучше передать его служанке Лизе. Так Грибоедов и сделал» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. VII. С. 343). Это свидетельство

Вяземского подтверждается вариантами Музейного автографа (см. С. 170).

IX, 459. *...ирритация* — возбуждение, волнение, замешательство (военный термин от латинск.: irritatio).

Опрометью вбежали.— Д. А. Смирнов записал по поводу этих слов следующее высказывание М. С. Щепкина: «Знаете ли, что одно слово из комедии, именно слово „опрометью", написанное Грибоедовым, так, что по метру стихов надо читать его „опро́метью", имело свою историю. На это слово нападали многие. 〈...〉 Раз дошло до того, что один господин говорит мне в театре:

— Михаил Семенович, как это вам не стыдно: Грибоедов наврал, а вы без стыда повторяете...

— Где это Грибоедов наврал?.. Любопытно узнать.

— Да что это такое за слово, которое у нас, вслух всем, повторяется на сцене — „опро́метью"? Откуда такое слово? По-русски говорится „о́прометью".

— Послушайте,— отвечал я господину,— трудно предположить, чтобы человек, который так знает русский язык и так владеет русским стихом, как Грибоедов, мог *наврать* иначе, как умышленно. Таких слов, которые доведены метром стихов до необходимости неправильного их произношения, вы найдете в комедии не одно, а пять или шесть. Неужели вы думаете, что Грибоедов не умел бы с этими стихами справиться?.. А я так, напротив, думаю, что это сделано им не спроста, а для того, чтобы показать, что наше общество не умело говорить по-русски» (А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М., 1929. С. 293).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

I, 6. *Хрипун...* — Щеголеватые армейские офицеры в начале XIX в. отличались манерой говорить хриплым басом.

...фагот — музыкальный духовой инструмент, труба с клапанами низкого звучания.

III,165, ср. XXI, 508. *С тех пор, как числюсь по Архивам...* — В московские архивы зачислялись аристократические юноши, которые на службу не являлись, но чины получали.

III, 177—194. *Татьяна Юрьевна рассказывала что-то...* — Образ «Татьяны Юрьевны», мелькающий в

диалоге Чацкого и Молчалина, несомненно, привлекал значительное внимание Грибоедова. В первоначальной, Музейной редакции он охарактеризован еще более выразительно. Прототипом Татьяны Юрьевны считают Прасковью Юрьевну Кологривову, в первом браке Гагарину, урожденную Трубецкую. Декабрист Д. И. Завалишин свидетельствовал: «Что касается Татьяны Юрьевны, то тут автор действительно разумел Прасковью Юрьевну К., прославившуюся особенно тем, что муж ее, однажды спрошенный на бале одним высоким лицом, кто он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов» (Древняя и новая Россия, 1879, № 4. С. 314. Ср.: *Гершензон М.* Грибоедовская Москва М., 1916. С. 106).

III. 203. *При трех министрах был начальник отделенья...* — Начальник отделенья — крупная должность в царских министерствах, соединявшаяся обычно с чином действительного статского советника (штатского генерала).

VI, 267. *Ты обер или штаб?* — Т. е. обер-офицер или штаб-офицер? Обер-офицеры — младшая группа офицеров — до капитана, штаб-офицеры — от майора до полковника.

VII, 296. ... *тюрлюрлю...*— дамский наряд, мантилья.

VII, 297. ... *эшарп* — (франц.: echarpe) — шарф, повязка.

VII, 309. ... *камер-юнкер* — младший придворный чин.

IX, 351. ... *переносить горазд...*— т. е., доносить, совершать политические и иные доносы.

X, 364. ... *арапку-девку* (ср. ст. 382 — *двоих арапченков...*) — при царском дворе и у петербургских и московских бар была манера держать среди челяди негров — «арапов».

XVI, 458. ... *желтый дом...*— дом умалишенных.

XIX, 482. *К фармазонам в клоб?* — Фармазоны — испорченное слово франк-масоны (франц. franc-maçons), «свободные каменщики», члены религиозно-филантропического общества, распространенного по всей Европе; в России в XVIII в. и особенно в первой четверти

XIX в. было много масонских лож (организаций), которые вызывали подозрительное отношение и преследования со стороны правительства. По распоряжению Александра I, в 1822 г. все масонские ложи были закрыты. Сам Грибоедов был членом масонских лож. Клоб — клуб.

XX, 492. *...волтерьянец!* — последователь французского мыслителя XVIII в. Вольтера; в тогдашнем смысле — вольнодумец.

XXI, 527. *Да от ланкартачных взаимных обучений.*— Ланкартачный — искаженное слово «ланкастерский». Система английского педагога Ланкастера (1771 — 1838) состояла в том, что более сильные ученики обучали слабейших, помогая учителю. В 1819 г. в Петербурге было учреждено Общество училищ взаимного обучения. О ланкастерской системе много писали в журналах, ею увлекались поборники народного просвещения, передовые офицеры при обучении солдат в армии; в частности, декабристы. Политический процесс «первого декабриста» В. Ф. Раевского в 1822 г. связан с его деятельностью в ланкастерских школах. В. К. Кюхельбекер по выходе из Лицея был членом Комитета Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения. Люди невежественные и косные могли «с ума сходить» от раздражения по поводу этого движения.

XXI, 528—529. *...в Петербурге институт // Педа-го-гический...*— Педагогический институт в Петербурге, основанный в 1804 г., в 1816 г. преобразован в Главный педагогический институт. Интересно отметить, что преподавателем благородного пансиона при петербургском Педагогическом институте с 1817 по 1820 г. был друг Грибоедова, декабрист В. К. Кюхельбекер, общавшийся с ним в Тифлисе во время создания «Горя от ума».

XXI, 530. *Там упражняются в расколах и в безверьи, // Профессоры!!* — Реплика Тугоуховской находится в полном соответствии с проводившимся в начале 20-х годов XIX в. новым курсом правительства в отношении учебных заведений. В 1821 г. реакционный попечитель петербургского учебного округа Д. П. Рунич обрушился на профессоров: Э. С. Раупаха, К. Ф. Гер-

мана, К. И. Арсеньева и А. И. Галича; им ставились в вину «открытое отвержение истин св. писания и христианства», соединяемое «с покушением ниспровергнуть и законные власти». Профессорам запрещено было преподавание (см.: *Давидович Я.* «Дело» Санкт-Петербургского университета в 1821 году // Вестник Ленинградского университета, 1947, № 3. С. 145—155). Такой же погром был учинен М. Л. Магницким в Казанском университете. «Преобразованиям» подвергся в 1822 г. также Александровский лицей, в котором учился Пушкин (см.: *Гессен С. Я.* К истории разгрома пушкинского лицея.— Литературный современник, 1937, № 1. С. 252—259).

XXI, 531—535. ... *у них учился наш родня ∾ Князь Федор, мой племянник.*— В воспоминаниях Т. П. Пассек рассказывается, что у А. А. Яковлева, дяди Герцена, «был совершеннолетний сын Алексей Александрович, умный, образованный, ученый, известный под названием „Химика“, о котором Грибоедов сказал в своей комедии „Горе от ума“:

Он химик, он ботаник,
Князь Федор, наш племянник».

(*Пассек Т. П.* Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. I. С. 94). Подробную и сочувственную характеристику А. А. Яковлева-Химика, тоже с указанием на «Горе от ума», дает А. И. Герцен в «Былом и думах», ч. I, гл. VI (*Герцен А. И.* Собр.соч. В 30-ти т. М., 1956. Т. VIII. С. 110—115).

XXII, 575. *Французик из Бордо...*— Образ «французика из Бордо», возможно, подсказан следующим сатирическим «известием» журнала Н. И. Новикова «Трутень»: «На сих днях в здешний порт прибыл из *Бурдо* корабль: на нем кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы ⟨...⟩ Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полициею ⟨...⟩ и ради того приехали они сюда, и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей ⟨...⟩ Любезные сограждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам (ср.: д. I, 131 — «*Берем*

же побродяг...» — *Н. П.*) и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учители французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения» (Трутень, 1769 г., 11 авг., л. XVI).

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Из второго жилья — т. е. этажа. Ср. в одном из вариантов поэмы ‹«Езерский»› А. С. Пушкина: «В конуре пятого жилья...» (*Пушкин* Полн.собр.соч. Л., 1948. Т. V. С. 388), а также в «Путешествии в Арзрум»: «Он повел меня по-узкой лестнице во второе жилье своего дома» (там же. Л., 1938. Т. VIII. С. 464).

IV, 76. *Зови меня вандалом.*— Вандалы — древнегерманское племя, разграбившее Рим в 450 г. В нарицательном смысле вандал — грубый, невежественный человек.

IV, 102. ... *о камерах, присяжных...*— Камеры — палаты народных депутатов в конституционных государствах. О палатах депутатов, как и о введении в России суда присяжных, много говорили тогда в русском обществе, особенно в среде декабристов.

IV, 103. *О Бейроне...*— Имя Байрона около 1823—1824 гг. пользовалось в России большой популярностью как поэта вольнолюбивого и мятежного.

IV, 135. «*А! нон лашьяр ми, но, но, но*».— Из популярной в то время оперы Б. Галуппи (1703—1785), приглашенного Екатериной II в Россию, «Didona albandonata» («Покинутая Дидона»). Поставлена в Петербурге в 1766 г. (см.: *Лернер Н.* Пушкиноведческие этюды.— Звенья, кн. V. М.; Л., 1935. С. 105).

IV, 150—159. *Но голова у нас, какой в России нету ∾ Сам плачет, и мы все рыдаем.*— В образе ночного разбойника, дуэлиста, вернувшегося алеутом, несомненно, обрисован Федор Иванович Толстой, прозванный «Американцем». Толстой служил в Преображенском полку, потом принял участие в кругосветном путешествии Крузенштерна, за столкновение с командиром был высажен на берег во владениях Российско-американской колонии, жил на Алеутских островах. Страстью его были дуэли и карточная игра. Будучи превосходным стрелком из пистолета и мастерски владея саблей, он сам насчитывал одиннадцать человек,

убитых им на дуэлях. Намеки на Толстого-Американца в реплике Репетилова столь прозрачны, что не требуют особых подтверждений. Он сам признал свое тождество с грибоедовским образом. На списке «Горя от ума», принадлежавшем декабристу Ф. П. Шаховскому (Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва), против слов: «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, и крепко на руку нечист» — Толстой сделал собственноручные замечания и исправления. Он предлагал читать: «в Камчатку *чорт носил*» — «ибо сослан никогда не был»; «в *картишках* на руку нечист» — «для верности портрета сия поправка необходима, чтоб не подумали, что ворует табакерки со стола...»

V, 204. ... *реверси* (франц. reversi) — карточная игра.

V, 218. ... *адрес-календарь.*— Под таким названием издавались календари-ежегодники с перечнем учреждений и должностных лиц (с указанием чина).

VII, 256. ... *якобинец* — член Якобинского клуба, революционной организации времен французской революции конца XVIII в.; в нарицательном смысле — политический вольнодумец.

XII, 356—362. ... *Мне завещал отец ∾ чтоб ласкова была.*— Ср. у А. Н. Радищева в «Житии Федора Васильевича Ушакова»: «Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения своей цели, нужна приязнь всех тех, кто, хотя мизинцем, до дела их касается; и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угождения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но ко всем его приближенным, как то к секретарю его, к секретарю его секретаря, если у него оный есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят» (Собрание оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева, ч. V. М., 1811. С. 15).

XIV, 441. *В работу вас, на поселенье вас.*— Указом 1765—1767 гг. Екатерина II подтвердила право помещиков ссылать непокорных крестьян на каторгу в Сибирь, по своему произволу. В 1802 г. Александр I отменил это право, но в 1822 г. оно было восстановлено.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАННЕЙ РЕДАКЦИИ И К ОТДЕЛУ «ВАРИАНТЫ»

В «Дополнениях» к основному тексту «Горя от ума», кроме текста «Музейного автографа», печатающегося целиком, как ранняя редакция комедии, помещены варианты Жандровской рукописи, первопечатного текста альманаха «Русская Талия на 1825 год», а также список действующих лиц так называемого Бехтеевского списка, дополняющий Музейный автограф, который лишен списка «Действующих».

При публикации Музейного автографа воспроизводится его окончательный текст (верхнего слоя), а в подстрочных примечаниях приводятся отмененные варианты, последовательные слои которых обозначаются литерами (*а*, *б*, *в*, и т. д.).

При публикации вариантов во всех случаях, представляющихся удобными, вариант публикуется целым стихом. Если выписывается только часть стиха, то слева от нее, перед знаком, / для сравнения печатается отрезок основного текста, точно соответствующий по объему публикуемому варианту. Знак ◊, поставленный в конце варианта, означает, что в том же рукописном источнике последующим исправлением автор выработал вариант, совпадающий с чтением публикуемого в книге основного текста «Горя от ума».

ТЕКСТ МУЗЕЙНОГО АВТОГРАФА

Воспроизводится по подлинной рукописи, хранящейся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея в Москве (шифр: 40865/арх. 2415, хр. А819).

Рукопись была оставлена Грибоедовым у С. Н. Бегичева перед отъездом в Петербург в мае 1824 г. Переработав текст комедии, Грибоедов писал из Петербурга

Бегичеву, чтобы он, «коли решится», сжег «манускрипт», который «несовершенен и нечист». С. Н. Бегичев, однако, не решился сжечь рукопись, и она хранилась у него и потом у его дочери, М. С. Бегичевой. В 1902 г. рукопись была приобретена Историческим музеем. По месту хранения и по принадлежности текста руке автора рукопись получила название «Музейного автографа». Она составлена из четырех тетрадей, каждая на одно действие, формата писчей бумаги, всего 82 листа. Акты III и IV записаны на иной, более желтой бумаге, чем I и II акты (в которых эта желтая бумага использована только для некоторых более поздних вставок, одновременных, вероятно, работе над III и IV актами). Большая часть рукописи, около девяти десятых всего текста, писана собственноручно Грибоедовым. Сцены 2, 3 и часть 4-й первого акта (ст. 91—153) и сцена 22-я третьего акта писаны одним переписчиком, а несколько стихов 7-й сцены первого акта (ст. 402—415 и 422—425) — другим переписчиком, который подписался внизу текста: «С подлинным верно. Вн̃грдв.» (л. 14). В первой тетради, содержащей первый акт и состоящей из 21 листа, листы 6, 15, 16 и 17 испорчены: вся правая половина их вдоль листа отрезана, так что написанный на них рукой Грибоедова текст второй, третьей и отчасти четвертой сцен сохранился только в отрывках. Сохранившийся текст этих обрезанных листов воспроизводится ниже (в прямые скобки взято зачеркнутое в рукописи):

Сцена

Л и з а,

Л и з

Ах, ба

Ф

(*останавлива*

Ведь экая шалунь
Не мог придума
[Мне отзываетс
То флейта слыш.[1], то
Для Софьи сл [2]

---

[1] *а.* флейтою б. флейта слыш. [2] *а.* Ужли Софья мо *б.* Неужто Софья мо *в.* Для Софьи сл.

Лиза

Нет, Сударь,.. я...

Фам

Вот то-то невзначай
[Играй себе, играй]
Так верно с умыслом [1]

Лиза

[Да в двух шагах]
[Во всякий час, везде]

Фмсв

[Молчи! Дочь спит?]

Лиза

[2] Сей

Фмсв

Сей час! А ночь?

целую читала [3]
[а вы ее]
ъ
[ы] часы заводишь,
Симфонию гремишь.
(как можно громче)

сов *(зажимает ей рот)*

й как кричишь
а ты сходишь
[ъ, так кричишь]

(жмется [4] к ней и заигрывает)
[кою нежностью [5] треплет ее
по щеке, жмет руку и прочее])

баловницы.
а
лицу ль вам эти лицы.

---

[1] *а.* Резвушка, пухл *б.* Все верно с умыслом *в.* Так верно с умыслом [2] *Здесь поставлен условный знак для переноса в конец следующей страницы.* [3] *Поставлен знак для указания какой-то вставки.* [4] *а.* *теснится* *б.* *жмется*. [5] *Конец слова неразборчив.*

м с в
о кроме
а уме.

з а
енники сами,
старики...

м с в
Почти.

Л и з а
т, куда мы с вами?

Ф м с в
придти[1]?
и?
остеле [2],

Л и з

Ф м

Сей час легла,

Л

Боюсь, что бы не вы
[Сей час легла,]

Ф

Чего?
[Всю ночь не спа]

Л

Пора, сударь в
У девушек со
Чуть дверью скр
Все слышут

Ф

[Ли]
Ей богу, вам

Г о л

Эй, Лиза!

Ф м

Тс! когд

---

[1] *а.* войти *б.* придти [2] *Знаком обозначен перенос с предыдущей страницы.*

[Л и з а

[(с трепетом

[Л и з а

[Ох! сердце как дышать

Л и з а *одна*

Ушел... Ах! от господ подалей [1]
У них беды себе [2] на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей [3]
И барский гнев, и барская любовь.

чкой за ней Молчалин.

а

е [Точно] рассвело!

т свечу

к быстры ночи!

ороны нет мочи,
шел [4], я обмерла.
не помню что врала [5]
Для нашей, сударь чести,
на месте,
повыгляньте в окно:
улицам давно,
дня, пол моют, метут и убирают [6]

я

в не наблюдают,
ваша власть [7]
конечно мне попасть

ф и я (*Молчалину*)

нь еще потерпим скуку

и з а

прочь возьмите руку

Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым).

---

[1] *а.* от господской власти *б.* от господ подалей [2] *а.* К бедам себя *б.* У них беды себе [3] *а.* нещастий *б.* печалей [4] *а.* десь был *б.* шел [5] *а.* лгала ему лгала *б.* не помню что врала [6] *а.* дня, пол моют, пыль сметают *б.* дня, пол моют, пыль счищают *в.* дня, пол моют, метут и убирают [7] *Перед* ваша власть *зачеркнуто*: *а.* жалость. Страсть *б.* хоть к людям жалость... Страсть

Сцен

С сфия [П в л в н]

Ф

Что за оказия? М

М

Ф

За чем же здесь
И Софья!... Здрав
поднялась
Так рано для ка
И как вас бог]
[Ну? немы?

С о ф

бат
[Он сей
Он только, что теперь

М о

Сей час с прогулки

Ф м

Бр
Гуляешь возле женск
[1] [Да как вы вместе
Одна др[у]ожит, другий
у себя бы
Гулял! [Он] ты лежала в
А? как сошлись вы]

С о ф и я

[Перевести мней дайте [2] д]
голова]
так проворно,
ю покорно
ал!
ал!
ам встревожен очень,
им озабочен:
ужбе хлопотня,

[1] *Знак для обозначения какой-то вставки.* [2] *а.* мне дайте *б.* позвольте

сем дело до меня,
его? Чтоб был тобой [1] обманат!..
я (*сквозь слезы*)

в
от попрекать мне станут,
[кать] всегда
урю.
ворю:
и не радели
ъ колыбели.
мел я принанять
Розье вторую мать.
то в надзор к тебе [2] приставил;
в тихий [3], редких [4] правил.
[ведь]
[овлеет сделать ей:]
и служит ей:
За лишних в г
Сманить себя [отсю] други
Да не в мадаме с
Не надобно иного о
Когда в глазах п
Смотри ты на м
Однако бодр и свеж
[Не уступлю в здор]
Свободен, вдов, себе я
Монашеским изве
Ты плакала о чем

Софи

[И смех и слезы]
[Вы гневны на кого]

[Ф м с

[Невинные! Нашл]
[Вы посетитель т]

Софи

[Он ничего вам не]
Уж это [5] я скорее разберу

---

[1] *а.* в семье *б.* тобой [2] *а.* тебе *б.* к тебе [3] *а.* кроткий *б.* тихий [4] *а.* честных *б.* редких [5] *а.* Уж *б.* Уж это

Как с вечеру вас к
Простите батю
Не попадайся вам,
Что ступим шаг,

Ф м с в

Какой тут шаг? ни
ˀ и
го у кровати!
Великая напасть:
..случайно.
сть?
[Это что ли тайно?]
[без головы]
[ась с просонок]
[нок...]
[мели с Лизой вы.]
ть мой голос может?
делица тревожит;
ймете вы тогда.
с в
ф и я
ъ рассказать?
Ф м с в
Ну да.

Взамен обрезанных листов вставлены другие, написанные первым переписчиком, но они неправильно подшиты.

На листе 67 имеется следующая надпись (скрепленная сургучной печатью) близкого друга Грибоедова, А. А. Жандра: «Удостоверяю моею подписью, что рукопись сия, за исключением в 1-м акте сцен 2-й, 3-й и 4-й до слов (Фамусов садится) Софьи: в саду была, цветы и т. д. в 7-й сцене приписок, означенных знаком*) # # и в 3-м акте последней сцены,— *вся писана собственною рукою Александра Сергеевича Грибоедова.* 28 февраля 1859 года. Сенатор тайный советник Жандр».

Текст Музейного автографа впервые был напечатан В. Е. Якушкиным в издании Исторического музея: Описание памятников. Выпуск III. Рукопись коме-

дии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Москва, 1903. Палеографическое описание рукописи в этом издании принадлежит А. И. Станкевичу. Вторично текст Музейного автографа опубликован во II томе Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова (СПб., 1913).

Настоящая публикация — четвертая по счету (см. стр. 439). Текст заново сверен с подлинником А. Л. Гришуниным и перетранскрибирован в соответствии с основными правилами современной орфографии.

* * *

Стр. 142. ... *сияние гуменца*...— Гуменце — обнаженная маковка головы, темя; лысина.

Стр. 142. *С ней доктор Фациус?* — Фациус, Иван и Фациус, Иван же (его сын) служили в России в конце XVIII — начале XIX в. по министерству иностранных дел (Русский биографический словарь, т. 21. СПб., 1901, с. 25—26). В оркестре гр. Н. П. Шереметева с 1780 по 1805 г. играл виолончелист Иоганн Готлиб Фациус. После 1805 г. он жил еще в Москве (*Елизарова Н. А.* Театры Шереметевых. М., 1944. С. 345—346).

Стр. 148. *А вынос у Николы в сапожках.*— Церковь Николы в сапожках была близ Кутафьи башни, на нынешней Манежной улице в Москве; снесена в 1838 г.

Стр. 172. *Эндимион* — по древнегреческой мифологии, юный любовник Селены (Луны), навечно усыпленный богами и спящий у ее ног. Здесь этим именем Чацкий наделяет Молчалина.

Стр. 228. *Я школы Фридриха*...— т. е. короля Фридриха II (1712—1786), создавшего в Пруссии сильное военно-монархическое государство.

БЕХТЕЕВСКИЙ СПИСОК (1824)

Бехтеевский список представляет собой рукописную копию «Горя от ума», восходящую к тексту Музейного автографа. Они принадлежала близкому приятелю и соседу С. Н. Бегичева по имению, Ивану Петровичу Бехтееву (17??—1853). Летом 1823 г., когда создавались третий и четвертый акты комедии,

Грибоедов бывал у И. П. Бехтеева в с. Пружинках, Задонского уезда, Воронежской губ., и последний мог знать подробности творческой работы Грибоедова в Екатерининском. Бехтеевский список «Горя от ума» хранится в Грибоедовском собрании Н. К. Пиксанова.

Рукопись не дошла до нас в полной сохранности. Из IV акта остались только два отдельных листа, содержащие две последние сцены, остальные исчезли. Текст переписан небрежно, с грубыми ошибками, искажениями и пропусками слов, фраз и целых реплик.

Если не принимать во внимание разночтения, созданные этой небрежностью, текст Бехтеевского списка вполне совпадает с окончательным слоем Музейного автографа, из чего следует, что список сделан не в 1823, а в 1824 г., когда Грибоедов закончил все изменения текста в Музейном автографе. Об этом свидетельствует и палеографическая примета: на бумаге Бехтеевского списка имеется водяной знак 1824 г.

Ценную особенность Бехтеевского списка составляет перечень действующих лиц комедии, которого в Музейном автографе нет. Этот перечень приводится в отделе вариантов настоящего издания, как дополняющий текст Музейного автографа, хотя прямых данных утверждать, что этот перечень составлен Грибоедовым, а не, например, самим И. П. Бехтеевым,— нет.

ЖАНДРОВСКАЯ РУКОПИСЬ (1824)

Хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея в Москве (Арх. № 2566/А819).

Внешняя история рукописи изложена выше, в статье об истории текста (стр. 391—392).

В рукописи 244 страницы. Из них стр. 20, 21, 240 и 241 вклеены взамен вырезанных и писаны собственноручно А. С. Грибоедовым, а многие другие страницы содержат сделанные им поправки и изменения. На форзаце — карандашная надпись Н. В. Шаломытова (20 сентября 1901 г.).

Напечатана целиком (способом т.н. «двойного печатания») и подробно описана в кн.: „Горе от ума". Комедия А. С. Грибоедова. Текст Жандровской руко-

писи, хранящейся в Императорском Российском Историческом музее... в Москве / Ред., введ. и примеч. Н. К. Пиксанова. М., изд. Л. Э. Бухгейм, 1912 (с некоторыми ошибками, правда, несущественными).

«РУССКАЯ ТАЛИЯ на 1825 год»

Напечатано в альманахе: Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год. Издал Фаддей Булгарин. СПб., в типографии Н. Греча. Цензурное разрешение 15 ноября 1824 г. Цензор А. Бирюков.

Грибоедовский текст (явления 7—10 первого действия и все третье действие) занимает в этой книге стр. 257—316 и озаглавлен: «Из комедии „Горе от ума“». Подпись в конце текста: А. Грибоедов. Списка действующих в публикации нет, а при первом упоминании главных действующих лиц делаются подстрочные пояснения: Софья Павловна — «Дочь богатого московского жителя»; Лиза — «Служанка»; Чацкий — «Молодой человек, возвратившийся из путешествия, воспитанный вместе с Софиею»; Фамусов — «Отец Софии Павловны».

В конце книги помещены «Исправления», но некоторые опечатки не были замечены позднейшими издателями.

Большая часть публикуемых вариантов «Русской Талии» цензурного происхождения, творческими вариантами Грибоедова они не являются.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРЕ ОТ УМА

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ГРИБОЕДОВ

ГОРЕ ОТ УМА

Утверждено к печати Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства
Н. А. Алпатова
Технический редактор
В. В. Тарасова
Корректоры
Л. А. Розыбакиева, Ф. Г. Сурова

ИБ № 36245

Сдано в набор 25.07.86
Подписано к печати 13.02.87
Формат $70 \times 90^1/_{32}$
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,7. Усл. кр. отт. 19,0.
Уч.-изд. л. 18,3.
Тираж 50 000 экз. Тип. зак. 3092
Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

2р.50к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»